Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н.П. ОГАРЁВА

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

ВЫПУСК 13

САРАНСК 2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЁВА»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 13

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2021

УДК 81'1:316.77
ББК Ш 10
Л 59

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра иностранных языков ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования» (заведующий – *О. А. Миронова*, кандидат педагогических наук, доцент);
кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва» (заведующий – *В. В. Левченко*, доктор педагогических наук, профессор)

Ответственный редактор – ***И. В. Коровина***

Л 59 **Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты** : сб. науч. тр. [Электронный ресурс] / отв. ред. И. В. Коровина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – Вып. 13. – 119 с.
ISBN 978-5-7103-4104-9

Сборник включает статьи по широкому кругу проблем современной теоретической и прикладной лингвистики.

Адресовано преподавателям, аспирантам, научным работникам и всем тем, кто интересуется проблемами современного языкознания, а также междисциплинарными вопросами в контексте филологической проблематики.

Научное издание

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 13

Технический редактор – *А. Ю. Надейкина*

Издательство Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

ISBN 978-5-7103-4104-9

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

Оглавление

I. **ТЕКСТ И ДИСКУРС** 5

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА КАК НОВОЙ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 6

Е. А. Бабенкова, А. В. Пронина

ИНТЕРДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ (на примере протоколов судебных заседаний Апелляционного суда США ..... по экономическим делам) 12

А. А. Касимкина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА 18

И. А. Аржанова, О. В. Киселева

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ ЧЕЛОВЕКА В БУДУЩЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ 24

Е. Д. Полетаева

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕБ-САЙТА 30

Т. А. Фоминова

II. **ЯЗЫК И РЕЧЬ. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ** 35

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСПАНО-АНГЛИЙСКОГО И РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ 36

И. Ю. Алдашкина

ПРИНЦИПЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ РАБОТЕ С ЛЕКСИКОЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 41

К. В. Иргизова

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В КИНОТЕКСТАХ 48

М. А. Кузьмин, Т. С. Шикина

ЭМОТИВНОСТЬ ВОКАБУЛЯРА ЖЕНСКИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ 54

И. С. Кузьмина

ПЕРЕДАЧА ЛЕКСИКИ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ 60

А. И. Молчанова

ВАЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В РАБОТЕ УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА 68

А. О. Тумайкина, Т. С. Шикина

III. **МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ** 74

ЧЕРТЫ БРИТАНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 75

Д. А. Богачева

ГИБРИДНОСТЬ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРАМИ В ТЕКСТЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА “COCO” («ТАЙНА КОКО») И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК 80

Ю. М. Кисткина

КОГНИТИВНЫЙ КОНЦЕПТ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАГОЛОВОК» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ 87

С. В. Чертоусова

IV. **ЛИНГВОДИДАКТИКА** 95

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 96

Н. Е. Боброва

РОЛЕВАЯ ИГРА НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 101

И. В. Вельмискина

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ 106

С. В. Скачкова

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОЛИМПИАД ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ 113

А. С. Явор

I. ТЕКСТ И ДИСКУРС

УДК 81:004.738.5

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА КАК НОВОЙ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Е. А. Бабенкова, А. В. Пронина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Статья имеет целью рассмотрение основных черт становления и функционирования нового дискурсивного пространства как формы виртуальной коммуникации. Авторами делается попытка определить терминологические параметры Интернет-дискурса, а также выявить его истоки, описать внешние и внутренние признаки и функциональное пространство.

Ключевые слова: коммуникация, дискурс, Интернет-дискурс, Интернет, сеть.

THE INTERNET-DISCOURSE AS A NEW FORM OF COMMUNICATION OF VIRTUAL REALITY

Abstract. The article aims at considering basic features of formation and functioning of a new type of discourse as a form of virtual reality. The authors make an attempt to define terminological issues of the Internet-discourse, analyse its derivational sources, describe its internal and external features and functional borders.

Keywords: communication, discourse, Internet-discourse, the Internet, net.

Глобализация как одна из знаковых черт современного мирового сообщества оказывает внушительное влияние на самые разнообразные аспекты функционирования любого социума, инициируя траектории его развития. В частности, стремительное развитие информационных технологий, в том числе и сети Интернет, обусловлено вышеупомянутой тенденцией. Создание и распространение глобальной сети явилось источником возникновения нового типа дискурса – Интернет-дискурса (ИД). Не вызывает сомнения тот факт, что язык имеет свойство подстраиваться под окружающие его условия и становиться главным инструментом в формировании системы основных особенностей того или иного дискурсивного пространства. Данный факт позволяет констатировать возникновение и активное развитие нового вида коммуникации – коммуникации виртуальной реальности. Не следует пренебрегать тем фактом, что ИД сформировался под влиянием предшествующих ему компьютерного и сетевого дискурсов и, следовательно, не может рассматриваться обособленно: «Под «Интернет-дискурсом» мы понимаем некий процесс непосредственного общения коммуникантов в Глобальной сети, и он является разновидностью «сетевого дискурса»,

который, помимо общения в Интернете, включает в себя коммуникацию еще и в других, например, локальных сетях» [5, с. 89].

Существенно отметить точку зрения некоторых специалистов, которые не склонны отождествлять обсуждаемые типы дискурсов. В частности, Е. Н. Галичкина предлагает отделить понятия компьютерной и виртуальной коммуникации. Исследовательница утверждает, что понятие компьютерной коммуникации определяется главным образом профессиональной деятельностью, т.е. это «преимущественно профессиональное актуальное общение специалистов и пользователей в сфере информатики, программирования, производства компьютеров и программного обеспечения» [1, с. 319]. Е. Н. Галичкина выделяет несколько основных конститутивных признаков, определяющих дискурс компьютерного общения:

1) наличие электронного сигнала как канала общения
2) виртуальность
3) дистантность (разделенность в пространстве и времени)
4) опосредованность
5) высокая степень проницаемости
6) преимущественно статусное равноправие участников
7) передача эмоций, мимики с помощью «смайликов»
8) объединение различных типов дискурса.
9) креолизованность компьютерных текстов [2, с. 59].

Несомненная популярность Интернет-дискурса естественным образом сделала его неотъемлемой частью жизни современного социума, расширив таким образом сферу его функционирования далеко за пределы виртуальной реальности. Это не могло не стать предметом пристального внимания со стороны лингвистов, социологов, психологов и специалистов еще целого ряда направлений научного знания. Это отразилось и в становлении терминологической базы данного направления. Современная лингвистика дает несколько определений понятию Интернет-дискурса, среди которых можно выделить определение Е. Ю. Распопиной, согласно которому дискурс Интернета – это комплексная текстовая система, отличающаяся наличием экстралингвистических социокультурных факторов и специфической ситуации общения пользователей друг с другом в Интернет-пространстве или общения пользователя непосредственно с данным Интернет-пространством при помощи компьютера и иных электронных устройств [6, с.4].

Неоспоримым является тот факт, что Интернет-дискурс представляет собой сложную систему, состоящую из многих элементов, и как и любой системе ему также свойственны изменения и подвижность. Однако внутри такой системы есть ключевые особенности и понятия, которые остаются неизменными и составляют основу представленного типа дискурса. Таким образом, можно сделать вывод, что как и любой другой тип дискурса и любая система в общем, Интернет-дискурс обладает рядом конституирующих признаков. Указанные признаки, согласно Е. В. Гориной, делятся на группы

внешних и внутренних доминант соответственно, которые также в свою очередь включают в себя определенные параметры [3, с. 22].

Внешние признаки Интернет-дискурса отражают взаимодействие и связь Интернета и его пользователя, а также то, как глобальная сеть отражается на человеке. К данным признакам относятся психологичность и социологичность. Психологичность рассматривает многие проблемы, которые непосредственно связаны с деятельностью человека в Интернет-пространстве. К ним относятся проблема зависимости от Интернета, неспособность ориентироваться в пространстве и отличать реальные и виртуальные явления, искажение и неправильное восприятие своего “Я”, эмоциональное отношение ко всему происходящему в сети. Социологичность Интернет-дискурса указывает на принадлежность пользователей к определенному сообществу, которое, так же как и любое другое общество, функционирует по определенным правилам, имеет собственную систему и подвергается изменениям.

Внутренние признаки Интернет-дискурса позволяют раскрыть саму сущность его системы, его устройство и законы развития. К ним относятся когнитивность, интерактивность и вариативность. Когнитивность как внутренний признак интернет дискурса представляет собой результат работы человеческого мышления, который нашел свое отражение непосредственно в глобальном сетевом пространстве. «Когнитивность указывает, что Интернет – многотемное, жизнеподобное образование» [4, с. 75]. Данный признак также описывает процесс восприятия информации, представленной в Интернете сетевыми пользователями. Можно утверждать, что когнитивность является связующим звеном между деятельностью человека в реальной жизни и в глобальном Интернет-пространстве.

Следующим внутренним признаком дискурса Интернета является интерактивность. Она дает пользователям возможность не только воспринимать все потоки информации, содержащиеся в сети, но и формировать и управлять этими потоками. Таким образом, можно говорить об экспансии адресата в Интернет-пространстве. Интерактивность также является свидетельством некоторых изменений, произошедших в модели коммуникации, в частности, появление зависимости от исправности аппаратуры в процессе получения и анализа новой информации. Необходимо отметить расширение функционала самого пользователя-коммуниканта в Интернет-пространстве, что проявляется через возможность быть как продуцентом, так и адресатом информации. Следует указать и на тот факт, что все перечисленные особенности оказали влияние на развитие дружественности Сети по отношению к пользователю.

Данное явление послужило источником образования теории дискурсивной защиты, предложенной Е. Ю. Гориной, согласно которой глобальное пространство Сети отличается своей ориентированностью непосредственно на пользователя. Данное утверждение означает, что Интернет все больше развивается в создании для своих пользователей

максимально комфортных условий для поиска и восприятия информации, предвосхищая трудности и конфликты, которые могут возникнуть у пользователей в Сети. Интерактивность также выявляет средства дискурсивной защиты, необходимые пользователю для ориентации в широком коммуникативном пространстве Интернета.

Среди внутренних конституирующих признаков Интернет-дискурса Е.Ю. Горина также отмечает вариативность. Данная доминанта выражается посредством широкого объема различного рода информации, представленной в Сети. Благодаря вариативности у пользователя появляется возможность выбора источника информации с учетом многочисленных характеристик, таких как: форма подачи материала и его объем, оригинальность и мнение самого автора, его стиль.

Стоит отметить, что вариативность как конституирующий признак Интернет-дискурса имеет несколько значительных преимуществ. Помимо свободной возможности выбора между большим количеством информационных источников, вариативность также способствует повышению внутрисетевой конкуренции. Это выражается посредством роста профессионализма авторов, а также увеличения числа оригинальных материалов.

Вместе с тем, вариативность обладает и рядом недостатков, одним из которых является нагромождение или перегрузка информацией, представленной в Интернете. Сетевое пространство изобилует большим количеством источников, сведения внутри которых неоднократно дублируются. Данное явление приводит к тому, что часто пользователи начинают теряться, утрачивая способность проанализировать большой объем информации, который поступает к ним непрерывным потоком, например, в виде многочисленных страниц запроса в поисковом помощнике. Высокое количество неотфильтрованных новостных источников также является причиной распространения дезинформации среди пользователей, что в дальнейшем может привести к негативным последствиям.

Неотъемлемой характеристикой Интернет-дискурса является наличие внутри него определенных жанров. Важно также отметить, что помимо уже существующих до появления глобальной сети жанров, сетевое пространство к тому же и само является дополнительной площадкой для их образования. Так, например, видеоблог или групповой чат принадлежат к числу как раз тех жанров, которые получили свое распространение исключительно внутри Интернета.

Среди специалистов, занимающихся проблемами языкознания, в том числе и на уровне дискурса, нет четкой и закрепленной системы, содержащей в себе основные разновидности жанров Интернет-дискурса, так же как нет и определенного подхода для образования такой системы. Исследователи выделяют многочисленные классификации форм выражения дискурса Интернет-пространства. Например, британский филолог Дэвид Кристал в своей работе «Language and the Internet» выделяет пять основных ситуаций,

предполагающих использование Интернета: электронная почта, групповые чаты, виртуальные миры и всемирную паутину [9, с. 10].

Е. Н. Галичкина предлагает выделять следующие жанры сетевого дискурса: эпистолярный и инсталляционный. Эпистолярный жанр характеризуется выражением автора своего личного мнения и отношения к какому-либо событию или явлению, в то время как инсталляционная его разновидность предлагает автору вызвать у других пользователей эмоциональную реакцию позитивного или негативного характера [7, с. 99].

Согласно Л. Ю. Щипициной, жанры Интернет-дискурса можно классифицировать на основе коммуникативной функции, которую они выполняют в процессе коммуникации внутри сети. Таким образом, исследовательница выделяет следующие формы выражения дискурса Интернет- пространства:

1) информативные жанры, используемые для получения и обмена информацией (к ним могут относиться веб-страницы СМИ, поисковые системы);

2) социальные жанры: чат, электронные письма;

3) директивные жанры, призывающие пользователя выполнить какое-либо действие (его примерами могут выступать интернет-магазины, веб-реклама и т.д.);

4) презентационные жанры: личные веб-страницы, веб-блоги;

5) эстетические жанры, к которым могут относиться сетевые романы, а также фанфикшн;

6) развлекательные жанры: мультипользовательские миры и игры [8, с.74].

Следует отметить, что обозначенный тип дискурсивного пространства стал новой площадкой для активной деятельности представителей различных социальных сфер, в том числе политической, средств массовой коммуникации, образовательных институтов. Данный факт делает возможным совместное существование различных типов дискурса внутри единого пространства, что влечет за собой процесс формирования нового дискурсивного подтипа или междискурсивного пространства. Представляется обоснованным тот факт, что высокая степень представленности Интернет-дискурса в интеракционных процессах с самыми разными типами дискурсов свидетельствует о его непременной перспективности и дальнейшей экспансии за пределы виртуальной реальности.

Библиографический список

1. Галичкина Е. Н. Типология жанров компьютерного дискурса (актуальная компьютерная коммуникация) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Серия «Языкознание». – 2009. – Вып. 549. – С. 317–327.

2. Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестн. Оренб. гос. ун-та. – 2004. – № 10. – С. 55–59.

3. Горина Е. В. Конституирующие признаки дискурса Интернета: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2016. – 55 с.

4. Горина Е. В. Подходы к анализу дискурса интернета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(57), ч. 2. – С. 73–76.

5. Прокофьева А. В. Развитие дискурса Интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». –2017. – № 5. – С. 85–96.

6. Распопина Е. Ю. Стратегический аспект информационного жанра интернет-дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2012. – 25 с.

7. Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – №2. – С. 97-100.

8. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 238 с.

9. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University press, 2001. – 272 p.

УДК 81’42:340.114.6

ИНТЕРДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ
(на примере протоколов судебных заседаний Апелляционного суда США по экономическим делам)

А. А. Касимкина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В статье рассматривается проблема интердискурсивности экономического и юридического дискурсов. Приводится подробный анализ лексического содержания протоколов судебных заседаний по экономическим делам. Выделены тематические группы экономических терминов по предмету судебного спора.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, язык, экономический, юридический, термины, словообразование.

ECONOMIC AND LEGAL INTERDISCURSIVITY FIELD
(by the example of the Court of Appeal trial transcripts on economic cases)

Abstract. This article deals with the problem of economic and legal discourses. The detailed analysis of the vocabulary of trial transcripts on economical cases is presented. Thematic groups of economic terms on the subject of a trial dispute are distinguished.

Keywords: discourse, interdiscursivity, language, economic, legal, terms, word formation.

В современной лингвистической науке изучение проблемы интердискурсивности становится все более актуальным. Причиной этому стало расширение сферы деятельности человека и переход от узкоспециализированного анализа к всестороннему и всеобъемлющему рассмотрению того или иного явления. В рамках экономического и юридического дискурсов данный термин приобретает особую значимость, поскольку на языке юриспруденции говорит право, а право регулирует все сферы жизни, в том числе и отношения, складывающиеся в отрасли экономики.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению природы дискурса, до сих пор остается нерешенным вопрос его содержания. Дискурс рассматривают как связный текст в коммуникативном событии, как когнитивный процесс создания речевого поведения, как сложный коммуникативный акт и как средство беседы и мышления [3, с. 43]. Согласно трактовке Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во

взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) <…> и изучается совместно с соответствующими «формами жизни» (репортаж, интервью, инструктаж, светская беседа, признание и пр.). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [3, с. 43].

Производное от дискурса понятие «интердискурсивность» было разработано в XX веке французским философом и лингвистом М. Пешё, основоположником школы «автоматического анализа дискурса». Представители данной школы считают, что абсолютно однородных дискурсов не бывает. Дискурс функционирует в системе различных дискурсов и включает в свой состав множество других, которые извне влияют на его содержание. В связи с этим ученые предлагают использовать термин «интердискурс», предполагающий взаимопроникновение и наложение друг на друга различных дискурсов в процессе их взаимодействия.

По мнению исследователей Р. Сколлона и С. Сколлона, каждый человек является частью нескольких дискурсивных систем, так как любая профессия подразумевает профессиональную коммуникацию через границы, разделяющие дискурсы. Они ввели понятие «интердискурсивная коммуникация», которая трактуется как совокупность всех коммуникативных актов, выходящих за рамки существующих дискурсивных групп. Таким образом, в ходе привлечения знаний и дискурсов из различных сфер жизни меняется внутренний строй дискурса и расширяются его границы [1, с. 122].

Экономический и юридический дискурсы занимают ведущее положение в общественной лингвистической практике. В эпоху глобализации и экономической интеграции это связано с возрастающей ролью экономики в жизни современного общества. Экономическая терминология используется в гражданском, налоговом и финансовом отраслях права, при составлении контрактов и договоров, в страховой сфере, в бизнесе и банковском деле. В данной статье мы рассматриваем интердискурсивное пространство экономического и юридического дискурсов на материалах судебных заседаний Апелляционного суда США по экономическим делам.

Под экономическим дискурсом понимают совокупность коммуникативных актов в области экономики, устные и письменные высказывания, созданные профессионалами и неспециалистами, которые отражают особенности экономического мира [3, с. 44]. Язык экономического дискурса отличается подбором специальных языковых средств, таких как экономическая лексика, термины и идиоматические выражения.

Проанализировав протоколы судебных заседаний Апелляционного суда США по делам экономической направленности, мы выделили основные характеристики лексического содержания междискурсивного пространства экономического и юридического дискурсов.

Основной словообразовательной моделью лексических единиц рассматриваемого междискурсивного пространства является аффиксальная модель. Примерно 70% слов экономической тематики, используемых

адвокатами и судьями в изученных нами протоколах, образовано суффиксальным способом:

1. *–ee* (*payee* – получатель платежа, *trustee* – попечитель, *subrogee* – получатель права требования);

2. *–or* (*payor* – плательщик, *creditor* – кредитор, *debtor* – заемщик, *settlor* – учредитель, *sponsor* – поручитель, *depositor* – вкладчик, *investor* – инвестор, *originator* – учредитель);

3. *–er* (*owner* – собственник, *borrower* – заемщик, *broker* – брокер, посредник, *holder* – владелец);

4. *–ment* (*payment* – платеж, *investment* – вложение), *–ation* (*incorporation* – инкорпорация, *securitization* – секьюритизация), *–ship* (*ownership* – владение, собственность), *–al* (*contractual* – договорный, *beneficial* – бенефициарный), *–cy* (*bankruptcy* – банкротство), *–sure* (*foreclosure* – обращение взыскания), *–ic* (*economic* – экономический).

Префиксальный способ образования новых слов не так широко представлен в рассмотренных нами протоколах. Среди немногих были употреблены лексические единицы, образованные от префиксов *non–* *(nonhousehold member – лицо, не относящееся к домашнему хозяйству), in–* *(ineligible student – зд. студент, не имеющий право на питание по талонам, incorporation – инкорпорация), de–* *(default – неуплата), re–* *(repurchase – перекупка).*

Менее частотными способами образования лексических единиц в рассмотренных стенограммах являются словосложение – *household member (house + hold – домашнее хозяйство), paycheck (pay + check – расчетный чек),* а также конверсия – *exempt (льготник, noun) – to exempt (освобождать от налогов, предоставлять льготу, verb).*

Тематическая направленность выделенных лексических единиц может быть описана следующим образом. На основе проведенного анализа интердискурсивного пространства экономического и юридического дискурсов можно мы выделили группы терминов по предмету спора:

1. термины, относящиеся к финансовой отрасли;
2. термины, относящиеся к гражданско-правовой сфере;
3. термины, относящиеся к банковскому делу;
4. термины, относящиеся к сфере социального обеспечения населения.

К первой группе терминов мы отнесли лексические единицы, которые отражают специфику финансовой отрасли права. Данная группа содержит большое количество слов из специального языка, понимание которого требует наличия практических навыков и профессионального опыта работы в соответствующей сфере права и экономики. Например: *trust* – доверительная собственность или траст, *trust property* – доверительная собственность, *mortgage* – кредит под недвижимость, *fiduciary obligations, fiduciary duty* – фидуциарные обязательства, *commercial parties* – коммерческие стороны, *contractual right* – договорное право, *beneficial owner* – бенефициарный собственник, *breach of contract* – нарушение условий договора, *business trust* –

деловой траст, *diminishing in value* – снижение стоимости, *bankruptcy trustee* – арбитражный управляющий при банкротстве, *to sell the notes* – продать банкноты, to *indemnify* – возмещать, компенсировать, *minority holder* – миноритарный акционер, *third party* – третье лицо (участвующее в сделке), *bond* – долговое обязательство, облигация, *subsidiary* – филиал компании, *economic meltdown* – обвал экономики, *economic value* – экономическая стоимость, *economic interest* – экономический интерес, *legal entity* – юридическое лицо.

Однако к этой группе терминов также можно отнести лексические единицы, которые являются общеупотребительными и узнаваемыми. Это такие слова и выражения, как *economic injury (harm, loss), business, loan, money, assets, fee, to cash in, market, estate.*

К второй группе мы отнесли термины, которые употребляются в тексте контрактов и договоров, а также в судебных разбирательствах при нарушении условий контракта. Например: *condition precedent* – предварительное условие контракта, *repurchase agreement* – соглашение об обратном выкупе (ценных бумаг), *contractual remedy* – средство правовой защиты при нарушении условий договора, *sole remedy* – исключительное средство правовой защиты, *ninety-day cure period* – срок для устранения нарушения условий договора, *deposit taxe* – налоговый депозит, *grace period* – период отсрочки платежа, *contract requirement* – условия контракта, *to bargain* – заключать сделку.

Третья группа содержит термины и специальные слова, которые относятся к банковскому делу и банкротству. Следует отметить, что некоторые термины и выражения затрудняют понимание обычным читателям, не разбирающимся в данной сфере, поскольку они требуют знания определенных законов и их правильной трактовки. К примеру, термин *foreclosure* означает процесс, в ходе которого кредитор приобретает право взыскать с заемщика задолженность по просроченному кредиту, вступив во владение и продав заложенное имущество. Термин *automatic (bankruptcy) stay* подразумевает запрет на действия кредитора, за некоторыми исключениями, по взыскиванию долгов с должника, объявившего себя банкротом. К этой же группе относятся выражения *to lift the automatic stay* – снятие запрета на приостановление действий кредитора по взыскиванию долга с заемщика, *toll* – приостановление срока исковой давности, *to file bankruptcy* – подать заявление о банкротстве, *transaction* – сделка, *fraud claim* – иск о мошенничестве, *contract* – контракт.

К четвертой группе терминов можно отнести лексические единицы, которые используются в социально-экономической сфере жизни, т.е. все, что касается выплаты пособий, пенсии и т.д. Например: *household member/nonhousehold member* – член домашнего хозяйства/лицо, не относящееся к домашнему хозяйству, *child-support payments* – выплаты алиментов на ребенка, *tax return* – налоговая отчетность, *pro rata allocation* – пропорциональное распределение, *pro rata share* – пропорциональная доля,

unearned income – нетрудовой доход, *wage* – заработная плата, *exempt* – льготник, *fund* – фонд, капитал.

Помимо терминов и специальной лексики, в стенограммах протоколов судебных заседаний очень часто можно обнаружить слова, являющиеся маркерами формального стиля речи. В исследуемых нами материалах мы обнаружили следующие слова, относящиеся к официальному стилю речи: *to deem* – считать, полагать, *insofar as* – поскольку, *modicum* – чуточку, *to commence* – начать, *purporting* – подразумевающий, *ambit* – границы, сфера, *albeit* – хотя, *abrogating* – отменяющий, *pursuant to* – согласно, в соответствии.

Тем не менее, в лаконичных и строгих текстах экономического и юридического дискурсов встречаются разговорные выражения и идиомы. Стоит отметить, что чаще всего подобные высказывания позволяют себе судьи. Приведем примеры из проанализированных нами протоколов.

1. JUDGE WILSON: *So let me - - - I don't want* ***to beat a dead horse****, but let me just try this one more time.*

Согласно словарю Merriam Webster выражение *to beat a dead horse* является идиоматичным и означает 1) разговаривать о том, что уже обговорено или решено и 2) тратить время силы в попытках сделать что-то невозможное.

2. *Counsel, your light is off, so before you have to sit down - - - because I think you've* ***got the meat of*** *your point out there - - -.*

В данном случае идиоматическое выражение *to get the meat of smth* означает *важная, основная, фундаментальная суть рассматриваемой проблемы.*

3. JUDGE RIVERA: *- - - which is there is no other provision that addresses this particular situation - - - put aside your arguments that you think he was* ***gaming the system*** *- - - that there's nothing else that addresses this.*

Согласно онлайн-словарю Cambridge фраза *play/game the system* является идиомой и имеет негативную коннотацию: использовать правила таким образом, чтобы получить выгоду, зная, что правила игры нечестны.

4. JUDGE J. RIVERA: *Why isn't the notice - - - respond to his argument that the notice and cure/repurchase provision is* ***part and parcel of*** *this cause of action?*

Идиоматическое выражение *part and parcel* имеет значение важного и неотъемлемого компонента чего-либо.

Таким образом, проведенный анализ убеждает, что экономическая и юридическая коммуникации по своей природе интердискурсивны: они взаимопроникают и накладываются друг на другу так, что одно без другого уже сложно представить. Анализируя лексическую наполненность вышеупомянутого интердискурсивного пространства, следует отметить, что превалирующими словообразовательными моделями являются суффиксация и префиксация. С точки зрения тематики, экономические термины, используемые в рамках юридического дискурса, можно разделить на несколько групп в зависимости от предмета судебного спора.

Библиографический список

1. Бабенкова Е. А. Текстовое пространство инаугурационной речи в аспекте междискурсивного взаимодействия (на материале английского языка) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2011. – № 6. – С. 35-40.
2. Бочарникова Е. А. Интердискурсивное взаимодействие как основа формирования и представления специальных знаний / Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2011. – № 2. – С. 121-128.
3. Воробьева М. П. Интердискурсивные смысла англоязычной судебной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 30-38.
4. Евтушина Т. А., Ковальская Н. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 42-46.
5. Cambridge Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/.
6. Deutsche Bank National Trust Company vs. Barclays Bank PLC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nycourts.gov/ctapps/arguments/2019/Oct19/Transcripts/101719-84-Oral-Argument-Transcript.pdf.
7. Gregg Lubonty vs. U.S. Bank National Association. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nycourts.gov/ctapps/arguments/2019/Oct19/Transcripts/101719-85-Oral-Argument-Transcript.pdf.
8. In the matter of Tina Leggio vs. Devine, et al. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nycourts.gov/ctapps/arguments/2020/Jan20/Transcripts/010920-9-Oral%20Argument-Transcript.pdf.
9. Dictionary by Merriam Webster. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/.
10. U.S. Bank National Association vs. DLJ Mortgage Capital, INC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nycourts.gov/ctapps/arguments/2019/Jan19/Transcripts/010919-7-Oral-Argument-Transcript.pdf.
11. U.S. Bank National Association vs. DLJ Mortgage Capital, INC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nycourts.gov/ctapps/arguments/2019/Jan19/Transcripts/010919-6-Oral-Argument-Transcript.pdf.

УДК 81’373:81’42:811.111

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

И. А. Аржанова, О. В. Киселева
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В данной статье ставится задача выявить и охарактеризовать основные лексические особенности публицистического текста. Рассматривая публицистический текст с функциональной точки зрения, авторы значительно расширяют перечень его базовых характеристик.

Ключевые слова: публицистический текст, функция, массовая коммуникация, завершенность, связность, стилевое единство.

LEXICAL FEATURES OF THE ENGLISH JOURNALISTIC TEXT

Abstract. This article aims to identify and characterize the main lexical features of the journalistic text. The authors expand significantly the list of its basic characteristics considering the journalistic text from the functional point of view.

Keywords: journalistic text, function, mass communication, completeness, coherence, stylistic unity.

В самом широком смысле этого слова, текст представляет собой речевое произведение, которое состоит из логически связанных между собой предложений, имеющих единую тему и основную мысль. Тема является конкретным предметом в речевом высказывании, который изображен в произведении, т.е. тексте. Основная мысль или идея передает определенное отношение автора к предмету речевого высказывания, дает оценку.

Исходя из всего вышеизложенного, можно говорить о том, что текст как лингвистическая категория обладает целым рядом признаков и свойств, делающих его структурной и функциональной единицей языка. Все указанные признаки текста находят свое отражение в переводе.

Классификация текстов зависит от многих факторов, именно поэтому не существует единого, универсального деления текстов по группам. Проведя обзор литературы по теме, можно взять за основу классификацию текстов:

1. по характеру построения высказывания;
2. по характеру передачи чужой речи;
3. по количеству участников в речи;
4. по функционально-смысловому назначению;
5. по типу связи между предложениями;
6. по функциям и стилям языка [2].

В рамках данной статьи особый интерес представляет публицистический текст и его лексические особенности.

На сегодняшний день мир вокруг нас меняется, он не стоит на месте. Новое тысячелетие характеризуется стремительным ростом средств массовой коммуникации и, как результат, повышенным интересом к публицистическим текстам. Они имеют широкий диапазон тематики – проблемы современности, вопросы культуры и воспитания, философские, нравственные, экономические, политические дискуссии. Публицистические тексты по своей тематике неисчерпаемы, выразительные ресурсы безмерны, огромен жанровый диапазон. Все данные характеристики обусловили своеобразие образной системы публицистического стиля.

Публицистический текст содержит информацию, которая транслируется по таким традиционным каналам массовой коммуникации как: газеты, журналы, обзоры теле и радиокомментаторов. Главная функция публицистического текста – оперативным документальным отображением, основанным на идейно-политической оценке, эмоционально воздействовать на слушателя или читателя, активизировать его мысли и тем самым побудить к действию. Однако, с другой стороны, функция сообщения и распространения политической информации также остается основополагающей, формирующей его типологию [3]. В лингвистической литературе принято выделять устную и письменную формы публицистических текстов. Нередко мы сталкиваемся с письменной формой. Например, на радио и телевидении письменный текст ретранслируется в устной форме. С ораторской речью происходит нечто подобное, когда она воспроизводит письменный оригинал.

Сегодня публицистика непосредственно играет значимую роль. Она стремится удовлетворить многие потребности человека, среди этих потребностей можно выделить как эстетические, так и интеллектуальные потребности. В свою очередь, мы можем сказать, что публицистика – это язык и мыслей, и чувств. Средства массовой информации передают значимость и важность темы, которая требует тщательных рассуждений и определенных средств логического изложения мысли, а также использование авторского отношения к событиям, которые невозможны без использования эмоциональных средств языка.

В целом, публицистический текст – речевое произведение, которое состоит из логически связанных между собой предложений имеющих единую тему и основную мысль. Тема является конкретным предметом в речевом высказывании, который отображен в речевом произведении, т.е. тексте. Основная мысль или идея передает определенное отношение автора к предмету речевого высказывания, дает оценку [1].

В публицистическом стиле автор гораздо сильнее выражает свою индивидуальность и проявляет себя не только как конкретный человек (со своими уникальными особенностями), но и как представитель общества, который способен правильно сформулировать и выразить определенные социальные идеи, интересы и т. д. Одной из характерных особенностей публицистического текста является социальная оценка, которая проявляется в

отборе фактов, степени внимания к ним и в использовании выразительных языковых средств [7].

Таким образом, взяв за основу типологические характеристики речевого высказывания Влахова и Флорина, можно выделить следующие существенные признаки публицистического текста, а именно:

1) завершенность, т.е. смысловая законченность в речевом произведении (данный признак говорит о том, что текст должен быть понятен без дополнительного контекста, содержать точно высказанную и логически законченную мысль);

2) связность, что подразумевает расположение предложений в тексте в логической последовательности, для того чтобы получить полную картину происходящего;

3) стилевое единство: любой текст построен в определенном стиле (научном, публицистическом и т.д.);

4) цельность, которая связывает все три вышеупомянутых пункта [6].

Какими бы ни были многочисленные разновидности публицистических текстов – объявления, краткие информационные сообщения (заметки), тематические статьи, интервью, – язык и образность речи имеют общие черты.

Дело в том, что в публицистическом стиле лексические средства эмоционального воздействия носят уже устоявшийся характер и берутся из так называемого общего фонда выразительных средств, что в значительной мере ограничивает степень выражения авторской индивидуальности.

Таким образом, лексическое особенности с одной стороны определяют принадлежность текста к публицистическому стилю, а с другой, их использование им же и ограничивается. Именно по этой причине тексты такого стиля отличаются большой степенью клишированности и изобилуют газетными штампами. Примерами таких клише могут быть: *знаменательное событие, практика показывает, взаимовыгодное сотрудничество и др.; nuclear tension, restricted information, tangible results и т.д. Такие* метафоры как *холодная война, железный занавес, перестройка, застой, оттепель* почти сразу превратились в общественно-политические, стандартно употребляемые штампы. Клише и различные языковые штампы не имеют отрицательного значения применительно к публицистическому тексту, однако теряют свою образно-эстетическую функцию [4]. Примерами таких клише могут быть: *знаменательное событие, практика показывает, взаимовыгодное сотрудничество и др.; nuclear tension, restricted information, tangible results и т.д.*

В публицистическом стиле использование экспрессивных и стандартных средств языка в во многом зависит от чувства меры, жанра, вкуса и таланта публициста. Огромное количество выразительных средств в публицистических текстах не всегда оказывает положительное воздействие на реципиента.

Такое противоборство и взаимодействие экспрессии и стандарта вполне непосредственно и закономерно. Функция воздействия на читателя

обусловливает непрерывное стремление публицистического текста к экспрессии, но потребность в выразительных и изобразительных средствах вступает в противоречие с необходимостью оперативно откликаться на все события современности [4].

Для публицистического стиля также характерно употребление большого количества терминов и профессиональной лексики – *term of office, mission of good will, cold war и т.д.;* По лингвистической окраске термин представляет собой важную единицу литературного языка, отличающуюся от других лексических единиц своей большой информационной наполненностью. Главным требованием, которое выдвигается к термину, является его однозначность.

Использование фразеологизмов также является характерной чертой для газетных текстов, так как они придают речи выразительность, оригинальность, экспрессивность – *by the decision of, in reply to, to draw the conclusion и многие другие*. При переводе фразеологизма переводчик должен постараться передать его смысл и сохранить образность, что является зачастую трудновыполнимой задачей.

Перевод фразеологизмов предполагает поиск либо полного и абсолютного эквивалента, либо приблизительного соответствия. Абсолютный эквивалент предполагает фразеологизм языка перевода, который по всем показателям является равноценным оригиналу. Это говорит о том, что между двумя фразеологическими единицами не должно быть отличий по содержанию, стилистике и эмоционально-экспрессивной окраске.

Наконец, еще одной лексической особенностью публицистического стиля является употребление неологизмов – *to atomize, inter-European relations.* К неологизмам можно отнести любые новые словарные и фразеологические единицы, которые появляются в языке на данном этапе его развития или обозначают новые понятия, возникшие в результате развития инноваций, техники, социально-политических изменений, а также выражающие новыми словами, созданными в эмоционально-стилистических целях, уже существующие понятия.

Для публицистического стиля также характерно употребление сокращений – *M.P. – Member of Parliament, TV – Television, NATO – North Atlantic Treaty Organization.*

Наконец, еще одной лексической особенностью публицистического стиля являются аллюзии. Часто аллюзии можно встретить в текстах, в которых освещаются события внутренней жизни страны, что связано с их культуроспецифичностью. Название – это первое на что обращает внимание читатель при знакомстве с любыми произведениями, в том числе газетными публикациями и их электронными версиями. Название всегда ставится в самую сильную, акцентированную позицию. Благодаря этому вебмастеры и современные авторы всегда стремятся подобрать такую форму, которая вполне оптимально соответствовала бы поставленным прагматическим целям названия статьи.

Аллюзия очень часто встречается в заголовках газетных текстов. Различные исследования англоязычного заголовка не случайно обнаруживают удивительное единство в принципах отбора материала. Заголовки являются объектом особого интереса. Они демонстрируют поистине безграничные возможности английского языка в области компрессии информации, стиль которых определяется желанием и стремлением озадачить или развлечь читателя, что является причиной использования различных механизмов обманутого ожидания.

Классическим образцом подобных заголовков являются примеры из лингвистической классики. Рассмотрим следующий заголовок: «*Public transport is getting a Yul Brynner trim*». Для того, чтобы понять его, необходимо знать, что *Yul Brynner* – американский киноактер, который бреет голову наголо. Таким образом, в заголовке говорится о резком сокращении транспортной сети. В данном случае о плане значительного сокращения сети железных дорог в Англии, предложенном правительством консерваторов.

Еще одним примером является заголовок, который содержит двойную аллюзию «*Once and Future NATO*». Первая аллюзия ссылается на бестселлер писателя Т. Х. Уайта «The Once and Future King», в котором автор излагает свои представления об идеальном обществе. В свою очередь, название книги Уайта – перевод мифологической надписи на могиле легендарного короля бриттов Артура: «*Hic jacet Arthurus, Rex quondam futurus*» (здесь лежит Артур, король в прошлом и король в будущем). Рассматриваемая аллюзия имеет иронический подтекст: НАТО не следует самообольщаться, потому что эйфория, вызванная приёмом в блок новых стран, только маскирует серьёзные проблемы альянса [7].

Как видно из всего вышеизложенного, в публицистическом тексте используется разнообразная лексика и фразеология, а также лексические единицы, выражающие эмоции и чувства. Данные особенности должны учитываться в процессе перевода публицистических текстов.

Рассмотрев лексические особенности публицистического текста, можно утверждать, что он занимает промежуточное положение между стилем научной прозы и художественным, и как указывалось выше, индивидуальная интерпретация событий и фактов действительности не может в нем выходить за рамки оценочных элементов речи. Таким образом, книжный характер языка публицистики определяется его основным принципом: сочетание стандарта и экспрессии.

Библиографический список

1. Аллюзия англоязычного газетного заголовка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voats.ucoz.ru/publ/lekcii/alljuzija_anglojazychnogo_gazetnogo_zagolovka/12-1-0-128

2. Аржанова И. А. Дискурсивная функция высказывания в функциональном аспекте // Вестник Мордовского университета. – 2008.- № 3. – С. 117-118.

2. Аржанова И. А. Специфика перевода эмоционально-оценочной лексики в англоязычном художественном тексте // Иностранные языки в диалоге культур: материалы

Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / Ответственный редактор И.В. Коровина. – 2018. – С. 589-594.

3. Аржанова И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. - № 6 (139). – С. 161-164.

4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / Под ред. Вл. Россельса. - М.: Международные отношения, 2002. – 342 с.

5. Гарбовский Н. К. Теория перевода [Текст] учебник для вузов // 2-е изд. – М.: Издательство Московского университета, 2007. – 542 с.

6. Зиновьева Т. А. Переводческая ошибка. Понятие, причины, классификация // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – 2013. – С. 107-109.

7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.

УДК 81`42=811.111

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ ЧЕЛОВЕКА В БУДУЩЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. Д. Полетаева
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Статья посвящена проблеме когнитивной проекции человека в будущем. Осуществлен всесторонний анализ заявленной проблемы в англоязычном тексте научной фантастики. Языковое обоснование исследуемой проблематики приводит автора к глубокому осмыслению анализируемых языковых явлений и позволяет выработать когнитивную модель, что в значительной мере структурирует полученные результаты и подводит к определенной схеме, позволяющей уяснить роль человека будущего в тексте.

Ключевые слова: человек, концепт, сравнение, метафора, повтор, текст, научная фантастика.

COGNITIVE PROJECTIONS OF FUTURE HUMAN IN ENGLISH SCIENCE FICTION

Abstract. The article deals with the cognitive projection of a human in the future and represents the comprehensive analysis of the stated issue in English science fiction texts. The linguistic study leads the author to a deep understanding of the analyzed linguistic phenomena and allows to develop a cognitive model and to structure the obtained results in order to understand the role of the future human in the text.

Keywords: human, concept, comparison, metaphor, repetition, text, science fiction.

Тематика будущего – одна из главных в научной фантастике. Как правило, изображая будущее, фантасты реализуют прогностическую функцию данного литературного жанра – они фантазируют о возможном будущем человечества. Преимущественно это касается полетов в космос, развития научно-технической базы, новых изобретений, улучшающих жизнь человека. Встречаются и антиутопические варианты развития будущего – техногенные и экологические катастрофы, ядерная война, постапокалиптический мир и т.д.

Обратим внимание на то, как фантасты изображают человека будущего, какие общие тенденции при этом реализуются в создании образов персонажей. Е. Н. Ковтун указывает на то, что фантасты, изображающие будущее, хорошо передают ощущение персонажами своих собственных (и человечества) перспектив – почти безграничных. И одновременно ощущается их растерянность перед сложностью социального бытия, разрывом

традиционных общественных связей, неизбежным комфортно-технологическим одиночеством [1].

Будущее в таких текстах является ведущей темой и в то же время масштабным фоном развития действия. Грядущее представлено двумя временными пластами, как правило, четко хронологически не определяемыми: «ближнее» и «дальнее». Дистанция с современностью в первом случае измеряется десятками или сотнями лет, во втором – тысячелетиями или даже миллионами лет. В первом случае сюжет чаще разворачивается на Земле или в пределах нашей планетной системы, во втором – на просторах Галактики или в масштабах Вселенной.

Центральной проблемой для авторов становятся формы существования разума и границы «разумности» не только в ее привычном людском, но и в нечеловеческом (в том числе техногенном) понимании. В ближнем будущем фиксируется прежде всего скачок в развитии информационных технологий, приводящий к появлению искусственного интеллекта и электронно-биологических симбионтов.

В дальнем будущем логическим продолжением эволюции как человеческой, так и компьютерной цивилизаций становится Сверхразум, новый способ существования личности и социума. Конструирование подобного образа – он присутствовал еще в фантастике XX столетия – вызывает значительные трудности именно в силу его непохожести ни на что, привычное человеку. Поэтому писателям приходится быть предельно лаконичными в описаниях и намекать на присущие данному существу (или коллективу существ) качества, нежели подробно демонстрировать их в тексте.

Часто научная фантастика также стремится философски осмыслить и переосмыслить смысл существования человека, возможность достижения им личного счастья в определенных социальных условиях. Как констатирует американский профессор Э. Фромм, «каждое общество создает тот тип «социального характера», в котором оно нуждается, чтобы нормально функционировать. Оно формирует людей, которые хотят делать то, что им приходится делать. В какого рода людях нуждается наш всеобъемлющий, бюрократизированный индустриализм? Он нуждается в людях, которые считают себя свободными и независимыми и в то же время охотно готовы подчиняться, делать то, чего от них ждут, быть хорошо притертыми деталями социальной машины; в людях, которыми можно руководить без вождей, подталкивать на действия без всякой цели, кроме одной: действовать, функционировать, идти вперед. Современному индустриализму удалось создать такого человека» [2].

В западноевропейской и американской фантастике сейчас появилось огромное количество текстов о так называемом «призрачном существовании»: человеку кажется, что он живет полной жизнью, а на самом деле это – чистейшая фикция, иллюзия, внушенная ему при помощи таблеток, лучей, специальных уколов. Это высшая степень изоляции людей друг от друга,

распада человеческих связей, подчинения человека каким-то силам, лежащим вне его личного мира.

Следует отметить, что невероятно популярными сегодня стали научно-фантастические произведения о постапокалиптическом будущем, что в целом отображает тревогу человечества перед лицом множества угроз, которые сегодня существуют и являют собой опасность для человечества. Одним из популярных рассказов о ближайшем постапокалиптическом будущем стало произведение С. Саматар *The Red Thread* (2016). Главная героиня рассказа, написанного в форме писем, – маленькая девочка, которая вместе с матерью выживает в сложных условиях разрушенной цивилизации. Здесь нет конкретной области науки, актуализируется лишь ее современное состояние, достигшее такого уровня, при котором наука может служить во вред человеку.

Стремясь создать образ человека будущего как запуганного, оторванного от привычной для него обстановки, автор рассказа использует преимущественно опосредованные, имплицитные способы создания портрета героини. В рассказе отсутствует прямое описание состояний Сахры, четкое указание на ее эмоции, однако через собственные слова персонажа читатель может не только догадаться о том, как героиня чувствует себя, но и сопереживать ей, самому почувствовать неприятный дискомфорт и тревогу. Так, чтобы описать отсутствие личного пространства, нарушенность зоны комфорта героини, автор использует фразу:

It's crowded in here. I feel like someone's about to look over my shoulder [3].

Здесь нет оценочной лексики, однако при помощи глаголов *feel* и *look over* передается дискомфорт Сахры по поводу отсутствия спокойствия, ее изолированности от посторонних людей. Это создает впечатление незащищенности человека в описанном автором будущем.

Аналогичного эффекта автор достигает, описывая реакции персонажей на происходящее вокруг:

We even heard a gunshot on our way past. Mom's shoulders went stiff and she said very quietly: «Let's pick up the pace» [3].

В данном случае используются оценочные прилагательные *stiff, quietly*, интенсификатор *very*. Глагол *pick up* создает ощущение спешки, страха, опасности, которая преследует героев. Образ человека постапокалиптического будущего – запуганный, неуверенный, осторожный. Апокалипсис означает разрушение привычной среды обитания человека, который при этом оказывается в условиях, которые испытали на себе очевидцы и жертвы техногенных катастроф – таких, как Чернобыль или же войн. Изображая именно такой образ беззащитного человека в столь темном будущем, фантасты пытаются воссоздать возможный ход событий, но в более масштабной перспективе и предостеречь человечество. Здесь снова фиксируется выход на содержательно-концептуальную информацию.

Тем не менее есть множество научно-фантастичных произведений, которые сохраняют позитивный взгляд на будущее человечества и описывают стремительное техническое и научное развитие общества, ключевым

достижением при этом чаще всего изображается космическая сфера – возможность осуществлять космические путешествия.

Одним из современных рассказов на тему космических путешествий в будущем является рассказ Э. Спаркс *The Janitor in Space* (2014). Описание человека в условиях будущего сохраняет в данном рассказе традиционные черты научно-фантастического жанра. Как и в постапокалиптической фантастике, человек здесь находится в принципиально новых условиях, но для него они комфортны и привычны. Рассказ описывает деятельность уборщицы на космическом корабле:

The janitor makes her way through the hallway with purpose, suctioning space dust and human debris from crevices of the space station [4].

В данном случае автор делает акцент на непривычной деятельности уборщицы – вместо уборки обычного мусора и пыли, она имеет дело с космическими мусором и пылью. В приведенном отрывке для описания деятельности человека будущего используются неологизмы *space dust, space station*. При этом, несмотря на непривычные для читателя реалии описываемого мира будущего, сам персонаж чувствует себя уверенно и привычно в таких условиях (в отличие от персонажей постапокалиптических произведений):

She is good at her job. She can push off from the walls in a steady trajectory without even looking [4].

Уверенность героини в ее деятельности передается в тексте через оценочное прилагательное *good*, а также фразу *without even looking*. Непривычные условия космоса, которые для читателя контрастируют с поведением героини, которая чувствует себя комфортно в этих условиях, переданы в отрывке через фразу *push off from the walls in a steady trajectory*. Хотя движение в космосе совершенно отличается от того, к которому привыкли мы, живя на Земле, героиня рассказа привыкла к этим условиям и не ощущает их как что-то новое и необычное. В этом заключается одна из особенностей научно-фантастических произведений, которые показывают человека в непривычной для него среде, при этом фантазируя о том, как к этой среде мог бы приспособиться человек.

При этом автор стремится также показать, что, хотя условия жизни изменились и люди теперь живут в условиях космической станции, сами люди сохранили старые привычки, в данном случае – привычку мусорить, что сохраняет актуальность существования профессии уборщика:

Like the male astronauts who leave their dirty underwear drifting around their cabin modules, their worn-through tube socks smelling of cheese and old syrup [4].

Помимо этого, несмотря на существование новых инновационных реалий, в описываемом автором мире остаются многие социальные проблемы, в частности, проблема тяжелого труда, низкоквалифицированного труда, отношения общества к людям, которые таким трудом занимаются. В рассказе поднимается и вопрос духовной чистоты, религиозных воззрений людей, которые сохранились даже в условиях будущего:

She, for instance, is very clean, but she is not very good. She is still traveling on her way toward that. She told her pastor that she was coming up here to be closer to God, but really she just wanted to get away from Earth [4].

В данном отрывке автор создает контраст между чистотой телесной, физической, и чистотой душевной, выражая это сравнение через прилагательные *clean* и *good*.

Поднимается в рассказе и вопрос одиночества человека в космосе – человека, занятого в сфере обслуживания:

The astronauts occasionally get up during the night, and the janitor tries then to be a shadow, a grey bird. She ducks out of sight, floats to the ceiling in rooms where they wander… [4]

В данном отрывке используются такие стилистические фигуры, как сравнение *be a shadow, a grey bird*. Автор обращается к проблеме «маленького человека», поместив этот образ в условия футуристического общества. Если ученые, астронавты и другие высококвалифицированные специалисты в таком обществе востребованы, то какова жизнь низших слоев общества в таких условиях, как она может измениться в будущем?

Космос в рассказе ассоциируется со свободой, демонстрирует возможность для человека уйти от проблем и тягостных воспоминаний, которые преследовали его на Земле:

She felt free, free of all the accumulated debris of a lifetime in sin and sacrifice, free of the burden of people for the first time in her whole flat life. She felt small and bright and diamond hard, a little star in the firmament [4].

Душевное состояние героини рассказа передано в данном отрывке через использование множества оценочных прилагательных – таких, как free, flat, small and bright, little. Кроме того, автор использует повтор прилагательного free, чтобы сконцентрировать внимание читателя именно на этом ощущении персонажа. В отрывке также используются существительные с позитивной коннотативной оценкой (*diamond, star*) и негативной коннотацией (*debris, sin and sacrifice, burden*).

Таким образом, здесь сделан акцент на внутреннее состояние героев научно-фантастических рассказов. В случае же, если авторы научной фантастики обращаются к тематике внеземных существ, с которыми земной человек может потенциально встретиться в процессе покорения просторов Вселенной, то на передний план выходит описание внешних особенностей таких существ. Для описания человека будущего авторы-фантасты используют преимущественно имплицитные средства. На языковом уровне чаще всего встречаются прилагательные и существительные (оценочные или эмоционально окрашенные), сравнения, метафоры, повторы.

Библиографический список

1. Ковтун Е. Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели // Фантастика и технологии. – Самара: Самарский гос. аэрокосмический университет, 2009. – С. 118-135.

2. Fromm E. Psychoanalysis and Religion. New Haven. Yale University Press, 1950. – 119 p.
3. S
a
m
p
a
n
k
S
A
T
h
R
e
d
i
t
o
r
i
n
4. S
Thread [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
Space [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

УДК 81’3

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕБ-САЙТА

Т. А. Фоминова
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Статья рассматривает лингвопрагматические особенности веб-сайтов и веб-страниц с точки зрения функционального и дискурсивного анализа. Автором выдвигается предположение о существовании инвариативных и вариативных характеристик веб-текста. В заключении предлагаются основные направления для дальнейшего исследования предмета.

Ключевые слова: функционализм, функции языка, веб-сайт, жанрово-стилистическое оформление.

LINGUOPRAGMATIC FEATURES OF THE WEBSITE

Abstract. The article examines the linguistic and pragmatic features of websites and web pages from the point of view of functional and discourse analysis. The author makes an assumption about the existence of invariable and variable characteristics of the web text. In the conclusion, the main directions for further research of the subject are suggested.

Keywords: functionalism, language functions, website, genre and stylistic design.

Новое тысячелетие можно назвать эрой новых – виртуальных – текстов. Интернет, начинающийся как локальная сеть для передачи информации между ограниченным количеством компьютеров, в данный момент стал площадкой для всемирной паутины (World Wide Web), а количество веб-сайтов на 2020 год согласно Intenet Live Stats превышает 1,8 млрд [16]. Личные блоги и портфолио, коммерческие сайты, социальные сети, перешедшие из бумажного формата в электронный, средства массовой информации и многое другое – все это разнообразие веб-сайтов продолжает увеличиваться, пополняя Интернет все новыми текстами. В этой новой реальности, заполненной текстами нового формата, закономерно стоит ожидать внимания лингвистов, обращенного на особенности текстового наполнения веб-сайтов (далее – сайтов).

Исследование лингвистического наполнения сайтов логичнее всего, в нашем представлении, начинать с функционального анализа языка данных сайтов. Функционализм, согласно исследователям Г. Р. Искандаровой и Р. З. Мурясову, предполагает, что «в основе функциональной лингвистики лежит понимание языка как целенаправленной системы средств выражения» [7]. Доктор филологических наук, советский лингвист В. А. Звягинцев, описывая тезисы Пражского лингвистического кружка, также отмечал, что «к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения.

С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [5].

Лингвистический анализ с функциональной точки зрения начинается для исследователя с выбора наиболее близкого исследованию подхода и классификации функций языка. Свои представления о языке как функциональной системе имели многие отечественные и зарубежные ученые: Р. Якобсон [15], К. Бюлер [4], А. А. Брудный [3], А. А. Леонтьев [8], В. А. Авронин [1] и др. На основе данного многообразия классификаций и подходов в современной лингвистике утвердилось представление, что язык обладает базовыми и вторичными функциями. Этого представления в данной работе будем придерживаться и мы.

К базовым функциям языка, согласно «Словарю лингвистических терминов» Т. В. Жеребило, относятся «две основные и взаимообусловленные функции: коммуникативная и когнитивная» [10]. Более простыми словами определить данные функции можно, процитировав доктора филологических наук, профессора Н. А. Слюсареву: «наука давно определила две из главнейших сущностных функций-характеристик – быть средством общения и орудием мысли» [11, с. 15]. То есть коммуникативная функция характеризует язык как средство общения, коммуникации с людьми, а когнитивная – как орудие познавательной деятельности, взаимодействия и осмысления мира и самих себя. При этом данные функции, при употреблении языка в речи, взаимосвязаны, но в каждом конкретном речевом акте проявляются по-разному. Список базовых функций может дополняться эмоциональной функцией, отражающей «выражение чувств и различных интенций и обеспечивающей тем самым сферу эмоциональной и речемыслительной деятельности» [6]; [12, с. 74] .

Как отмечает кандидат филологических наук Ф. Р. Имамутдинова, «под функциями языка следует понимать лишь те функциональные характеристики речевой деятельности, которые проявляются в любой речевой ситуации» [6]. Взаимодействие посетителя сайта с текстовым наполнением сайта можно рассматривать как речевую ситуацию, а поэтому мы можем сказать, что текстовое наполнение любого сайта вне зависимости от его тематического профиля будет выполнять три ключевые функции языка, характерные для любой речевой ситуации: коммуникативную, когнитивную, эмоциональную.

Однако, даже сделав вывод о предполагаемой функциональной целостности и последовательности всех сайтов веб-сети, мы не можем не обратить внимания на тематическое и функциональное разнообразие самих сайтов. Так, например, ученые Университета Лейпцига К. Линдеманн и Л. Литтиг делят сайты на восемь групп: академические, социальные (community), корпоративные, информативные, некоммерческие, персональные, коммерческие (shop) и блоги [17]. Несмотря на то, что существует еще несколько классификаций веб-сайтов по различным критериям (например, по жанру текста [19]), задачи различных исследований могут способствовать разработке новых классификаций. Среди очевидных

вариантов классификаций, актуальных для лингвистики, мы можем назвать, например, классификацию по типу адресанта текстового наполнения сайтов и страниц или классификацию по целевой аудитории (адресантам) сайтов.

Выделение классификаций по предложенным выше критериям кажется логичным, поскольку позволяет исследователю учитывать факторы, непосредственно влияющие на текст, изменяющие его форму. При этом с точки зрения функциональной лингвистики текст будет иметь все тот же набор инвариативных функций (коммуникативную, когнитивную, эмоциональную).

Не стоит также забывать, что один сайт может содержать несколько веб-страниц (далее – страниц), которые, в зависимости от своей функции, также могут отличаться по лингвистическому наполнению. Например, один коммерческий сайт может содержать:

- домашнюю страницу, цель которой – дать посетителю начальное представление о компании и стать стартовой точкой в дальнейшей навигации пользователя по сайту;
- целевую страницу, цель которой – побудить посетителей совершить определенное действие, например, покупку;
- контактную страницу, цель которой – предоставить контактную информацию для обратной связи и т. д. [18].

Таким образом, разные страницы одного и того же сайта, могут кардинально отличаться по своим функциям, из чего мы можем предположить, что они будут различаться и в лингвистическом плане.

Итак, мы можем заключить, что функциональный анализ является не единственным полем для изучения языка сайтов и страниц. При функциональном лингвистическом анализе, внимание концентрируется на цели высказывания. Однако речевую ситуацию может характеризовать не только цель, но и различные лингвистические и экстралингвистические факторы, также влияющие на текст. К ним относятся, например, адресат, целевая аудитория, конкретная функция страницы, актуальные события в мире (их факт может стать причиной публикации текста), составление текста с учетом алгоритмов поисковых систем и т. д. [14]. Все это можно считать факторами, определяющими вариативные особенности языка сайтов.

Одной из наиболее заметных, на наш взгляд, особенностей является жанрово-стилистическое оформление текста на сайте или странице. Многие исследователи отмечают, что сайт, чаще всего, представляет собой целую жанровую систему, поскольку на разных его страницах в зависимости от цели и прочих ранее упомянутых факторов наиболее оправдано использование того или иного стилистического оформления [2]; [9]; [13]. На примере исследования Д. С. Баранова, ученого Томского политехнического университета, можно заметить, что один и тот же сайт коммерческого предприятия, главной и основной целью которого является собственное позиционирование как успешной компании, может содержать в себе материалы большого количества жанров одного стиля, например, публицистического: новостные, исторические, энциклопедические статьи,

фото- и видеорепортажи. Среди стилей, встречающихся на страницах одного и того же сайта исследователь также отмечает официально-деловой стиль (в публикуемой отчетности) [2], которая встречается на тех страницах, цель которых предоставить официальную информацию о компании. Таким образом, жанрово-стилистическое оформление сайтов и страниц может считаться крайне вариативной особенностью языка.

Таким образом, можно заключить, что язык сайтов и страниц, несмотря на все их кажущееся многообразие, функционально остается неизменным. Это предположение, которое кажется нам справедливым, может стать вопросом для будущих исследователей. В то же время, у лингвистического наполнения сайтов существуют вариативные качества, такие как, например, жанрово-стилистические особенности. Такая вариативность обусловлена не только целями коммуникации, но и другими экстралингвистическими факторами и также достойна изучения.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. – Л., 1975. – 276 с.
2. Баранов Д. С. Жанровая специфика сайта нефтегазовой компании (на материале сайтов компаний "Газпром" и "Schlumberger") // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, г. Томск, 19-21 мая 2015 г.: в 3 ч. / Под ред. С. А. Песоцкой. – Томск, 2015. – Ч. 2. – С.111-113.
3. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. – М.: 1998. – 336 с.
4. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / Под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1993. – 503 с.
5. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М., 1965.– 496 с.
6. Имамутдинова Ф. Р. Реализация коммуникативной и когнитивной функции языка в речевой деятельности // Вестник КГУ. – 2010. – №1. – С.78-80.
7. Искандарова Г. Р., Мурясов Р. З. Функционализм в науке о языке и в словообразовании // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – №. 1. – С. 82-85.
8. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность – М., 1969. – 214 с.
9. Пескова Е. Н. Дискурс вебсайта: взаимодействие с другими типами дискурса, жанровые особенности // Учёные записки ЗабГУ. – 2015. – №2 (61). – С.111-116.
10. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. / Под ред. Т.В. Жеребило. – Назрань, 2010. – 486 с.
11. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М., 1981. – 206 с.
12. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания. – М., 1986. – 231 с.
13. Федорова С. А. Жанровая особенность интернет-дискурса // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – №12. – С.330-335
14. Фоминова Т. А. Лингво-прагматические особенности создания веб-страниц // Юность и Знания – Гарантия Успеха – 2020: Сборник научных трудов 7-й Международной молодежной научной конференции (18 – 19 сентября 2020 года). – 2020. – Т. 2 – С.183-186.
15. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С.193-230.

16. Internet Live Stats – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.internetlivestats.com/
17. Lindemann C., Littig L. Classifying web sites // Proceedings of the 16th international conference on World Wide Web. – 2007. – Pp. 1143-1144.
18. The 8 different types of websites and how to design them. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://99designs.com/blog/web-digital/types-of-websites/
19. Zu Eissen S. M., Stein B. Genre classification of webpages. // KI: Advances in artificial intelligence. – Germany, 2004. – Pp. 256-269.

II. ЯЗЫК И РЕЧЬ. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81`36:811.111

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСПАНО-АНГЛИЙСКОГО И РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

И. Ю. Алдашкина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Статья посвящена изучению межъязыковой интерференции, возникающей на грамматическом уровне при изучении английского языка носителями испанского и русского языков, на примере синонимичных грамматических категорий и их сопоставительном анализе. Рассмотрены вопросы трактовки термина «межъязыковая интерференция», а также предпосылки ее возникновения. Получены выводы, что при изучении английского языка возникают интерферентные ошибки на грамматическом уровне, что является следствием различия грамматического строя языков, а также несоответствия определенных категорий в грамматике испанского и русского языков.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, грамматический строй, английский язык, испанский язык, русский язык, сопоставительный анализ.

GRAMMATICAL INTERFERENCE OF SPANISH-ENGLISH AND RUSSIAN-ENGLISH BILINGUALISM

Abstract. This article considers studying grammatical interlanguage interference which arises in learning English by Spanish and Russian native speakers through comparative analysis of their synonymous constructions. The result of the analysis shows that learning English produces interference errors at the grammatical level due to inconsistencies in the grammatical structures and categories of these languages.

Key words: interlanguage interference, grammatical structure, English, Spanish, Russian, comparative analysis.

Эпоха технического прогресса и межкультурной коммуникации определяет необходимым знание английского языка для успешного прохождения образовательно-профессиональной траектории. Английский язык, как язык межкультурного общения и бизнеса, активно изучается в школах и высших учебных заведениях. Однако все более популярной становится точка зрения, что владение только английским языком является недостаточным, и вследствие этого возникает спрос на изучение второго иностранного языка. Во многом выбор второго иностранного языка, прежде всего, базируется на таких факторах, как спрос и эстетическое удовольствие [10, с. 107]. Несмотря на субъективность мнения, что испанский язык считается одним из самых красивых языков мира, этот фактор нельзя не

принимать во внимание, так как для многих именно это играет основополагающую роль в принятии решения. Кроме того, испанский язык занимает второе место по распространенности в мире, что также влияет на спрос изучения данного языка [11].

Однако изучение иностранных языков являет собой сложный и долгий процесс. Одним из самых негативных явлений, с которым сталкиваются учащиеся, является межъязыковая интерференция. Основной задачей данной статьи является исследование грамматической межъязыковой интерференции, возникающей при изучении испанского и английского языков, как двух наиболее популярных для изучения. Для наглядности исследования в данной статье были выбраны некоторые категории английской грамматики и их сопоставления с грамматическими категориями испанского и русского языков с целью выявления случаев межъязыковой интерференции.

Понятие межъязыковой интерференции широко изучается как в работах отечественных, так и зарубежных ученых. Так, в трудах У. Вайнраха можно найти описание сущности интерференции как «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи билингвов в результате того, что они знают больше языков, чем один» [2, с. 44]. Л. П. Крысин в своем словаре трактовал понятие межъязыковой интерференции как «такое взаимодействие языков при их контакте, которое приводит к проникновению элементов и свойств одного языка в систему другого языка» [7, с. 311]. В. А. Виноградов понимает термин интерференции как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающихся либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [3, с. 197]. С. А. Никифорова отмечает в своих трудах, что «каждый последующий язык испытывает на себе влияние предыдущего. Двуязычие и многоязычие неизбежно приводят к интерференции» [8, с. 121]. Таким образом, явление интерференции представляется неизбежным явлением, с которым сталкивается каждый человек при изучении иностранных языков. В связи с этим, представляется важным ее изучение, а также поиск способов ее предотвращения.

Одной из наиболее часто возникающих ошибок испаноговорящих и русскоговорящих студентов, изучающих английский язык, является несоблюдение его языковой формы. Так, английский язык является языком с аналитическим строем, основной характеристикой которого служит фиксированный порядок слов в предложении. Русский и испанский языки принадлежат к другой группе языков – к языкам с синтетическим строем. Синтетическая форма предполагает свободный порядок слов. Вследствие этого возникает негативный перенос, а именно построение предложений по аналогии с родным языком [4, с. 188].

Не менее частой ошибкой для русскоговорящих студентов является опущение глагола «to be» в английском и «ser» в испанском. В русском языке не принято использовать конструкции, обозначающие суть предмета или явления, посредством слова «есть». Иная ситуация происходит в английском

и испанском языках, где наличие глагола-связки необходимо. Данная особенность движет русскоговорящими студентами к тенденции упускать глагол-связку при построении предложений на изучаемом языке [5].

Особый интерес вызывают грамматические особенности выражения будущих событий и явлений в испанском и английском языках (см. таблицу 1). Интерес обусловлен тем, что способы выражения будущего в данных языках схожи за исключением некоторых параметров. Самым простым и известным способом изложения будущего времени являются конструкции «be going to» в английском и «ir a hacer algo (Futuro Próximo)» в испанском. Они являются синонимичными друг другу и используются для выражения намерений и планов относительно ближайшего будущего. Основной проблемой, возникающей у русскоговорящих студентов при освоении данных конструкция, является развитие навыка употребления супплетивных форм испанских глаголов [6].

Таблица 1 – Сравнение синонимичных грамматических категорий в испанском и английском языках

Грамматические категории	*Английский язык*	*Испанский язык*
Языковые формы	Аналитический строй	Синтаксический строй
Конструкции для выражения ближайшего будущего	be going to	ir a hacer algo (Futuro Próximo)
Будущее простое время	Future Simple	Futuro Simple
Артикль	Indefinite Article (a/an), Definite Article (the)	La, el, las, los
Количественные местоимения	Much/many	Mucho
Сравнительная и превосходная степени прилагательных	Сравнительная степень формируется путем добавления к прилагательному окончания -er, превосходная – -est. Для прилагательных, состоящих из трех и более слогов – more/most.	Одним из способов выражения сравнительной и превосходной степени прилагательных является использования слова más перед прилагательным.

Еще одним приемом демонстрации будущего является наличие простого будущего времени как в испанском, так и английском языках. Каждое из этих времен имеет определенные особенности, способные вызвать случаи коммуникативно-нерелевантной, то есть нарушающей взаимопонимание собеседников, интерференции. Область употребления Future Simple значительно шире, чем у его эквивалента в испанском: простое будущее время в английском может употребляться для выражения решений, предположений, угроз, вежливых просьб и т.д. Futuro Simple имеет более ограниченное употребление: с помощью данного времени могут быть выражены как гипотетические предположения в будущем, так и повеления, приказания.

Основной особенностью Futuro Simple является его активное использование для выражения предположений в настоящем времени, что неприемлемо для использования Future Simple в английском. Явлением негативного переноса в данном случае является использование английского простого времени для выражения предположений в настоящем, что и вызывает случаи возможной коммуникативно-нерелевантной интерференции [6].

Другой грамматической особенностью, присутствующей как в нормах английского, так и испанского языка, является артикль. Разница между данными артиклями заключается в их непосредственных функциях. Артикли английского языка указывают на определенность и неопределенность имен существительных: неопределенный (indefinite article) a/an и определенный (definite article) the. Артикли испанского языка призваны обозначать грамматическую категорию рода (el – м.р , la – ж.р). Исходя из данных различий, возникает наиболее частая ошибка, допускаемая испаноговорящими студентами, а именно опущение артикля в виду его иной функции. Сами испанцы считают, что лучше не использовать артикль вовсе, чем использовать его неправильно [9]. Также испаноговорящим студентам характерно опущение «n» при использовании неопределенного артикля, в связи с отсутствием подобного эквивалента в родном языке [12, с. 19].

Вопрос об употреблении количественных местоимений в английском и испанском языках также вызывает исследовательский интерес. В английском языке для обозначения количества того или иного вещества или предмета используются местоимения «much» (для неисчисляемых существительных) и «many» (для исчисляемых существительных). В испанском языке имеется лишь одно местоимение mucho, которое согласуется с существительным в роде и числе. Отсутствие разграничений на исчисляемые и неисчисляемые существительные в испанском языке вызывает случаи неправильного использования местоимений «much»/«many» испаноговорящими студентами [12, с. 20].

Еще одной грамматической категорией обоих языков являются способы выражения сравнительной и превосходной степеней прилагательных. Сравнительная степень прилагательных в английском языке формируется путем добавления к прилагательному окончания -er, превосходная – -est. Для обозначения же степеней сравнения прилагательных, состоящих из трех и более слогов, используются слова «more» и «most». Однако данные правила не распространяется на все имена прилагательные равнозначно, так как существует список исключений. Наиболее используемым способом выражения сравнительной и превосходной степеней прилагательных в испанском языке является применение слова más перед прилагательным. В связи с тем, что испанское más служит эквивалентом для more/most вместе, испаноговорящие студенты часто допускают ошибки, используя неверное слово для обозначения степени сравнения английского прилагательного [12, с. 20].

Таким образом, стоит отметить, что возникновение грамматической интерференции является неизбежным спутником овладения иностранными языками, а значит, предоставляется важность и необходимость в ее подробном изучении и поиске методов и средств ее предотвращения. Грамматический тип интерференции кажется нам наиболее значимым, так как основные различия языков во многом кроются в их грамматическом строе, делая грамматику наиболее уязвимой частью структуры языка для возникновения негативного переноса.

Библиографический список

1. Буйнова И. А. Лингвистические особенности интерференции родного языка при изучении английского как иностранного. – 2018.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. – 1979.
3. Виноградов В. А. Интерференция / В.А. Виноградов Лингвистический энциклопедический словарь гл. ред. В.Н. Ярцева. – 1990.
4. Головин Б. Н. Введение в языкознание: Учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 231 с.
5. Дёмушкина Т.Н. Интерференция при выражении согласия и несогласия в речи русско-английских билингвов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2. – Режим доступа: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20280 (дата обращения: 15.10.2020).
6. Иванова Т. С. Преодоление интерференции при обучении категории будущего времени в испанском языке на базе английского // Интернет-журнал «Проблемы современного образования». – 2017. – № 6.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Эксмо. – М., 2006. – 944с.
8. Никифорова С. А. Особенности интерференции при освоении немецкого как второго иностранного языка // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2016. – № 2. – С. 120-126.
9. Турченко Н. П., Чмырева Е. В. Смещение акцентов в типологии ошибок в процессе обучение второму иностранному языку (испанский язык) / Университетские чтения. – Пятигорск: ПГУ, 2013. – Режим доступа: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=394&ELEMENT_ID=5801
10. Флеров О. В., Минайченкова Е. И. Межъязыковая интерференция при обучении студентов испанскому языку на основе английского // Педагогика и просвещение. – 2019. – № 3. – С. 104-116.
11. Gabinete Técnico El Español en el mundo anuario del Instituto Cervantes / Instituto Cervantes – Madrid, 2020.
12. Gia Mosashvili Spanish Language Influence on English Language and Vice Versa – 2019.

УДК 83’11

ПРИНЦИПЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ РАБОТЕ С ЛЕКСИКОЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

К. В. Иргизова
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

Аннотация. В настоящее время возрастает роль использования корпусных технологий в области лексикографии, лингводидактики, переводоведения как инструмента для проведения наиболее качественных лингвистических исследований. В данной статье анализируется использование корпусной методологии при работе с лексическими элементами.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, языковые корпусы, количественная и качественная оценка лексики, лексическая сочетаемость, коллокат, лексическая плотность текста.

CORPUS-BASED PRINCIPLES OF ENGLISH LEXIS ANALYSIS

Abstract. Currently corpus technologies are often used in the field of lexicography, linguodidactics, translation studies as a tool for conducting the most high-quality linguistic research. This article provides an overview on the use of corpus methodology when working with lexical elements.

Key words: corpus linguistics, language corpora, quantitative and qualitative lexis analysis, lexical compatibility, collocate, lexical density of text.

В современной прикладной лингвистике реализуется новая тенденция в работе с механизмами речепроизводства. Реализацию данной тенденции связывают с развитием лексического подхода, основой которого является суждение о том, что содержимое синтаксических конструкций рассматривается как отображение общих законов функционирования лексики [3, с. 176]. Стоит отметить, что корпусная методология может проявить себя в рамках лексического подхода самым эффективным способом. Так, например, один из основоположников корпусной лингвистики Д. Синклер отмечает, что не синтаксис, а именно лексический фонд, наиболее широко представленный в рамках корпуса, определяет организацию речи [13, с. 45]. Наряду с этим, характерные черты корпусов и корпусных инструментов, в число которых входят репрезентативность, возможности поиска информации на обширном материале и наличие детальной лингвистической разметки, также активно могут проявить себя при работе с лексикой английского языка.

Нужно сказать, что причиной, побуждающей исследователей использовать корпусные инструменты в своей работе, становится тот факт, что изучение языка должно строиться на естественном, «натуральном», то есть на функционирующем в рамках реального времени языковом материале. Под

этим мы подразумеваем, что всякое корпусно-ориентированное исследование несет в себе когнитивный элемент, и когда мы обращаемся к корпусно-статистическому методу работы с лексикой, мы в первую очередь стремимся оценивать когнитивную реальность количественно (статистически).

Тот факт, что статистически язык может быть описан как большой набор редких событий, заставляет задуматься о том, каким образом реализуются когнитивные процессы в мышлении изучающих язык при речепроизводстве. В рамках корпусной лингвистики измеряются и оцениваются количественные и качественные характеристики вокабуляра говорящего (пишущего), а результаты оценки данных показателей затем могут использоваться для анализа успешности речевой деятельности. Более того, при использовании корпуса, становится возможным обнаружить достоверные примеры из реальной речи, сделать акцент на ключевых словах (или лексемах), в которых заложен основной коммуникационный потенциал, и, следовательно, выбрать те, которые обладают наибольшей практической значимостью [7, с. 133].

Стоит отметить, что объектом корпусных исследований являются не только отдельные слова, но и сложные лексические единицы, в число которых, согласно классификации О.Г. Гориной, входят коллокации, лексические пучки, лексико-грамматические кластеры, чанки и т.д. [4, с. 58]. В рамках работы с корпусными менеджерами – системами поиска информации по корпусу – представляется возможным выделять подобные конструкции без особой сложности. Ключевой характеристикой при отображении результатов при этом является частотность лексической сочетаемости отдельных элементов (lexical compatibility) в цельных лексических конструкциях [14, с. 77]. Так, например, при запросе на слово «paper» в рамках Британского национального корпуса (British National Corpus) система выдает нам следующий результат: слово «paper» чаще всего используется в качестве существительного после «thick» и «look into», глагола перед «money» и любой иной части речи в окружении слов «crack», «believe», «loud» и «quickly».

Также к инструментам корпуса относят создание линий конкорданса (контекстов всех возможных употреблений слова), анализ которых дает возможность рассмотреть функционирование лексемы и ее левое и правое окружение, создавая тем самым «коллокационно-коллигационный рисунок» [7, с. 135]. На рисунке 1 мы можем видеть окружение слова «deep» и некоторые из его ближайших коллокатов – «soul», «into», «too» и т.д.:

as he chops up and warps vocal samples and layers them over an incredibly infectious **deep** house groove. Whether you are a Bieber fan or the fu
is a force to be reckoned with. It is the kind that has known **deep** soul pain, the kind that has been touched by the deepest part of humanity
caught with all of us is humbling... showing that kindness was witnessed in the **deep** embrace that connected all hearts
to admit that I perhaps have been this distracted all along) or in very **deep** denial. First of all you would need to understand that I have a close-to
. At least, the option is there for folks who don't mind digging **deep** into their pocket. # On a more positive note, T-Mobile said that its
The temperature was below zero, the winds were light and the snow was shin **deep** with nothing firm lurking underneath. I had dreamed of this d
the Blanco telescope's 4-meter mirror, DECam has unique ability to reach wide and **deep** into the night sky. # DECam was built by the Dark Energy
" # Lebanon hung in there, but St. Thomas was too fast, too **deep** and had too many weapons. After 2nd half TD's by Monette and fellow
couple of other missed opportunities in the 1st half. Hastings threw a couple of **deep** balls that just BARELY missed the intended target. One of th
32 yard run to get to midfield. After a pair of incomplete passes on **deep** balls (good coverage by Kevin Kaneb for STA), the Raiders were forced

Рисунок 1 – Коллокационно-коллигационный рисунок лексемы «deep»

В работе И. Ю. Павловской и О. Г. Гориной было также рассмотрено развитие коллокационного потенциала различных частотных выражений. В качестве иллюстрации, они анализируют популярное в медиадискурсе сочетание «on the table» в значении «выносить на повестку дня». Исследователи изучили результаты конкорданса, включающей данную конструкцию, и пришли к выводу, что потенциал выражения «on the table» основан на принципе метафоры в сочетании с глаголами «be», «put», и «lay». По их мнению, анализ линий конкорданса позволяет уменьшить влияние родного языка и избежать нежелательной интерференции и уподобления. При условии отсутствия устоявшегося образца сочетания лексем, результаты анализа корпусных данных выступают в качестве предостережения относительно возможной некорректной лексической сочетаемости.

Поиск коллокаций по корпусу основан на следующем принципе: коллокация – это наиболее частотная, а не случайная комбинация слов. Одним из корпусных инструментов, решающим подобные задачи, является параметр взаимной информации (mutual information), который указывает на вероятность (возможность) сочетания слов в рамках одной коллокации. К примеру, у фразы «make decision» – высокий показатель взаимной информации, но, если заменить в данной фразе «decision» на артикль «a», данный показатель снизится в разы. Это объясняется тем, что артикль как часть речи обладает высокой частотностью и встречается в большинстве текстов. Тем самым артикль может использоваться в одном предложении в среднем от 2 до 5 раз, но не входить в структуру коллокации, а функционировать независимо от нее, с каким-либо отдельным словом [12, с. 39].

Отдельное внимание стоит уделить анализу чанков (chunks), которые в исследовании Гориной описаны как «привычные выражения, состоящие из цепочек слов, которые часто используются вместе; трафаретные шаблонные выражения» [4, с. 68]. В свою очередь американский психолог Д. Миллер именует чанки языковыми формулами или паттернами (formulaic language). При изучении иностранного языка чанки играют очень важную роль, поскольку они являются устоявшимися речевыми конструкциями. Формат чанков является ценным еще и потому, что позволяет избежать внеконтекстуального изучения лексических единиц. Стоит отметить, что такая работа с чанками представляет особую ценность для изучающих английский язык и не являющихся его носителем.

При работе с чанками в составе корпуса самым важным является определение поля поиска или степени удаленности коллоката от нужного нам слова. В большинстве случаев показатель удаленности в корпусе варьируется от 1 до 5 слов в левую и правую сторону от исследуемого лексического элемента. К примеру, если сократить параметр удаленности от слова «music» до минимального значения (1), то корпус предложит нам следующие варианты коллокаций (из числа наиболее частотных): music education, classical music, play music (рисунки 2 и 3):

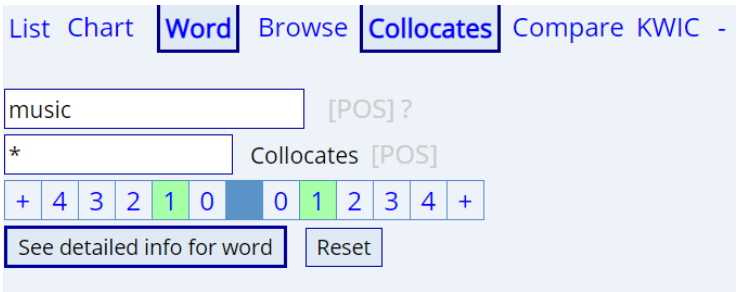

Рисунок 2 – Минимальное поиска коллокатов для слова «music» с параметром «1»

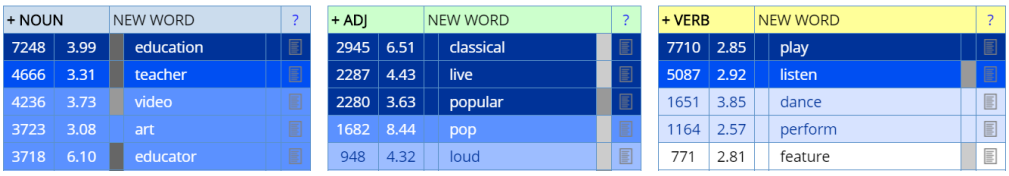

Рисунок 3 – Результаты поиска коллокатов для слова «music» с параметром «1»

Если мы расширим поле поиска коллокатов до 3, то получим следующие результаты: listen to the music, music to my ears, music hall of fame и т.д. (рисунок 4):

Рисунок 4 – Результаты поиска коллокатов для слова «music» с параметром «3»

Также благодаря контекстуальному разнообразию контента корпуса, становится возможным проследить случаи семантической просодии, иными словами – стремление к употреблению конкретного слова в положительном или отрицательном контексте. Так, например, семантически нейтральное «hand» («вручать, отдавать») встречается в конкордансах с нейтрально окрашенными словами, из которых чаще всего используются существительные (paper, key, bag, glass), наречия (wordlessly, silently), прилагательные (printed, finished). Однако если мы проанализируем слово «throw» («швырнуть, бросить») с отрицательным коннотационным значением, то в корпусе в числе его коллокатов мы можем увидеть такие слова как «carelessly», «hastily», «stone» и т.д.

Корпусные исследования также находят свое отражение в изучении лексической плотности письменного или устного высказывания [5, с. 202]. Под лексической плотностью в данном случае следует понимать процент используемых знаменательных слов из расчета на общее количество слов в предложении, а также коэффициент использования междометий, служебных слов (союзов, частиц, артиклей, предлогов), средств дейксиса и т.д. Как правило, самым большим коэффициентом знаменательных слов обладают тексты медиадискурса, а самым невысоким – тексты разговорного стиля (чаще всего диалоги), носящие бытовой характер. В качестве иллюстрации сравним отрывок из статьи «The 10 Senate seats most likely to flip, 3 weeks from Election Day», взятый с сайта новостного агентства CNN (рисунок 5), и часть скрипта к одной из серий телесериала «Друзья» (рисунок 6) [11, 15]:

Рисунок 5 – Корпусный анализ лексического состава статьи CNN

Рисунок 6 – Корпусный анализ лексического состава скрипта к телесериалу «Друзья»

На рисунках можно увидеть, что лексическая плотность текста скрипта к телесериалу в отношении частотной лексики на 4% выше, чем текста новостной статьи. Частотная лексика в скрипте представлена предлогами (on) и союзами (that, and, but), то есть служебными частями речи. Слов с низкой

частотностью (low freq) в скрипте почти не наблюдается, что говорит о низком лексическом насыщении данного типа текста. Напротив, лексики типа low freq в новостной статье на 16% выше, чем в скрипте к сериалу, что говорит о ее высокой лексической плотности. Подобные результаты анализа свидетельствуют о том, что в устной речи достаточно тяжело производить тексты, которые по степени лексической плотности были бы равнозначны текстам письменных жанров. По своему лексическому составу они все равно будут «беднее» и однообразнее.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в настоящее время исследователю-лингвисту практически не обойтись без использования корпусных ресурсов в своей практике. Благодаря функционированию корпусных инструментов представляется возможным провести детальный анализ того или иного лексико-грамматического кластера, проследить случаи семантической просодии, исследовать лексическую плотность текста. На наш взгляд, корпусы рекомендуется включать в число обязательных форм представления лингвистических данных, поскольку информация, содержащаяся в корпусе, способна значительно повысить релевантность и достоверность результатов языковых исследований, а также дополнить их при необходимости.

Библиографический список

1. Влавацкая М. В. Понятия коллокации и коллигации в диахроническом рассмотрении // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков», 21–28 февр. 2011 г. / Отв. ред. Ю.Н. Тамберг. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 19–26.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования: Лингвистическое наследие XX века. / 4-е изд., стереотипн. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
3. Гвишиани Н. Б. Введение в контрастивную лексикологию: пособие для студ. высш. уч. завед. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 288 с.
4. Горина О. Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке: дис. на соискание уч. степени канд. пед. наук / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2014. - 321 с.
5. Горина О. Г. Определение словарного запаса обучаемых с помощью корпуса // Вестник Ленинградского государственного университета – Санкт-Петербург, 2013. – №2. – С. 201–209.
6. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
7. Павловская И. Ю., Горина О. Г. Корпусно-когнитивные методы изучения лексической стороны речи на иностранном языке // Вестник Череповецкого государственного университета – Череповец, 2017. – № 01 (76). – С. 132–138.
8. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
9. Рыков В. В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. семинара «Диалог–2002» (Протвино, 6–11 июня 2002 г.): В 2 т. – Т. 1. – М., 2002. – С. 390–393.

10. British National Corpus [Электронный ресурс]: – 2020. – Режим доступа: https://www.english-corpora.org/bnc/ – Загл. с экрана.
11. Friends Transcripts [Электронный ресурс]: – 2020. – Режим доступа: https://fangj.github.io/friends/ – Загл. с экрана.
12. Hunston, S. Corpus Linguistics / S. Hunston, S. Laviosa. – Birmingham: Centre for English Language Studies; The University of Birmingham, 2000. – 112 p.
13. Sinclair, J. Corpus, Concordance, Collocation / J. Sinclair. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.
14. Stubbs, M. Corpus evidence for norms of lexical collocation / M. Stubbs. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 256 p.
15. The 10 Senate seats most likely to flip, 3 weeks from Election Day. - [Электронный ресурс]: – 2020. – Режим доступа: https://edition.cnn.com/2020/10/13/politics/election-2020-senate-race-rankings-three-weeks/index.html – Загл. с экрана.

УДК 82-293.7:82.7

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В КИНОТЕКСТАХ

М. А. Кузьмин, Т. С. Шикина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются вопросы перевода юмора в американском комедийном сериале «Теория Большого Взрыва», определяются стратегии, используемые переводчиками для решения технических, лингвистических и культурных проблем перевода юмора в кинотекстах, а также раскрываются факторы, которые могли бы повлиять на принятие адекватных переводческих решений.

Ключевые слова: кинотекст, комическое, аудиовизуальный перевод, стратегия перевода.

HUMOUR TRANSLATION STRATEGIES IN FILM SCRIPTS

Abstract. The present study investigates issues of humour translation in the American sitcom, Big Bang Theory. It also identifies the strategies used by translators to solve the technical, linguistic and cultural problems of translating humour in film scripts, and uncovers the factors that might have affected the translators' decisions.

Keywords: film script, humor, audiovisual translation, translation strategy.

Кино как новый вид искусства зародилось совсем недавно, но на сегодняшний день оно достигло поразительных масштабов популярности. Кино можно отнести к одному из главных средств коммуникации. Этот вид искусства органично объединил в себе многое: литературу, театр, музыку и даже живопись. Благодаря этому, кинематограф достиг глобального распространения. Это сильно повлияло на заинтересованность в этом социальном и культурном явлении исследователей из различных областей науки, а также, в основном, переводчиков.

Вместе с тем, если говорить о кинопереводе как об одном из видов перевода, его нельзя отнести ни к одному из существующих. Перевод кинотекста либо подготавливается заранее как письменный, либо, не имея возможности подготовить перевод, переводчику приходится прибегать к синхронному переводу или переводу с листа. Следовательно, киноперевод, включая в себя черты и письменного, и устного переводов, обладает так называемой «гибридностью» [2, с. 11].

Следует подчеркнуть, что гибридность киноперевода обуславливает крайнюю специфичностью этого процесса. Естественно, переводчику, работающему в сфере аудиовизуального перевода, необходимо не только отличное знание языков, но также умение соблюдать прагматизм и тональность оригинального произведения. Важно отметить, что в целях

осуществления качественного перевода кино необходимо знание современных реалий обоих языков, так как каждый фильм содержит в себе большой объем лексики, которая несет совершенно разную смысловую нагрузку. Более того, особое внимание стоит обратить на соблюдение интонаций, так как стилистическая окраска одного и того же слова, в зависимости от ситуации кинопроизведения, меняется [2, с. 135].

Вместе с развитием киноиндустрии увеличивается количество визуальных произведений различных жанров. Самый популярный из них – комедийный. В этом можно убедиться не только на основе собственного опыта, но также и посредством обзора статистических данных. Достаточно взглянуть на данные опроса ВЦИОМ 2019 года, согласно которым россияне отдают наибольшее предпочтение именно комедийному жанру [6]. Таким образом, можно предположить, что визуальные произведения, включающие в себя элементы комического, развиваются наибольшими темпами. Для аудиовизуальных переводчиков, работающих с этим жанром кино, это значит – непрекращающееся возникновение все новых трудностей в процессе перевода кинотекстов [3].

Стоит отметить, что процесс перевода кинотекстов, содержащих элементы комического, характеризуется использованием определенных стратегий, также как и любой другой вид перевода [5, с. 54].

Как известно, переводческая стратегия – это один из первых этапов перевода. Выбор стратегии определяет весь процесс перевода, в том числе использование переводческих приемов. В. Н. Комисаров определяет стратегию перевода как непосредственное мышление переводчика [4, с. 249]. Изучение переводческих стратегий облегчает исследователям описание процесса устного последовательного перевода и раскрывает решения, принятые переводчиком в конкретной ситуации для достижения коммуникативной цели [9].

Переводческая стратегия представляет собой крайне важный аспект при передаче комического в кинотекстах. В большинстве случаев при выборе стратегии перевода комического переводчику приходится выбирать между передачей формы, либо передачей содержания [1, с. 360].

Ж. Мунэн и В. Н. Комиссаров сошлись во мнении, что подобная трудность вызвана тем, что грамматические структуры и лексический состав двух языков, участвующих в процессе перевода, сильно разнятся [4, с. 283]. Вместе с тем, объяснением может служить и различие в культурах.

Таким образом, переводчик в процессе перевода комического имеет выбор из следующих стратегий перевода:

1. Отказ от формы, в целях передачи семантического компонента выражения.
2. Отказ от содержания, в целях передачи формы и вместе с тем комического эффекта [1, с. 315].

Следует рассмотреть использование обозначенных стратегий на практике. В целях выполнения поставленной задачи в статье будут

рассмотрены 4 примера использования комического, взятые из современного американского сериала «Теория Большого Взрыва». Стоит отметить, что существует несколько вариантов его перевода, но наиболее известный и популярный – это перевод от студии «Кураж-Бамбей». Именно поэтому он и был выбран.

В качестве первого примера обратимся к игре слов:

Penny: Yeah, lying is not my favorite part of the job. Actually, I am not so crazy about this place.

Zack: Hey, if you are not happy there, I have been looking for a new head of sales at my company. And we do not sell drugs, just **menus**, so the only lie you will be telling is we print on recycled paper. We do not.

Penny: Oh, this is a nice offer.

Zack: You know, we would make a great team. Or as we say in the menu business, I cannot do this without «**Me N U**».

Penny: Right, because it spells menu (10, 22) [9].

Перевод на русский выглядит следующим образом:

Пенни: На самом деле, я не очень люблю врать на работе. Да и вообще, мне многое там не нравится.

Зак: Слушай, если тебе там так сильно не нравится – мне как раз нужен начальник отдела продаж. А продаём мы не лекарства, а «**менюшки**», так что врать придётся только о том, что мы печатаем их на переработанной бумаге. А это неправда.

Пенни: Слушай, а это интересное предложение.

Зак: Из нас бы вышла отличная команда, или как мы говорим в нашей среде: «**Меню невозможно без меню и тебю**.»

Пенни: Ааа, это типа, без меня и тебя [7].

Здесь можно видеть диалог между двумя персонажами по имени Зак и Пенни. В конце диалога Зак произносит фразу: «I cannot do this without Me N U». Игра слов осуществляется на уровне фонетики. В оригинале персонаж стремится произнести слово «menu» таким образом, чтобы оно звучало похоже на английское сокращение «Me N U», которое расшифровывается как «me and you». Для этого он намеренно опускает звук [d].

Между тем, обращаясь к переводу от студии «Кураж Бамбей», можно заметить, что в их варианте перевода «меню невозможно без меню и тебю» игра слов строится уже не на уровне фонетики.

В этом примере переводчик был вынужден прибегнуть к отказу от формы и сохранению содержания комического. В этом случае это действие было обусловлено сильным различием между языками. Передать форму получилось бы только в том случае, если бы переводчик полностью изменил шутку так, чтобы в такой же форме ее можно было бы воспроизвести на русском. Естественно, это решение не было принято, потому что по сюжету персонаж Зак связан с продажей буклетов-меню или, как он их назвал, – «менюшек», и изменение контекста шутки могло привести к искажению логики повествования произведения.

Во втором примере рассмотрим способ создания комического эффекта с использованием неологизмов в сериале. В качестве примера рассмотрим неологизм «nerdvana»:

Leonard: That is enough. No more toys or action figures or props or replicas or costumes or robots or Darth Vader voice changers, I am getting rid of all of it.

Howard: You cannot do that, look what you have created here, your place is like **Nerdvana** (1, 14) [9].

Перевод на русский язык:

Леонард: Все, с меня хватит, никаких больше игрушек, фигурок героев, реквизитов или моделек, костюмов, роботов или трансформаторов голоса Дарта Вейдера, все, хватит, я избавлюсь от всего этого.

Говард: Но ты не можешь, посмотри, во что ты превратил это место, это же настоящее **ботанопристанище** [7].

Для начала, в целях рассмотрения неологизма «nerdvana», стоит упомянуть о том, что все главные герои, являющиеся учеными, очень серьезные «ботаники». Они читают фантастические комиксы, разбираются в киновселенных, коллекционируют фигурки, вешают постеры и. т. д. Следственно, неологизм «nerdvana», состоит из двух отдельных слов. Первое слово «nerd» переводится на русский язык как «ботаник», «чудик». Второе слово «nirvana» можно передать на русский язык как «нирвана» или же, если конкретизировать это понятие – «рай». В итоге получается описательный перевод «рай для ботаников».

В то же время в русской версии шутки видно, что переводчик выбрал уже другую стратегию – стратегию отказа от содержания. Если бы использовался перевод «рай для ботаников», то содержание сохранилось, но комический эффект был бы утерян. Таким образом, используя эту стратегию, переводчик придумал свой неологизм на языке перевода – «ботанопристанище».

Рассмотрим еще один способ создания комического эффекта. На этот раз он построен на использовании парадокса:

Penny: **I am a vegetarian, but except for fish, and the occasional steak.** Oh, I love steak (1, 1) [9].

Перевод на русский язык выглядит следующим образом:

Пенни: **Я вегетарианка. Но исключение – рыба. И иногда – стейки.** Обожаю стейки [7].

Необходимо отметить, что в исходном варианте героиня Пении произносит первую фразу одним предложением «I am a vegetarian, but except for fish, and the occasional steak.», но переводчик принял решение разделить это предложение на три. В этом случае он сделал это из-за того, что фраза на русском в виде одного предложения оказалась бы очень громоздкой, более того – она была бы значительно длиннее. В аудиовизуальном переводе это привело бы к рассинхронизации между речью персонажа на исходном языке и на языке перевода.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимость компрессии высказывания побудила переводчика прибегнуть к использованию стратегии отказа от формы, в то время как содержание передано полностью.

Рассмотрим еще один, последний, пример, а затем обратимся к выводам. На этот раз возьмем способ создания комического эффекта с использованием сленга. Для понимания контекста ситуации уточним, что в этом диалоге Шелдон рассказывает своему другу Леонарду, какие имена он дал его пяти котам:

Sheldon: Yes. This is Enrico Fermi, Richard Feynman, Edward Teller, Otto Frisch, and **Zazzles**.

Leonard: Zazzles?

Sheldon: I was going to name him Herman von Helmholtz, but he is so **zazzy** (4, 3) [9].

Перевод на русский язык выглядит следующим образом:

Шелдон: Да. Познакомься: Энрико Ферми, Ричард Фейнман, Эдвард Теллер, Отто Фриш, и **Лапусик**.

Леонард: Лапусик?

Шелдон: Я собирался назвать его Германом фон Гельмгольцем, но он такой **лапусичный** [7].

В этом фрагменте диалога, наблюдается употребление сленгового выражения «zazzy» и производного от него имени пятого кота «Zazzles».

Прилагательное «zazzy» можно передать на русский язык как «привлекательный» или «притягательный». Но важно обратить внимание, что перед переводчиком стояла задача образовать от этого прилагательно еще и имя для кота. Таким образом, важной деталью было сохранение формы. Это повлекло за собой выбор стратегии отказа от содержания, ведь в целях передачи сленгового выражения «zazzy» переводчик прибегнул к созданию собственного окказионализма «лапусичный». Вместе с тем, образование имени от этого прилагательного не составило большой проблемы. Так, появилось имя «Лапусик».

Таким образом, было рассмотрено четыре примера с использованием четырёх разных способов создания комического. Вместе с тем, вначале была использована стратегия отказа от содержания, затем от формы, затем от содержания, а затем снова от формы.

Выбор стратегии напрямую влияет на итоговое качество перевода. Перевод комического практически всегда обязывает переводчика выбирать между передачей формы либо передачей содержания. Любое решение переводчика в процессе аудиовизуального перевода зависит не только от теоретических знаний, но также и от преследуемой им цели. Как уже отмечалось в научной литературе, целеполагание является необходимым условием процесса принятия решений, так как конкретная выбранная цель становится основой выбора оптимальной переводческой стратегии и обозначает дальнейший спектр используемых приемов перевода [8].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что строго определенной стратегии не существует. Передача комического в кинотекстах требует от переводчика внимательного и вдумчивого подхода к выбору стратегии, так как этот аспект уникален для каждого случая. Даже при использовании одного и того же способа создания комического эффекта выбор стратегии не был одинаков.

Библиографический список

1. Влахов С. Н. Непереводимое в переводе: монография [Текст] / С. Н. Влахов, С. В. Флорин // 2-е изд., дополненное. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
2. Горшкова В. Е. Перевод в кино [Текст]. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 278 с.
3. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности [Электронный ресурс] // Национальная лига переводчиков. – Режим доступа: http://www.russiantranslators.ru/about/editorial/audiovizualnyperevod.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение [Текст]. - М.: ЭТС, 1999. – 424 с.
5. Кузьмичев С. А. Перевод кинофильмов как отдельный вид перевода [Текст] // Вестник МГЛУ, 2012. – № 9. – 150 с.
6. Российское кино и кинозрители: крупный план [Электронный ресурс]: Всероссийский центр изучения общественного мнения. – 2019. – № 4041. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9865.
7. Сериал Теория большого взрыва [Электронный ресурс]: Сериалы в переводе Кураж-Бамбей онлайн. – Режим доступа: www.куражбамбей.рф/serial-teoriya-bolshogo-vzryva.html.
8. Шикина Т. С. Диалог как категория социальной философии: автореф. дис…. канд. филос. наук. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2012. – 26 с.
9. Шикина Т. С. Диалог и принятие решения как интеллектуальная операция // Философия здравого смысла. Критика оснований разума. Сер. «Здравый смысл в основаниях принятия решений в общественной практике». – М., 2015. – С. 40-55.
10. Big bang theory transcript [Электронный ресурс]: Big bang theory transcripts. – Режим доступа: https://bigbangtrans.wordpress.com.

УДК 81’373:811.111(051.055.2)

ЭМОТИВНОСТЬ ВОКАБУЛЯРА ЖЕНСКИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

И. С. Кузьмина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмотивного пространства женских англоязычных журналов. Рассматриваются лексические особенности репрезентации эмоций в данном типе публицистического текста. В частности уделяется внимание эмотивности лексики и лексических стилистических средств выразительности.

Ключевые слова: эмотивность, лексика, эмоциональный, эмоция, эмосема, журнал.

EMOTIVITY OF THE VOCABULARY OF ENGLISH WOMEN’S MAGAZINES

Abstract. The article deals with the study of the emotive space of English women’s magazines. The lexical features of emotion representation are considered in the mentioned above type of journalistic text. In particular, the attention is paid to the emotivity of the vocabulary and lexical stylistic means of expression.

Keywords: emotivity, vocabulary, emotional, emotion, emoseme, journal.

В лингвистике всегда уделялось достаточное внимание вопросам категоризации и функционирования эмоций [1], [3], [4]. Лингвистический аспект человеческой эмоциональности в настоящее время стал объектом научных исследований отдельного направления – эмотиологии (лингвистики эмоций). По словам Л. А. Каллимулиной, на данный момент в эмотиологии сформировался целый комплекс теоретического материала, который образует основание для исследований в лингвистике и смежных с ней областях. Тем не менее, ни одна из существующих концепций не является полной, поскольку до настоящего времени не завершилось построение единой теории эмоций. Лингвистическая литература насчитывает большое количество положений анализа данного феномена, который показывает, что еще не существует универсального, четкого термина для этой области знаний. Языковеды используют различные понятия, такие как эмотивность, эмоциональность, эмоциональная нагрузка слова, и чаще всего это происходит без их детального объяснения [2, с. 71]. Таким образом, актуальность настоящей работы обусловлена непрекращающимся интересом лингвистов к данной теме, а также проблемой ее неполного изучения.

Как известно, эмотивность является отличительной особенностью публицистического стиля, в связи с этим представляется интересным исследовать особенности эмотивной составляющей в использовании языковых средств в таком виде публицистического текста как женский журнал, который является сложным продуктом, приспособленным к

оригинальным гендерным особенностям женщин. Язык, метод подачи информации, фотографий и рекламы характеризуют женскую периодику как определенный феномен современной журналистики.

Являясь частью публицистического функционального стиля, которому отведено особенное место в структуре литературных стилей, так как в большинстве случаев данный стиль перерабатывает тексты, составленные в рамках других стилей, журнал, в свою очередь, имеет неограниченный лексический состав. В женских англоязычных изданиях мы наблюдаем наличие разнообразных пластов лексики. Например:

It's no surprise to me that in that city, where I spent my student years, the crowds weren't scared to show up to another major event in the wake of such a heinous incident [7, с.53].

В данном отрывке используется разговорный и деловой стили. Глагол «*show up*» помечен в словаре, как *informal,* в то время как лексема «*heinous*» указывает на формальность речи. Чаще всего именно разговорные слова являются ядром эмотивности высказывания, придают особый оттенок и смысл, транслируют мысли и чувства автора. Данный пример показывает полистилизм женских англоязычных журналов.

Жанр интервью, представленный в женских журналах, добавляет живости и эмоциональности речи, а также демонстрирует наличие сем эмотивности. Например:

You see amazing male characters, and there is an absolute dearth of roles for women [5, с.218].

В данном примере эмоции передаются с помощью лексем *«amazing» и «absolute dearth».* Эмотивное прилагательное *«amazing»* характеризует оценку конкретного положения дел, указанного героем интервью. В следующем словосочетании интенсификатор «*absolute*» усиливает значение проблемы нехватки ролей для женщин.

The sense of anger everywhere is really frightening. People are appealing to the baser instincts and fears of lots of people [5, с.218].

В приведенном выше отрывке того же интервью используются отрицательные эмосемы в виде существительных «*anger*» и «*fears*», а также эмотивного прилагательного «*frightening*», усиливающего отрицательный эмоциональный контекст.

Эмотивное пространство текста изучается с помощью образности, оценочности и выразительности. При этом общеоценочная лексика характеризует эмоции наиболее полно. Примером общеоценочного вокабуляра может быть следующий отрывок из статьи:

She loves to cook – she has a particular affinity for Southern food – so they use her kitchen, but eat in her sister's dining room [6, с.114].

Нейтральный глагол «*love*» в данном примере значительно усиливает свое значение благодаря существительному «*affinity*» и значит гораздо больше, чем просто общеоценочная лексика.

Междометия, встречающиеся наиболее часто в женских изданиях, передают эмоции восторга, восхищения, безразличия, пренебрежения или крайнюю степень отвращения (*Ugh, yuk, Gak*).

The worst offenders allude to how much she's 'grown up' since making her Hollywood debut in I Am Sam (2001) (becoming the youngest actress in history to be nominated, at eight, for a Screen Actors Guild Award); what it was like 'working with Tom Cruise' in War Of The Worlds (2005) 12 years ago; and finally, isn't it a miracle that she didn't 'go off the rails' like so many other child stars. Ugh. [7, c.90]

Междометия в большей степени характерны для устной речи, но так как в журналах присутствует прямая речь, междометия появляются в тексте журналов. В данном примере «*Ugh*» представлено в виде завершающей фразы высказывания.

Метафора, являясь частым средством выразительности в стилистике, выступает также и продуктивным эмотивным средством. Она привлекает к себе внимание и способна убеждать. Например:

Step away from your Netflix account, clamber over the empty new year wine bottles, and find a corner away from prying eyes [8, c.67].

Sunlight danced off the swimming pool as a woman reclined on a sun lounger, hair perfectly coiffed, black-kohled eyes hidden behind designer sunglasses [8, c.85].

В данных примерах словосочетания «*prying eyes*» и «*sunlight danced off*», использованы в переносном значении, поскольку лексемам «*sunlight*» и «*eyes*» не свойственны данные характеристики.

В языке женских журналов можно обнаружить и нецензурную лексику. Ранее это считалось недопустимым для женского пола и нарушало их гендерный статус. Тем не менее, недавние исследования констатировали употребление ненормативной лексики женщинами. Например:

Two years later, after failing to get a work permit, Jackie returned to Britain and became a model and, in her words, a 'half-assed actress' [5, c.85].

And she was intensely proud of her female characters: 'My heroines kick ass. They don't get their asses kicked' [6, c.85].

Наличие нецензурного слова «*ass*» в данных примерах и в различных интерпретациях свидетельствует о том, что все лексемы, содержащие данное слово, имеют негативный оттенок эмоционального состояния автора высказываний.

Употребление неологизмов также часто прослеживается в женской периодике. Появляющиеся новые предметы и явления, отражаются в лексическом составе журналов:

I am shocked when I'm called a diva. I've never done anything diva-ish in my life [7, c.85].

Так, например, лексема «*diva-ish*», отсутствующая в каких-либо словарях. Автор использовала известное слово «*diva*» и превратила его в прилагательное с помощью суффикса *-ish*, придав высказыванию определенный эмоциональный оттенок.

Помимо этого, глянцевые журналы содержат в себе большое количество топонимов, а именно официальных названий, которые закреплены в разных документах и справочниках. Например: *«White House», «Heathrow», «Hangzhou», «Miami», «China»* и другие.

Однако наиболее употребляемыми лексемами в эмотивном плане являются прилагательные, такие как *perfect, amazing, inspiring, happy, significant, fabulous, pretty, striking, hot, exciting, nice, beautiful*. Они поддерживают идею женского журнала о том, что окружающий мир удивителен, все женщины великолепны, восхитительны и красивы, а жизнь вдохновляющая и прекрасная. Лексемы, детерминирующие различные эмоциональные состояния, можно разделить на положительные и отрицательные. Примерами положительных эмосем являются следующие: *content, glad, surprised, amused, thrilled, scared, satisfied, fascinated, inspired, charmed.* Отрицательные эмосемы могут быть выражены через следующие прилагательные: *worried, tired, shocked, stressed, appalled, disappointed, frustrated, anxious, nervous, hurt, sad, angry, terrified.*

В текстах англоязычных женских журналов прилагательные могут усиливать высказывание, более точно и красочно передавать эмоции и чувства. В следующих примерах с помощью прилагательных передаются эмоции, которые испытывают герои статей.

He guides me into a staggered meditation and, when I'm at my most relaxed, he suggests that I eat well, sleep well and think positively, and then we're done. And I feel pretty good afterwards [5, с.331].

По наличию положительных эмотивных прилагательных *«relaxed», «good»* с интенсификатором *«pretty», «staggered»,* приобретающих позитивное значение в данном конкретном окружении, и наречия «*positively*», можно утверждать, что предложение передает положительные эмоции автора.

When I ask her if she feels angry, she rejects the idea: "I don't feel angry. I feel disappointed. And perhaps frustrated"[8, с.183].

Данное предложение несет противоположное значение в отличие от примера выше. Здесь присутствует отрицательная эмосема, выраженная прилагательными «*angry*», «*disappointed*», «*frustrated*». Автор передает свои чувства разочарования и злости.

Her handsome father, she recalled, was a chauvinist and womaniser [6, с.85].

В приведенном выше высказывании присутствует прилагательное, описывающее представителя мужского пола – «*handsome*». Оно передает нам эмоцию героини статьи о том, что ее отец был прекрасен, но позитивный аспект этого слова сталкивается с контрастом лексем «*chauvinist*» и «*womaniser*», имеющих отрицательную окраску.

'Counterfeiting is so profitable that a lot of mafias actually move away from drugs to start [doing it] because the risk is virtually zero, and the margins are incredible. Frankly, it's so lucrative that even if your factory is seized you probably wouldn't care,' he says [8, с.110].

Данное предложение наполнено положительными эмосемами: «*profitable*», «*incredible*», «*lucrative*», которые подчеркивают мнение героев истории по поводу изготовления контрафактной продукции. Автор передает нам информацию о том, почему данный вид обмана так прекрасно подходит мафии – отсутствует огромный риск провала.

Следующий пример взят из текста рекламного блока журнала. Благодаря использованию прилагательных эмоциональной оценки, читатель обращает внимание на данный текст, ведь это «хитрая уловка» рекламодателей, чьей целью было заинтересовать. Прилагательные «*excellent*» и «*fantastic*» прекрасно справляются со своей задачей.

This house offers excellent space for a purchaser to move into immediately whilst benefiting from fantastic volume with a southern, easterly and western aspect [8, с.234].

Помимо всего, прилагательные с эмоциональной оценкой действительности передают и эмоциональное состояние счастья и радости автора статьи в каком-либо контексте.

Они описывают характерные особенности индивида, его личностные свойства, а также выражают отношение к данному человеку в виде эмоций окружающих или самого автора статьи. Примеры представлены ниже:

As a child, Zupanc was unusually sensitive to her environment. She was, she says, "depressed" by the ruling aesthetic of Eighties Yugoslavia, a dogmatic modernism yielding joyless arrays of plastic multiples [8, с.84].

В данном примере присутствует описание характерной особенности Зупанка – чувствительности, выраженной через прилагательное «*sensitive*». Остальные прилагательные эмоционального состояния и отношения к окружающим людям выражают отношения сочувствия автора к герою.

Непосредственное описание образа и характера женщины представлено в примере ниже. Лексемы «*quiet*», «*doting*», «*tough*» характеризуют ее как спокойную любящую и достаточно упрямую в хорошем смысле.

This image of her as the quiet, doting wife, for example. She's actually very tough, in the nicest possible way [8, с.173].

Еще одним примером описания характерных черт человека является нижеследующий отрывок. Спокойной, рассудительной и хладнокровной предстает перед нами героиня данного высказывания.

Dior's Roman new empress is all smiles: calm, unflappable, laughing and eating lunch off her lap alongside her 20-year-old daughter, Rachele [8, с.159].

Кроме того, в женских журналах были выявлены наиболее используемые прилагательные, описывающие внешность женщин: *beautiful, sexy, fabulous, gorgeous, hot, chic, attractive, elegant, good-looking, sweet.* Душевные и деловые качества представительниц слабого пола представлены с помощью таких прилагательных, как: *smart, sensitive, brilliant, genuine, warm-hearted, curious, cheerful, warm-hearted, merciful, modern, helpful.*

В целом, в результате проведенного исследования было выявлено, что тексты женских журналов в высокой степени эмоциональны, что достигается

различными особенностями использования языковых единиц, а также стилистических приемов. Высокая уровень эмотивности в плане лексики женских журналов в большей степени проявляется благодаря использованию имен прилагательных, придающих эмотивное значение высказываниям.

Библиографический список

1. Анисимова А.В. Английские прилагательные, выражающие эмоциональное состояние (на материале женских журналов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. – 2009. – № 4. – С. 36-41.
2. Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71-80.
3. Колпакова Л.В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – №7. – С. 96-100.
4. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 128 с.
5. Elle UK, 2016 October – 356 p.
6. Marie Claire UK, 2016 February – 164 p.
7. Marie Claire UK, 2018 January – 180 p.
8. Vogue UK, 2017 January – 252 p.

УДК 81’373.421=811.511.1

ПЕРЕДАЧА ЛЕКСИКИ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

А. И. Молчанова
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу передачи слов с гендерным компонентом в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки. Особое внимание уделяется переводческим трансформациям, необходимым для достижения адекватного перевода с учетом реализации в нем гендерного фактора.

Ключевые слова: гендер, гендерно маркированные единицы, гендерный компонент, адекватность перевода, андроцентризм.

CONVEYING OF LEXICAL UNITS WITH A GENDER COMPONENT IN THE TRANSLATIONS OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT» INTO GERMAN AND ENGLISH

Abstract. The present research explores different means of conveying of the lexical units with a gender component in the translations of F. M. Dostoevsky’s novel «Crime and punishment» into German and into English. Special attention is given to the translation transformations used for adequate translation considering the realization of gender factor in it.

Keywords: gender, gender-marked units, gender component, adequacy of translation, androcentrism.

Гендерная лингвистика достаточно давно стала предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых (основоположниками феминистской лингвистики, предшествовавшей гендерной лингвистике, были Р. Лакофф [15], Л. Пуш [16], С. Тремель-Плетц [17] и др.). Тем не менее, интерес к данной области знания не угасает и в настоящее время. В частности, все больший интерес у лингвистов вызывает изучение гендерного аспекта в переводе.

В настоящей статье рассматривается проблема адекватного перевода гендерно маркированных единиц, а именно лексики с гендерным компонентом в произведениях художественной литературы. Практическим материалом исследования стали переводы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: перевод на немецкий язык, выполненный С. М. Гайер, озаглавившей роман как „Verbrechen und Strafe“ (досл. «Преступление и наказание»), перевод романа на немецкий язык Р. Хоффманна „Schuld und Sühne“ (досл. «Вина и возмездие»), переводы на английский язык Р. Пивера и

Л. Волохонской, а также Н. Пастернака-Слейтера, озаглавленные “Crime and punishment”.

Традиционно в языке выделяются три больших группы гендерно маркированной лексики. Опираясь на классификацию И. В. Денисовой, прокомментируем их с точки зрения возможности перевода в парах неблизкородственных языков. Первую группу гендерно маркированной лексики составляют «местоимения, которые конструируют гендер в языке вообще, не неся на себе гендерной маркировки» [1, с. 9], например, при замене части речи: имя собственное „Frau Schneider“ заменимо на личное местоимение „sie“ в немецком языке, “Mr. Smith” заменяется личным местоимением “he” в английском языке. Нетрудно предположить, что при переводе такие гендерно маркированные единицы не представляют особой трудности, поскольку имеют полные эквиваленты в русском, немецком, английском и большинстве других современных языков.

Ко второй группе гендерно маркированных единиц относят лексику, имеющую маскулинную или феминную окраску: «в данном случае проявления гендера связаны с гендерной стереотипизацией, а именно с сознательным смещением гендерных стереотипов, таких как внешнее описание, психологические качества, манеры поведения или социальное положение» [1, с. 10]. В качестве примера можно привести английский фразеологизм “be one of the boys” (русск. – «свой человек»), который изначально применялся только по отношению к мужчинам, однако в настоящее время данная идиома может использоваться также и при характеристике представительницы женского пола, к примеру, если она дружит с группой мужчин [3].

Еще одну группу гендерно маркированной лексики составляют слова и словосочетания, имеющие в своем составе единицы с гендерным компонентом, указывающим на пол референта [1, с. 7]. В немецком языке к таким компонентам относится, например, суффикс женского рода „-in”: „der Lehrer / die Lehrer*in*” (учитель – учительница), „der Dolmetscher / die Dolmetscher*in*”. В английском языке также существуют словообразующие суффиксы, указывающие на род существительного: “actor” / ”act*ress*”. Необходимо отметить, что в русском языке морфологическое выражение женского пола в названиях профессий или должностей не всегда возможно в официально-деловом стиле текста. Поэтому часто существительные мужского рода имплицитно подразумевают также и представительниц женского пола (например, «переводчик»). Что касается произведений художественной литературы, то для них характерны эмоционально-экспрессивная лексика, реалии и другие стилистически окрашенные слова и выражения, выполняющие функцию социально-речевой характеристики персонажей и в некоторых случаях способствующие исторической стилизации повествования [6, с. 666]. Данная группа гендерно маркированной лексики и стала предметом изучения в настоящей статье.

Существенным при сравнительном анализе лексики с гендерным компонентом в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» является тот факт, что в русском языке эксплицитное проявление гендера имен существительных прослеживается не только по их значению, но и по их окончаниям (как правило, это нулевое окончание для мужского рода и окончания «-а» / «-я» для женского рода), в то время как в английском языке род имен существительных выражается через их значение, а также через суффиксы мужского или женского рода, поскольку в английском языке у имен существительных отсутствуют падежные окончания и есть только окончания множественного числа. В немецком языке гендерный признак имен существительных проявляется не только через их значение и суффиксы мужского и женского рода, но также через артикли „der" / „ein", „die" / „eine", „das" / „ein", соответствующие мужскому, женскому и среднему роду, и их окончания. Однако стоит помнить, что при переводе помимо передачи гендерной составляющей с помощью гендерно маркированных единиц необходимо также вносить ясность в текст и избегать двусмысленности выражений, что может привести к неправильной интерпретации отрывка реципиентом.

Итак, в русском языке гендерная принадлежность существительного может выражаться посредством окончания женского рода «-а», как например в слове «хозяйка»: «Он благополучно избегнул встречи с своею *хозяйкой* на лестнице» [2, с. 37]. В немецком языке в следующем примере в роли гендерного компонента выступает словообразующий суффикс „-in", также указывающий на принадлежность существительного к женскому роду. При переводе данного предложения С. М. Гайер прибегла к переводческому приему простой лексической подстановки, т. е. переводу единственно возможным эквивалентом в языке перевода [4, с. 98], а Р. Хоффманн – к приему сложной подстановки с дифференциацией значения, который предполагает выбор лексического соответствия в языке перевода за пределами словарной статьи [4, с. 100]. Оба варианта перевода являются адекватными, поскольку потери информации не происходит:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Он благополучно избегнул встречи с своею *хозяйкой* на лестнице» [2, с. 37].	„Es gelang ihm, eine Begegnung mit seiner *Wirtin* auf der Treppe zu vermeiden" [12, с. 2].	„Glücklich vermied er auf der Treppe eine Begegnung mit seiner *Hauswirtin*" [11, с. 7].

В переводах данного предложения на английский язык мы видим, что на принадлежность к женскому роду здесь указывает одна из основ слова "-lady", формирующая составное существительное "landlady". При переводе в обоих случаях использован прием простой альтернативной подстановки, т. е. выбора одного из возможных лексических соответствий в языке перевода [4, с. 98], их перевод также является адекватным:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера

«Он благополучно избегнул встречи с своею *хозяйкой* на лестнице» [2, с. 37].	“He had safely avoided meeting his *landlady* on the stairs” [10, с. 7].	“He managed to avoid meeting his *landlady* on the stairs” [9, с. 39].

В представленном ниже примере перевода существительного «хозяин», образованного в русском языке с помощью нулевого окончания, указывающего на мужской род данного слова, наблюдается выражение гендерного компонента посредством словообразующего суффикса „-er“. На принадлежность к мужскому роду в немецком языке указывает и определенный артикль мужского рода „der“. И С. М.. Гайер, и Р. Хоффманн прибегли в данном случае к переводческому приему простой альтернативной подстановки, оба варианта перевода полностью передают гендерный компонент:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«*Хозяин* заведения был в другой комнате…» [2, с. 47]	„*Der Besitzer* des Lokals befand sich in einem anderen Zimmer…“ [12, с. 10]	„*Der Besitzer* des Lokals hielt sich in einem zweiten Raum auf…“ [11, с. 17]

В английском же языке определенный артикль указывает не на принадлежность к какому-либо роду, а лишь на категорию определенности. В переводе Р. Пивера и Л. Волохонской мы видим, что принадлежность существительного к мужскому роду выражена через словообразующий суффикс “-or”, при этом оба варианта перевода являются адекватными, т. к. слово “proprietor” имеет одно из значений «владелец земли или зданий» [8], а существительное “landlord”, в котором принадлежность к мужскому роду отражена через одну из основ слова “-lord”, обозначает владельца паба или бара [8]. Таким образом, переводчики выбрали разные лексические соответствия в языке перевода, сохранив при этом, однако, и основное значение лексической единицы, и ее гендерный компонент. В обоих вариантах перевода был применен переводческий прием простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«*Хозяин* заведения был в другой комнате…» [2, с. 47]	“The *proprietor* of the establishment was in another room…” [10, с. 12]	“The *landlord* was in another room…” [9, с. 45]

Также стоит упомянуть, что у вышеперечисленных маскулинитивов “proprietor” и “landlord” есть формы женского рода, а именно существительные “proprietress” и “landlady”. Лексема “proprietress”, образованная с помощью словообразующего суффикса, указывающего на женский род “-ess”, считается на данный момент устаревшей в английском языке [8] и практически не используется в повседневной речи в связи с произошедшими изменениями в языке. Существительное же “landlady”, напротив, используется в английском языке и по сей день [8]. Именно поэтому в переводе Н. Пастернака-Слейтера гендерный компонент выражен более ярко, из-за чего в тексте перевода не возникает двусмысленности.

Следующий пример перевода существительного «ювелир», нулевое окончание которого указывает на принадлежность к мужскому роду,

демонстрирует, что в некоторых случаях переводчикам не нужно прибегать к тем или иным переводческим трансформациям, чтобы отразить гендерный аспект, т. к. существует полный эквивалент этого существительного и в немецком („der Juwelier“), и в английском языке (“jeweler“ / “jeweler”). В переводах и на немецкий, и на английский языки был использован переводческий прием простой лексической подстановки. Таким образом, в следующем примере и в немецком, и в английском вариантах перевод является адекватным:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у *ювелира* за полтора рубля можно» [2, с. 43].	„Für den Ring habe ich Ihnen das letzte Mal zwei Rubelscheine gegeben, aber man kann einen solchen bei einem *Juwelier* für anderthalb Rubel kaufen“ [12, с. 7].	„Für den Ring neulich habe ich Ihnen zwei Scheine gegeben, und wenn man so etwas neu beim *Juwelier* kauft, kriegt man es schon für anderthalb“ [11, с. 13].

При этом в переводах на английский язык мы можем заметить разное написание одного и того же слова: “jeweler” – американское написание, поскольку Р. Пивер – американец; “jeweller” – британское написание, так как Н. Пастернак-Слейтер является наполовину британцем по происхождению:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у *ювелира* за полтора рубля можно» [2, с. 43].	“Last time I gave you two roubles for your ring, and you could buy one new from a *jeweler* for a rouble and a half” [10, с. 10].	“Last time I gave you two little rouble notes for your ring, but if you wanted to buy it new from a *jeweller* you could have got it for one and a half” [9, с. 42].

В случае перевода на немецкий язык существительного «приятель», на принадлежность к мужскому роду которого указывает нулевое окончание, гендерный аспект выражается только у Р. Хоффманна. В переводе С. М. Гайер он остается невыраженным, однако оба варианта перевода можно признать адекватными, т. к. на гендер указывает относящееся к слову „Freund“ личное местоимение мужского рода „er“. С. М. Гайер при переводе данного слова прибегла к переводческой трансформации, называемой экспликацией, т. е. описательному переводу. В свою очередь Р. Хоффманн использовал в своем варианте перевода прием простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Он добрый человек и был еще *приятелем* твоего отца» [2, с. 72].	„Er ist ein guter *Mensch* und *war* einst mit Deinem Vater *befreundet*“ [12, с. 31].	„Er ist ein guter *Mensch* und war noch ein *Freund* Deines Vaters“ [11, с. 42].

В переводах данного предложения на английский язык обращает на себя внимание тот факт, что и Р. Пивер с Л. Волохонской, и Н. Пастернак-Слейтер перевели его практически одинаково, при этом на гендерную принадлежность к мужскому полу нам указывает личное местоимение “he”, а не само существительное “friend”. Оба варианта перевода являются адекватными, причем в обоих случаях очевидно использование приема простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Он добрый человек и был еще *приятелем* твоего отца» [2, с. 72].	“He is a kind man and used to be your father's *friend*” [10, с. 23].	“He’s a kind man who used to be your father’s *friend*” [9, с. 59].

На данном примере мы можем увидеть как в немецких, так и в английских вариантах перевода произведения пример андроцентризма: немецкое существительное „der Mensch“ и английское существительное “man” может переводиться на русский язык как «человек» и как «мужчина», что сводит понятие «человек» в немецком и английском языках к единой мужской норме.

В следующем примере перевода на немецкий язык существительных «наездники» и «наездницы», которые в единственном числе образованы в русском языке при помощи нулевого окончания, указывающего на мужской род, и суффиксально-флективным способом с помощью окончания женского рода «-а» и суффикса «-ниц-», наблюдается выражение гендерного аспекта посредством словообразующих суффиксов мужского рода „-er“ и женского рода „-in“ в переводе Р. Хоффманна. Однако С. М. Гайер приводит другой эквивалент существительного «наездницы» в немецком языке, а именно „die Amazonen“. Данный переводческий прием можно обозначить как логическую синонимию, предполагающую «замену единицы исходного языка единицей языка перевода, являющейся для данного контекста её синонимом» [5, с.143].

Традиционно существительное „Amazone“ обозначает женщину-жокея. Данный термин появился в 1920-х гг., когда в скачках стали принимать участие женщины. В послевоенное время до 1974 года проводились даже отдельные чемпионаты мира и Европы, где принимали участие только женщины-жокеи. Данное существительное имеет французское происхождение. Кроме того, можно заметить, что в приведенном ниже предложении присутствует слово „Equipagen“, которое также является заимствованием из французского языка [13]. Таким образом, С. М. Гайер использовала в своем переводе именно существительное „Amazonen“, следуя стратегии исторической стилизации, подразумевающей поиск лексических и синтаксических эквивалентов в языке перевода для сохранения национального своеобразия подлинника в тексте перевода [7, с. 471]. Учитывая тот факт, что лексема „Amazone“ отличается большей частотностью использования в немецком языке на протяжении всего XX века, чем феминитив „Reiterin“ [14], выбранный С. М. Гайер способ перевода представляется вполне оправданным.

Р. Хоффманн в свою очередь использовал в своем варианте перевода прием простой лексической подстановки. В обоих случаях перевод можно квалифицировать как адекватный, сохраняющий и содержание, и стиль оригинала:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Встречались ему тоже пышные коляски, *наездники и наездницы*…» [2, с. 102]	„Er begegnete auch prunkvollen Equipagen, *Reitern und Amazonen*…“ [12, с. 54]	„Es kamen ihm auch luxuriöse Wagen entgegen, *Reiter und Reiterinnen*…“ [11, с. 71]

В переводах данного предложения на английский язык мы можем заметить, что Р. Пивер и Л. Волохонская и Н. Пастернак-Слейтер прибегли к переводческому приему логической синонимии, при этом гендерный аспект выражен в обоих вариантах перевода. Однако перевод Р. Пивер и Л.Волохонской оказался точнее, поскольку словосочетание “ladies and gentlemen” традиционно используется ораторами для обращения к аудитории [8]:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л.Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Встречались ему тоже пышные коляски, *наездники и наездницы*…» [32, с. 102]	“He also met with luxurious carriages, *men and women on horseback*…” [10, с. 35]	“And he passed luxurious carriages, and *ladies and gentlemen on horseback*…” [9, с. 76]

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что гендерные компоненты, характерные для русского языка и являющиеся показателями мужского или женского рода, не вызывают трудностей при переводе на английский и немецкий языки: нулевому окончанию, относящемуся к мужскому роду, а также окончанию женского рода «-а» полностью соответствуют немецкие словообразующие суффиксы „-er“, „-in“ и английские словообразовательные суффиксы “-ess”, “-or”, а также основы сложных слов “-lady”, “-lord”.

В проанализированных переводах на английский и немецкий языки переводчики прибегли к таким переводческим приемам, как простая лексическая подстановка, простая альтернативная подстановка, сложная подстановка с дифференциацией значения, экспликация и логическая синонимия. При этом приемы простой лексической подстановки и простой альтернативной подстановки отличаются большей частотностью, поскольку для большинства рассмотренных лексем в русском языке существуют одно или несколько (в пределах словарной статьи) лексических соответствий в немецком и английском языках. На основе вышеназванных примеров можно сделать вывод, что к более сложным переводческим трансформациям переводчики прибегают для более точной передачи смысла высказываний или значения того или иного слова.

Библиографический список

1. Денисова И. В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 20 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М.: Наука, 1970. – 830 с.
3. Захарова У. С. Языковая репрезентация гендерных смыслов культурного измерения «маскулинность / фемининность» в русской и английской фразеологии // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=14639. – Дата обращения: 09.05.2019.
4. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. - М., 1988. – 159 с.
5. Слепович В. С. Курс перевода. – Минск: ТетраСистемс, 2001. – 243 с.

6. Чертоусова С. В. Передача просторечной лексики в переводах рассказов Л.Н. Толстого на испанский язык // Иностранные языки в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. – С. 666–673.

7. Чертоусова С. В. Способы передачи архаизмов в переводах рассказов Л.Н. Толстого на испанский язык // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник материалов II Международной научно-методической конференции-вебинара (11-12 апреля 2017 г.). – Курск: КГМУ, 2017. – С. 469–478.

8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/. – Дата обращения: 18.05.2019.

9. Dostoevsky F. M. Crime and punishment (translated by N. Pasternak Slater). – OUP Oxford, 2017. – 544 p.

10. Dostoevsky F. M. Crime and punishment (translated by R. Pevear and L.Volokhonsky). – New York: Alfred A. Knopf, 1992. – 564 p.

11. Dostojewskij F. M. Schuld und Sühne (übersetzt von R. Hoffmann). – Deutscher Taschenbuch Vlg., 1994. – 736 S.

12. Dostojewski F. M. Verbrechen und Strafe (übersetzt von S. Geier). – Fischer Taschenbuch Vlg., 1960. – 310 S.

13. Duden. Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/. – Дата обращения: 01.06.2019

14. Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. – URL: https://books.google.com/ngrams. – Дата обращения: 27.05.2019

15. Lakoff R. Language and Woman's Place. – New York: Harper and Row, 1975. – 328 p.

16. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. – 274 S.

17. Trömel-Plötz S. Frausprache, Sprache der Veränderung. – Frankfurt-am-Main: Taschenbuch Verlag, 1995. – 355 S.

УДК 81’253

ВАЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В РАБОТЕ УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

А. О. Тумайкина, Т. С. Шикина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В статье рассмотрены разновидности переводческих стратегий, используемых устным последовательным переводчиком. Реализация стратегий способствует успешному преодолению когнитивных ограничений, помогает избежать определенных трудностей, возникающих из-за специфики ситуаций, в которых производится перевод, адекватное использование стратегий также помогает преодолеть языковые и культурные различия. Применение стратегий должно быть автоматическим для эффективного решения более сложных и энергоёмких задач.

Ключевые слова: устный перевод, переводчик, язык, культура, стратегия.

INTERPRETING STRATEGIES IN CONSECUTIVE INTERPRETATION

Abstract. The article presents a research on the defining features of strategies and their varieties. Strategy implementation contributes to successful ways of overcoming cognitive constraints, combating interpreting mode-specific constraints, coping with language- and culture-specific differences, conforming to interpreting norms, revealing problem-solution relations in the interpreting process, highlighting novice-expert differences for pedagogical use, and leading to interpreter competence development.

Keywords: oral interpretation, interpreter, language, culture, strategy.

Переводчик является участником сложного процесса межкультурной коммуникации. Изучение переводческих стратегий облегчает исследователям описание процесса устного последовательного перевода и раскрывает решения, принятые переводчиком в конкретной ситуации для достижения коммуникативной цели [4]. Понимание того, как переводчики используют определенные стратегии для решения задач, имеет важное значение для исследователей с точки зрения взаимосвязи между исходным текстом, текстом перевода, потенциальными трудностями в ходе осуществления перевода, применяемыми стратегиями, деятельностью самого переводчика и коммуникативной установкой отправителя. Возможно, именно поэтому переводческие стратегии часто становятся объектом научного исследования в современном переводоведении.

Согласно общепринятому мнению, стратегия – это спланированная, четко сформулированная, целенаправленная процедура, применяемая для достижения определенной цели, в то время как тактика связывается с

оперативным наполнением деятельности и локализуется на временной оси как часть стратегии. В отечественной научной литературе по переводу принято разделять понятия «стратегия» и «тактика» [3]. В области переводоведения стратегия – это общее понятие, относящееся к тому, что происходит до и после события перевода, тогда как, тактика подразумевает конкретные методы, используемые для совершения акта перевода. В этом смысле традиционные подходы к переводу – семантический и коммуникативный перевод (по П. Ньюмарку), документальный и инструментальный перевод (по К. Норду), а также отчуждение и одомашнивание (по Л. Венути), квалифицируются как стратегии, а конкретные действия по реализации этих стратегий, такие как антиципация, умозаключение, сегментация, реструктуризация, сжатие, опущение и проч., являются тактикой. Однако, говоря об условиях работы устного переводчика с учетом поставленных вопросов, нет необходимости разграничивать эти понятия. В статье будет использоваться термин «стратегия» вместо «тактики».

Можно выделить несколько определяющих характеристик переводческих стратегий:

● стратегия – это способ формирования процессно-ориентированной модели интерпретации текста. Согласно Д. Жилю, стрессовый характер работы устного переводчика в условиях ограниченности во времени, быстроты реакции, высокой плотности информации, незнакомых тем и т. д. может привести к его эмоциональному или психологическому перенапряжению, сказываясь на качестве перевода [6]. Кроме того, недостаток знаний переводчика также может создавать проблемы. Для того, чтобы решить или предотвратить эти проблемы, переводчик должен использовать различные стратегии.

● стратегии используются переводчиками сознательно или неосознанно. Однако после успешного повторного использования их применение может стать автоматическим. Установлено, что работа профессиональных переводчиков носит более осознанный и механический характер, чем у новичков, что указывает на необходимость тренировки навыка использования стратегий [5].

● в определенный момент перевода может быть применено несколько стратегий для преодоления сложности исходного текста или преодоления несоответствий в структурах рабочих языков.

● интерпретативная составляющая процесса перевода определяет стратегию как осмысление ситуации общения с помощью интерпретативных схем, способствующих выработке альтернативных способов осуществления действий с целью снятия нагрузки на память.

● применение некоторых стратегий может привести к неточной передаче исходного текста, но они помогают устному переводчику использовать минимальное количество усилий по обработке информации на исходном языке и повышают темпы выполнения работы.

Известно, что П. Мид, М. Ледерер и другие лингвисты выделили в общей сложности более двадцати стратегий [2]. Наиболее изученные среди них: антиципация, компрессия, опущение, членение, добавление, ожидание, аппроксимация, перифраз/объяснение, морфологически-синтаксическая трансформация, калькирование, подстановка, перестановка, логическое умозаключение, нейтрализация, визуализация, воспроизведение оригинала, использование собственных знаний, адаптация, вовлечение, повторение, паузация, интонация.

Непосредственная многозадачность устного последовательного перевода предъявляет очень серьезные когнитивные требования к работе переводчика. Факторы, которые могут вызвать проблемы в понимании и выражении, то есть непосредственно в процессе перевода, включают в себя прежде всего давление, которое оказывается на переводчика из-за нехватки времени, и внимание, которое работает на «два фронта», когда переводчик пытается одновременно прослушать речь оратора, запомнить ее и адекватно воспроизвести на языке перевода. Скорость речи – еще один фактор, затрудняющий понимание и перевод, а также прецизионная лексика, а именно цифры, даты, имена, названия рек, стран, городов, представляющие большую сложность при переводе.

Для того, чтобы справиться с возникшими трудностями, переводчик должен стратегически распределить свои возможности во время понимания исходной речи, порождения текста перевода и оценке качества конечного продукта. Таким образом, стратегии также можно поделить на стратегии понимания, стратегии выражения и стратегии оценки. Использование стратегий должно быть автоматическим для того, чтобы сохранить ментальные ресурсы для более сложных и энергоёмких операций.

В устном последовательном переводе аналитическое слушание и переводческая скоропись отделены от порождения текста перевода. Переводчик может попросить говорящего повторить или уточнить то, что непонятно. Если переводчик не может одновременно слушать и делать записи из-за экстремальных речевых условий, он может прекратить делать заметки и положиться на память, тем самым снижая когнитивную нагрузку. Устный последовательный переводчик не подвергается одновременно воздействию со стороны звуковых каналов речи оратора и собственной речи, которую он слышит в наушниках, что может осложнить выполнение перевода. Кроме того, переводчик не находится под непосредственным влиянием говорящего и может свободно выступать в своем собственном темпе на этапе порождения текста. Однако переводчик должен одновременно заниматься аналитическим слушанием и конспектированием, которые требуют немалых усилий со стороны переводчика. Осуществление переводческой записи также является ресурсоемкой задачей, поэтому переводчику следует приобрести этот технический навык еще до того, как он начнет работать по профессии. Неудачные выступления устных переводчиков частично объясняются неадекватными навыками ведения записей (например, неразборчивыми

символами при чтении заметок). Кроме того, переводчик должен хранить большую часть информации в памяти, потому что переводческая запись – это, прежде всего, вспомогательное средство. Поэтому условия работы устного переводчика требуют применения стратегий, направленных на оптимальное использование его ментальных ресурсов.

Еще одним источником когнитивного напряжения при устном последовательном переводе является различие между исходным и переводящим языками, а также между двумя культурами, что также может привести переводчика к сложностям оптимального использования своих ресурсов. Поэтому необходимы также стратегии, ориентированные на язык и культуру.

Исследования показали, что специфические для языковой пары особенности влияют на выбор стратегии. Степень сходства между исходным языком и языком перевода может снижать или увеличивать когнитивную нагрузку переводчика. Если языковая пара морфологически и синтаксически близка, то задача переводчика облегчается. Например, при последовательном переводе с английского языка на итальянский переводчик следует поверхностной структуре английского языка и прибегает к транскодированию без особой синтаксической перестройки [11]. Аналогичным образом перевод между английским и французским языками, двумя языками с параллельными синтаксическими структурами, гораздо легче осуществить, чем между английским и немецким языками [12].

Однако если задействованные языки морфологически и синтаксически различны, то переводчик вынужден будет обработать большие фрагменты исходного сообщения для устранения двусмысленности, сохранить обработанную информацию в памяти и полностью перестроить сообщение в соответствии с правилами переводящего языка [9]. Например, устный перевод между языками с различной типологией порядка слов заставляет переводчика использовать стратегии, максимально направленные на преодоление этих трудностей.

Кроме того, социолингвистические различия также способствуют использованию специфических стратегий. Перевод с высококонтекстного исходного языка с высокой имплицитностью (например, китайского) на низкоконтекстный переводящий язык с высокой эсплицитностью (например, английский) требует большего количества слов, а, следовательно, и более длительного высказывания. Высокий уровень стресса и нехватки времени может потребовать использования определенных стратегий для того, чтобы адаптировать содержание и удовлетворить ожидания целевой аудитории. Таким образом выбор переводческих стратегий напрямую зависит от лингвистических и культурологических знаний переводчика, уровня его коммуникативной компетенции, учета владения определенной фоновой информацией.

Для совершения адекватного перевода и быстрой реакции на все происходящее, что включает в себя не только лингвистические, но и

экстралингвистические факторы, переводчику необходимо довести свои переводческие умения до автоматизма. Именно благодаря этому на тернистом пути устного последовательного перевода, переводчику станет намного легче ориентироваться. И. С. Алексеева утверждает, что «устный перевод представляет собой сплав техники и искусства» [1]. Действительно, лишь при таком условии из переводчика может получиться готовый к функционированию в переводческой среде специалист. Однако, чтобы достигнуть такого уровня необходимо обладать некоторыми качествами, которые приобретаются путем упорных тренировок. Начинающий переводчик, чтобы стать профессионалом, должен обладать следующими умениями:

- умение хорошо и гладко говорить на родном языке;
- умение говорить на иностранном языке;
- умение концентрировать внимание;
- умение переключаться с одного языка на другой;
- умение улавливать основной смысл сказанного;
- умение догадываться и предсказывать то, что оратор намерен сказать дальше;
- умение запоминать цифры и имена;
- умение составлять тезаурус.

Естественно, в этот список также должна входить стрессоустойчивость. Ведь из-за стресса, которому подвергается переводчик со всех сторон, очень легко забыть, что ты обладаешь всеми указанными выше навыками.

Во время перевода, особенно устного, на переводчика давит все – время, находящиеся вокруг люди, атмосфера, тем более если это собрание лидеров стран, статус мероприятия и людей, присутствующих там, также дает о себе знать. Боязнь неправильно понять смысл или же совершенно не услышать сказанное – давит еще сильнее.

Нередки такие явления, когда на встречах президентов присутствует огромное количество репортеров, которые без перерыва делают фотографии при этом, щелчки затворов фотоаппаратов практически заглушают речи тех, кого переводчику необходимо перевести.

Стратегии устного перевода должны быть важным компонентом обучения переводчика, поскольку когнитивные ограничения, обуславливаемые самой задачей устного перевода, требуют использования стратегий для сокращения количества ошибок понимания и выражения. Режим работы устного последовательного переводчика создает специфические для этого режима трудности, которые необходимо преодолевать с помощью стратегий. Кроме того, два рабочих языка могут быть лексически, синтаксически, социологически или культурно различны. В таких условиях передача содержания исходного текста целевой аудитории также требует использования определенных стратегий. Повторное применение стратегий приводит к автоматизации навыка, что позволяет переводчику экономить свои производственные ресурсы для того, чтобы успешно

справиться с входящим сообщением. Естественно, для проведения успешного тренинга начинающих переводчиков необходимо изучать работу переводчиков, которые в достаточной мере получили опыт и уже разработали свои определенные тактики, методы, стратегии и приемы. Вследствие чего им уже не приходится задумываться о том, какой путь будет оптимальным. Имея богатый переводческий опыт, специалисты практически механически выбирают путь, затрачивающий меньше усилий. Таким образом, различия в использовании стратегий между профессионалами и новичками должны лежать в основе обучения последовательному переводу.

Библиографический список

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб.: Союз, 2001. – 228 с.
2. Ледрер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. – СПб.: Союз, 2007. – 223 с.
3. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода. – Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. – 248 с.
4. Шикина Т. С. Диалог и принятие решения как интеллектуальная операция//Философия здравого смысла. Критика оснований разума. Сер. «Здравый смысл в основаниях принятия решений в общественной практике». – М., 2015. – С. 40-55.
5. Шикина Т. С. Диалог как категория социальной философии: автореф. дис. канд. филос. наук. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2012. – 26 с.
6. Gile, Daniel. Basic Concepts and Models in Interpreter and Translator Training. – Amsterdam: John Benjamins, 2009. – 283 p.
7. Newmark, Peter. Approaches to Translation. Oxford: Oxford University Press, 1981. – 352 p.
8. Nord, Christiane. Text Analysis in Translation. Theory, Method and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. – Amsterdam, 1991. – 250 p.
9. Riccardi, Alessandra. Interpreting Strategies and Creativity. – Amsterdam: John Benjamins, 1998. – 179 p.
10. Venuti, Lawrence. Strategies of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Mona Baker, ed. London & New York: Routledge, 2001. – P. 240-244.
11. Viezzi, Maurizio. Written Translation and Simultaneous Interpretation Compared and Contrasted. – The Interpreters' Newsletter, 1993. – P. 94-100.
12. Wilss, Wolfram. Syntactic Anticipation in German-English Simultaneous Interpreting. – New York: Plenum, 1978. – P. 343-352.

III. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 82-343.4 (410)

ЧЕРТЫ БРИТАНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Д. А. Богачева
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности менталитета и национального характера британцев, отраженные в английских народных сказках. Эта тема особенно актуальна, так как умение правильно понимать ценности и идеалы разных народов и считаться с ними является важным фактором для диалога культур. В статье автор прослеживает связь между фольклором, менталитетом и национальным характером. Особое внимание уделяется описанию некоторых черт британского характера на основе примеров из английских сказок. Автор делает выводы о воздействии фольклора на формирование национальных черт народа.

Ключевые слова: менталитет, национальный характер, фольклор, народные сказки Великобритании, диалог культур.

FEATURES OF THE BRITISH MENTALITY AND NATIONAL CHARACTER IN FOLKTALES OF GREAT BRITAIN

Abstract. This article deals with the features of mentality and national character of British people, being depicted in English folktales. The topic considered is relevant because the ability to understand and respect the values and ideals of different peoples is an important factor for the dialogue of cultures. In the article, the author makes the connection between folklore, mentality and national character. Special attention is paid to the description of the British character, based on examples from English fairy tales. The author draws the conclusion about the folkloric influence on the formation of the people`s characteristics.

Key words: mentality, national character, folklore, folktales of Great Britain, dialogue of cultures.

За последние годы вопрос менталитета и национального характера стоит особенно остро. Отсутствие достаточного количества информации о ценностях и идеалах разных культур дает волю развитию ложных стереотипов, которые воспринимаются в негативном ключе и не имеют под собой никакой достоверной теоретической базы. Умение правильно понимать эти особенности и считаться с ними является важным фактором для диалога культур.

В работах, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, можно найти следующее определение национального характера: «Национальный характер – это устойчивые особенности, характерные для членов того или иного национального (этнического) сообщества, особенности

восприятия мира, мотивов, поступков (идей, интересов, религии)» [1]. Для более полного представления своеобразия конкретной нации важно учитывать не только специфику образа жизни и манер поведения, но и особенности её образа мышления – менталитета. «Менталитет, – отмечает В. А. Щученко, – это что-то особенное, хранящееся в непознанных глубинах души. Оно, как правило, выражается не только в повседневной модели поведения, но и в произведениях культурного творчества» [2].

Менталитет является общим характерным параметром людей, существующих в конкретной культуре, который предоставляет возможность описать и осознать их видение мира через призму взглядов, норм, установок, эталонов, стереотипов, стандартов. Национальный характер, в свою очередь, выражается в эмоциях, чувствах, настроениях. Его элементы служат важнейшим способом отражения окружающей действительности. Решающим фактором является дух народа, который постоянен и не изменяется с каждым поколением, а напротив, связывает их между собой. Общий социальный опыт, глубинный народный дух формируют национальные образы.

Важным источником для формирования национальных образов является фольклор. Фольклор – это устное народное творчество, складывающееся на протяжении многих веков. Это творчество отражает процесс исторического развития народа на всём протяжении его существования. Раньше, когда самобытность людей ещё не фиксировалась на бумаге, фольклор играл важную роль, отражал быт и особенности жизни этноса. Таким образом, исследуя фольклор, мы имеем возможность исследовать менталитет и национальный характер народа. Целью данной статьи является выявление особенностей менталитета и национального характера британцев через анализ народных сказок, которые являются ярким элементом фольклора любой нации.

Самое первое литературное произведение, с которым сталкивается ребёнок – это народная сказка. Она как раз и является важнейшим средством воспитания. На примере некоторых народных английских сказок можно проследить национальный характер британцев. Можно выделить несколько направлений, которым уделялось наибольшее внимание в процессе устного народного творчества британцев: любовь к дому, юмор, умение решать проблемы, трепетное отношение к закону, прагматичность и особое отношение к детям.

Неотъемлемой чертой английского менталитета является отношение англичан к дому, выраженное в поговорке: My house is my castle. В знаменитой английской сказке «Three Little Pigs» очень хорошо прослеживается этот факт:

«The two little pigs now felt sorry for having been so lazy. They too built their houses with bricks and lived happily ever after» [3].

Дом для англичанина является основой основ. Туда он торопится после трудного рабочего дня, о нем он мечтает во время путешествий, его он ценит большего всего. Также во многих сказках присутствует камин, как символ домашнего очага. Часто описывается наличие погреба, чердака. Это

свидетельствует о такой черте англичан, как неприхотливость, любовь к простецкой жизни.

«She sat them down before the fire …» [4].

«... every evening the daughter would go down into the cellar to draw the cider for supper» [5].

Следующую черту национального характера, которую мы можем проследить в английских сказках, – это их тонкий, ироничный, немного странный, даже порой эксцентричный юмор. В сюжете может быть множество нелепых поворотов и деталей. Например, в сказке «The Three Sillies» герои один за другим совершают нелепые и глупые поступки.

«…the woman was trying to get her cow to go up a ladder to the grass» [5].

«In the morning he saw a strange man. He hang his trousers on the knobs of the chest of drawers and ran across the room and tried to jump into them» [5].

В сказке «Dick Whittington and His Cat» мавры обменяли обычную кошку на огромное богатство.

«Only Dick had no things. When Mr. Fitzwarren asked Dick what he had, the boy said: «I have a cat which can catch rats and mice». The captain took Dick's cat on the ship and soon the ship sailed to Africa» [6].

Нонсенс, чепуха, почти безумие – это те особенности, которые можно обнаружить во многих английских сказках и фольклоре.

Еще одной чертой национального характера англичан является их умение решать проблемы, их активная жизненная позиция. Так, умение англичан избегать неудачи стало темой для сказки «Molly Whuppie». Девушка убегает от великана и находит своё счастье.

«So Molly ran off to the king with the gold ring. She was married to his youngest son, and never saw the giant again» [4].

А в сказке «Jack and the Beanstalk» главный герой справляется со всеми невзгодами и становится богатым.

«After that Jack showed his mother a golden harp. Then Jack and his mother began to show people the golden harp and became rich. Later Jack married a beautiful princess, and they lived happily ever afterwards» [4].

В этих сказках утверждается британский тип активно действующего, сильного героя, способного самостоятельно разрешить возникающие вопросы, не прибегая к помощи извне.

Неотъемлемой чертой англичан также является трепетное отношение к своим правам. Они чрезвычайно законопослушны и фанатично соблюдают законы своей страны. Им свойственно врожденное чувство общественного порядка. Например, в сказке «The Good Deal» один фермер предлагает другому отправиться в город к судье, чтобы разрешить спор.

«Then Mr. Nash suggested going together to the city to the judge and asking whose land it was by law» [7].

На данном примере мы видим, что англичане честные граждане своей страны, которые всегда и во всём добиваются справедливости и порядка.

Наряду с этим считается, что англичане – реалисты, которым свойственен прагматичный взгляд на вещи и жизнь в принципе. Этот факт, как нам кажется, объясняет, почему в английских сказках не всегда счастливый конец. Так, в сказке «Mr. and Mrs. Vinegar» главный герой из-за своей глупости остался ни с чем.

«So he went back to Mrs. Vinegar with nothing at all, no money, no cow, no bagpipes, no gloves and no stick, and she beat him for it» [4].

Мы видим, что исход сказки весьма печальный, нет нашего привычного заключения «жили долго и счастливо», в этом и проявляется прагматичность и реальный взгляд на жизнь английского народа. Данный подход отражается и в подходе британцев к воспитанию детей. Они считают, что воспитывать ребенка нужно в строгости и что чрезмерное проявление любви и нежности наносит непоправимый вред детскому характеру. Это заставляет родителей контролировать свои чувства и привыкать к этому, а детей с малых лет перенимать у них склонность к дисциплине. Эта сдержанность в воспитании и любви к своему ребёнку также проявляется во многих сказках. Например, в сказке «Jack and the Beanstalk» мать сердится на сына и оставляет его без ужина.

«The mother was so angry that she threw the beans out of the window. Then she said, “And now go to bed without supper» [4].

В сказке “Molly Whuppie” родители отправляют своих младших дочерей в лес, так как дома нечего есть.

«Once upon a time a man and his wife had too many children. They could not feed them all, so they took the three youngest and gave each of them a piece of bread and left them in the forest”» [4].

Главные герои сказки «The Red Ettin» были отправлены пожилой матерью искать своё счастье.

«There was once a widow that lived on a small bit of ground, which she rented from a farmer. And she had two sons; and by and by it was time for the wife to send them away to seek their fortune» [8].

На этих примерах мы видим проявление такой черты британцев, как стремление к самостоятельности. Стоит отметить, что данную черту у них переняли и американцы.

Таким образом, в ходе исследования народных сказок можно прийти к выводу, что сказки являются великолепной иллюстрацией мировосприятия и национального характера британцев. Сказки оказывают воздействие на формирование характеристик народа: англичане в большей степени беспокоятся о своей жизни и личном благоденствии, выступая нацией прагматичной и через меру чопорной. Вместе с тем, на примере английских сказок можно проследить тонкий и эксцентричный юмор британцев, а также их активную жизненную позицию и законопослушность.

Библиографический список

1. Национальный характер – Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальный_характер**. –** Дата обращения: 15.03.2020.
2. Щученко В.А. Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа // Русская культура: теоретические проблемы исторического генезиса. – СПб., 2004. – С. 25.
3. Short stories – The three little pigs [Электронный ресурс]. – URL: https://shortstoriesshort.com/story/the-three-little-pigs/. – Дата обращения: 10.04.2020.
4. Волшебные сказки Британии [=English Fairy Tales] / сост. В. А. Верхогляд. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 192 с.
5. Все лучшие сказки на английском языке/адапт. текста, коммент. и упражнения С. А. Матвеева, Д. Л. Абрагина, А. А. Пахомовой. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 319 с.
6. Английский с цинизмом – Dick Whittington and His Cat [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cynical-english.com/2013/09/dick-whittington-and-his-cat.html. - Дата обращения: 19.04.2020.
7. Английские народные сказки – Выгодная сделка [Электронный ресурс]. – URL: http://hobbitaniya.ru/english/english9.php. – Дата обращения: 10.04.2020.
8. World of tales – The Red Ettin [Электронный ресурс]. – URL: https://www.worldoftales.com/European_folktales/English_folktale_121.html. – Дата обращения: 19.04.2020.

УДК 81-115

ГИБРИДНОСТЬ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРАМИ В ТЕКСТЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ФИЛЬМА “COCO” («ТАЙНА КОКО») И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ю. М. Кисткина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. Данная статья раскрывает особенности проявления гибридности между языками на примере текста мультипликационного фильма “Coco” («Тайна Коко») и его перевода на русский язык. Автор рассматривает гибридность как средство выразительности, призванное погрузить реципиента в атмосферу иной культуры, и анализирует способы её передачи на русский язык.

Ключевые слова: гибридность, интертекстуальность, английский язык, русский язык, испанский язык.

HYBRIDITY BETWEEN LANGUAGES AND CULTURES IN THE TEXT OF ANIMATED MOVIE “COCO” AND ITS TRANSLATION IN RUSSIAN

Abstract. This article is dedicated to the diffent examples hybridity between languages and cultures in the text of animated movie “Coco” and its translation in Russian**.** The author sees hybridity as a stylistic devise, through which the recipient can better understand another culture. She also studies different ways to translate it into Russian.

Kew words: hybridity, intertextuality, English language, Russian language, Spanish language.

Понятия гибридности и интертекстуальности берут начало в работах М. М. Бахтина. Согласно его определению, гибридность всегда смешение – высокого и низкого, нового и старого, сакрального и профанного, своего и чужого [6]. Ю. Кристева, работая с наследием М. М. Бахтина, описала интертекстуальность как некий динамический процесс в тексте, беспрерывный переход одних знаковых систем в другие. Её основная идея сводится к неизбежной связности текстов, так как любой новый текст несет в себе опыт предыдущих. Французский ученый Р. Барт дал следующее определение интертекстуальности: «другие тексты присутствуют в нем [тексте] на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [8] Следует отметить, что понятие «интертекстуальность» трактуется достаточно широко и включает в себя как непосредственное влияние одного текста на другой, так и глубинную взаимосвязь всех существующих текстов. Примером интертекстуальности можно считать главы романа «Мастер и Маргарита», основанные на пересказе событий Евангелия.

Термин «гибридность», взятый из естественных наук, по мнению О. К. Ирисхановой, также применим в языкознании, поскольку «многие свойства биологических гибридов как они были описаны в естественнонаучных исследованиях, вполне применимы к языковым фактам» [7 с. 135–152]. В первую очередь, это «жизнеспособность» языкового гибрида, его ёмкость и функциональность. Одним из наиболее ярких примеров гибридности являются постколониальные мигрантские тексты, где смешение культур происходит естественным образом, например, роман «Мечеть Парижской богоматери» Е. Чудиновой.

В нашем исследовании мы обратились к процессам проникновения слов одного языка в текст другого. С точки зрения интертекстуальности, данное явление можно обозначить, как Интертекстуальные Включения (ИВ). [8] С точки зрения гибридности, использование иностранных слов в тексте может быть проявлением *языковой* гибридности [2 с. 497–506].

Материалом для нашего исследования послужил текст мультипликационного фильма “Coco” 2017 года. Выбор материала обусловлен тем, что действие мультфильма, снятого в США на английском языке, разворачивается в Мексике. Следовательно, в нём по определению присутствует один из видов гибридности, описанный Шерри Саймоном, – это культурная гибридность [2 с. 497–506]. События мультфильма происходят во время празднования Дня Мёртвых (Dia de los Muertos), нехарактерного для США. Одной из задач мультфильма было познакомить зрителей с культурой Мексики, и для её осуществления они обратились в том числе к языковым средствам. В тексте мультфильма присутствуют слова на испанском языке, которые можно назвать *интертекстуальными включениями (ИВ).* Их можно разделить на следующие категории:

1) приветствия и прощания, слова благодарности, слова «*да»* и «*нет»* (в фильме 12 уникальных слов, например: *si* (да)*, gracias* (спасибо)*, perdón* (прошу прощения)*, con permiso (*с вашего разрешения);

2) обращения (в фильме 20 уникальных слов, например: *Abuelita* (бабуля), *mijo* (сынок), *Damas y caballeros* (дамы и господа), *mi familia* (моя семья), *Mamita* (Мамуля));

3) экспрессивные восклицания (в фильме 10 уникальных слов, например: *Santa Maria!* (Святая Мария) *Híjole!* (Чёрт побери!) *Dios mío!* (Боже мой!));

4) глаголы в повелительном наклонении (в фильме 3 уникальных слова, например: *Cállate!* (Тихо!) *Vámonos* (Прекратите!), *Espérame* (Подожди!));

5) имена существительные, не являющиеся обращениями (в фильме 12 уникальных слов, например: *plaza* (площадь), *mariachi* (музыкант);

6) имена прилагательные (в фильме 5 уникальных слов, например: (ангельский), *querido* (любимый), *cielito* (солнышко (ласковое обращение).

Часть слов повторяются более одного раза, первые две категории

полностью заменяют английские аналоги. Слова, использованные в песне, написанной только на испанском языке, не включены в данный список.

Гибридность в тексте можно условно разделить на *неосознанную* и *намеренную*, и в данном случае мы имеем дело со второй категорией. Очевидно, что создатели мультипликационного фильма использовали испанские слова в качестве художественного приёма. Они позволяют подчеркнуть, где именно происходят действия. Мы предполагаем следующее обоснование выбора лексических категорий:

– приветствия принадлежат к наиболее общеизвестной среди неносителей языка категории слов, следовательно, потеря смысла будет минимальной;

– обращения также достаточно понятны и распространены, чтобы их значение было очевидным. Кроме того, их особенности, в том числе, аффиксы с уменьшительно-ласкательным значением, помогают реципиенту погрузиться в атмосферу другой культуры;

– экспрессивные восклицания, которые при восприятии на слух, не требуют точного понимания, поскольку несут в себе преимущественно эмоциональную информацию. Таким образом, они также работают на создание атмосферы, не снижая при этом «понимаемости» текста.

Остальные категории представлены достаточно простой лексикой, понятной человеку, знающему испанский язык даже на очень низком уровне, и в данном количестве они практически не влияют на понимание текста.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что интертекстуальные включения из других языков является художественным средством выразительности, которое призвано усилить эффект погружения читателя в иную культуру.

В мультфильме “Coco” восемь музыкальных вставок. Если рассматривать их текст отдельно от текста самого мультфильма, то он окажется гораздо более «высокогибридным» – процент испанских слов в песнях выше. Тем не менее, в двух из них испанские слова полностью отсутствуют. Это песни *“Remember Me”* («Не забывай») и *“Everyone Knows Juanita”* («Все знают Хуаниту»). *“Remember Me”* – главная песня фильма, значение которой также крайне важно, поскольку песня является загадкой, следовательно, она должна быть предельно понятна реципиенту. *“Everyone Knows Juanita”* – шуточная песня о любви к чрезвычайно некрасивой девушке ещё более (как выясняется) некрасивого юноши. Песня исполняется на английском, поскольку, в данном случае, полное понимание текста важно для реализации коммуникативной задачи – рассмешить аудиторию.

В трех других песнях в тексте присутствуют отдельные слова и фразы на испанском языке. Песня *“Un Poco Loco”* (букв. «Немного безумен») – юмористическая песня о девушке, которая шутит над своим возлюбленным. Название, данное на испанском языке, совершенно непонятно для не знакомых с ним реципиентов. В первом куплете несколько раз повторяется *¡Ay, mi amor!* (Ах, моя любовь), данное обращение не влияет на смысл текста. Далее

повторятся *un poco (poquititito) loco*, указывающее на состояние возлюбенного и влияющее на смысл текста. В предложении *"You make me un poco loco" un* очевидно, заменяет английское словосочетание *a little bit crazy* (немного сумасшедший). Далее в предложении *"The loco that you make me it is just un poco crazy"* ненавязчиво подтверждается значение выражения *"un poco loco"*, которое также можно угадать по контексту. В тексте встречается ещё одно испанское слово, имя существительное *cabeza* (разум) в предложении *«Leaves* лексемы понимание текста незначительно затрудняется.

Следующая песня – *"The World Es Mi Familia"* представлена отрывком, полный смысл которого ясен, однако он имеет ключевое значение при воссоединении главного героя с его предполагаемым прапрадедом. Песня гибридна, начиная с названия, которое, тем не менее, должно быть понятно носителю английского языка, даже не знакомому с испанским в силу значительного созвучия *The world is my family*. Строчка из названия трижды повторяется в припеве. Половина первого куплета звучит полностью на испанском, однако она малоинформативна *Señoras y señores, buenas tardes,* (Сеньоры и сеньоры, добрый день, добрый вечер!), состоит из традиционных приветствий и обращений, поэтому достаточно понятна. В строке *Brings me joy* присутствует итальянское, а не испанское существительное. Незнание этого слова может незначительно затруднить понимание текста, однако оно практически дублирует английское *joy*, поэтому реципиент ничего не теряет.

"Proud Corazón" – последняя песня фильма, посвященная любви членов семьи друг к другу. Название песни также гибридно, и его значение можно понять по контексту в повторяющейся строке *Our love for each other will live on* Наша любовь друг к другу будет длиться вечно в каждом ударе моего гордого [всеми вами] [сердца]). Из трёх следующих фраз очевидной для любого носителя английского языка является только одна – *Ay mi familia!* (О, моя семья), две другие, *Oiga mi gente!* (слушайте, [мои] люди) и *Canten a coro* (спойте песню) требуют минимального знания испанского языка. В данном случае непонимание песни незначительно повлияет на восприятие сюжета, поскольку видеоряд в полной мере демонстрирует развязку истории.

"La Llorona" – единственная песня, полностью исполненная на испанском языке. Это песня о трагической любви между мужчиной и женщиной, которых разделили некие неизвестные обстоятельства. Песня исполняется одной из главных героинь мультфильма для отвлечения внимания, однако в ней также заключена загадка – героиня таким образом в том числе говорит о прощении своего возлюбленного. Однако для исполнения выбирается язык, незнакомый части целевой аудитории.

Высокий уровень гибридности в песнях может быть обусловлен особенностями восприятия музыкального текста, где на первое место выходит эмоциональное, а не рациональное восприятие. Три песни с испанскими

включениями, а также песня на испанском, несомненно, связаны по смыслу с событиями, происходящими в мультфильме, но несут, в первую очередь, функциональную нагрузку в сюжете, поэтому представляются авторам отличной средой для размещения гибридной лексики.

Помимо того, что гибридность является языковой и культурной, она также обладает другими критериями. Характеристики текста, содержащего интертекстуальные включения из других языков, зависят от степени родства данных языков, их взаимопроникновения и отношений, в которых состоят страны-носители обеих лингвокультур. С точки зрения происхождения, испанский и английский относятся к разным группам языков, однако, оба они входят в пятёрку самых распространённых языков мира, а соседство Мексики и США обуславливает их обширное взаимопроникновение и воздействие друг на друга. Важно учитывать тот факт, что испанский язык является вторым по распространённости после английского, в США им владеет около 80% населения. Всё это даёт нам основание заключить, что культурно-языковая гибридность в мультфильме может считаться «близкой». Несмотря на то, что мультфильм представляет «чужое» – иные традиции, иной менталитет, значительно отличающийся от менталитета США, он показывает близких и, в целом, понятных соседей.

Обратимся к переводу мультфильма на русский язык. Исследователи, занимающиеся гибридностью, солидарны в том, что это явление характерно для текста перевода. По мнению Е. Зауберги, «все переводные тексты должны быть признаны гибридными, поскольку перевод – это процесс перенесения текста одной лингвокультуры в другую лингвокультуру» [4, с. 265–266, перевод с английского языка наш. Ю. Кисткина] «Переведённый текст соединяет, как минумум, два языка и две культуры», утверждает Э. Пим [1. перевод наш. Ю. Кисткина].

В первую очередь отметим, что качественные особенности культурно-языковой гибридности претерпевают значительные изменения со сменой базового языка. Русский и испанский языки этимологически далеки друг от друга, и их взаимопроникновение существенно ограниченно такими экстралингвистическими факторами, как политика, экономика и география. В результате русская и мексиканская лингвокультуры более далеки друг от друга, чем американская и мексиканская. Однако в данном случае мы имеем любопытную особенность, связанную с менталитетом, – коллективизм и феминность, гораздо более свойственные русской и мексиканской культуре, чем США, что позволяет видеть мексиканцев не как «иных, но близких», но, напротив, как «далёких, но похожих на нас». Учитывая, что мультфильм затрагивает взаимоотношения отцов и детей в традиционной семье и конфликт личных амбиций с традициями, данные особенности значительно влияют на восприятие мультфильма.

С точки зрения текста, ИВ в нем значительно меньше, чем в оригинале. Согласно И. С. Алексеевой, ИВ «не смогут выполнять ту же коммуникативную функцию, которую они выполняют в исходной культуре» [5, с. 175]. И. С.

Алексеева утверждает, что в случае с ИВ существует только два возможных пути для переводчика: 1) полная или частичная потеря интертекстуальности при переводе; 2) замена ИВ на другой интертекст, присущий культуре языка перевода, но вызывающий аналогичные ассоциации с ИВ в тексте оригинала [5, с. 180].

Из обращений были сохранены только «сеньор\сеньора» и часть слов и выражений в песнях. Это, вероятно, обусловлено крайне низким, по сравнению с США, уровнем владения испанским языком среди населения России. Большое количество непонятных и не всегда благозвучных слов могло бы оттолкнуть реципиента. Другой значимой причиной является грамматическая структура языков. Английский язык позволяет без особого ущерба для грамматики вставлять испанские слова, что в случае с русским практически невозможно. Здесь стоит отметить, что на русский, в свою очередь, достаточно легко ложатся аффиксы из других языков. Переводчик продемонстрировал это, создав обращение-неологизм *«бабулита»* в качестве перевода испанского *Abuelita*, состоящий из русского корня и испанского аффикса. Несмотря на сомнительность подобной конструкции, она удивительно гармонично воспринимается в тексте.

При переводе песен многие испанские слова и выражения также были потеряны. Следует помнить о том, что любой перевод стихотворного текста подразумевает создание аналогичного текста на языке перевода с использованием допустимых в этом языке средств выразительности.

В песнях *"Un Poco Loco"* («Песня безумца» / «Я с тобой чокнусь»), сохранено только обращение *mi amor*, не влияющее на понимание текста и наиболее понятное части аудитории. Дальнейший текст написан на русском и переведён в соответствие с традициями перевода стихов – создание оригинального произведения на языке перевода, выполняющего те же задачи, что и текст оригинала.

В песне *"The World Es Mi Familia"* («Весь мир – моя семья») также значительно сократилось количество испанских слов:

– Почтенные сеньоры, добрый вечер, буэнос ночес! В обращении изменяется характерная структура «дамы и господа» в силу того, что на русском языке форма множественного числа для слов «сеньора» и «сеньор» одинаковы. Приветствие *buenas tardes* переводится одним из допустимых вариантов, следующее за ним *buenas noches* сохраняется на языке оригинала.

В песне *"Proud Corazón"* («Гордое сердце») было использовано словосочетание *mi Corazon*. Данное обращение отсутствует в оригинале, где слово *corazón* представлено в строке *In every beat of my proud corazón*. Прочие испанские вставки этой песни отсутствуют в переводе.

Песня *"La Llorona"* («Красотка») полностью переведена на русский язык. Это противоречит замыслу оригинала, однако является оправданным, поскольку гораздо большая часть целевой аудитории перевода неспособна воспринять текст на испанском языке.

Отметим, что переводчик все же использовал интертекстуальные

вставки из испанского языка как средство выразительности, несмотря на значительное сокращение их количества.

На основании данного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Понятия гибридность и интертекстуальность имеют общее происхождение и описывают близкие по своей природе явления.
2. Интертекстуальные вставки из другого языка могут быть использованы в качестве художественного приёма, таким образом создавая гибридный текст.
3. Передача интертекстуальных вставок из другого языка при переводе возможна, хотя и значительно ограничена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Библиографический список

1. Pym A. Against Praise of Hybridity. Across Languages and Cultures. – 2001. – 196p.
2. Simon Sh. Cultural and Textual Hybridity. Across Languages and Cultures. – 2001. – P. 217–226.
3. Studiobinder [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
4. Zauberga I. Discourse interference in translation // Across languages and cultures. – 2001. – № 2. – P. 265–266.
5. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв фак. высш. учеб. заведений. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 352 с.
6. Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М.: Русские словари, 1996. – 703 с.
7. Ирисханова О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 603. – С. 135–152.
8. Неровная М. А. Лингвокультурологические особенности исламских реалий в англоязычном художественном тексте и их перевод на русский язык (на материале романов Халеда Хоссейни): автореф. дис. …канд. филол. наук. – Мытищи, 2020. – 25 с.

УДК 81’42:33:811.111

КОГНИТИВНЫЙ КОНЦЕПТ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАГОЛОВОК» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

С. В. Чертоусова
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

Аннотация. В статье осуществляется анализ структуры и лексического наполнения заглавий экономических статей на английском языке, составляющих содержание концепта «экономический заголовок» в англоязычной лингвокультуре. Особое внимание уделяется учету потенциальной читательской аудитории экономических журналов и газет при конструировании заголовков в разных изданиях.

Ключевые слова: информирующий заголовок, интригующий заголовок, заголовочный комплекс, экономический дискурс, лингвокультура, когниция, предзнание.

COGNITIVE CONCEPT «ECONOMIC HEADING» IN ENGLISH LINGUOCULTURE

Abstract. The article analyzes the structure and lexical filling of the headings of English economic articles that make up the content of the concept “economic heading” in English linguoculture. Special attention is given to the factor of the potential readership of economic magazines and newspapers by constructing of headings in various periodicals.

Keywords: informative heading, feature heading, heading complex, economic discourse, linguoculture, cognition, foreknowledge.

Любой текст является продуктом ментальной деятельности автора, а значит, отдельные элементы текста могут быть рассмотрены с позиций когнитивной лингвистики и квалифицироваться как концепты. Данное положение применимо и к заглавиям газетно-журнальных статей, так как в процессе их создания журналист, а затем и редактор издания вербализуют локализованное в их сознании представление о данном элементе газетно-журнального текста таким образом, чтобы оно стало носителем нужного им содержания и при этом отвечало требованиям составления заголовков в англоязычной лингвокультуре.

Функционирующее в когнитивной лингвистике определение концепта как «кванта структурированного знания» [4, с. 4] может быть применимо к заглавиям статей. Следовательно, синтаксическая организация и вербальное наполнение заглавий и заголовочных комплексов представляют собой структуру и свойства когнитивного концепта «экономический заголовок».

Поскольку заголовок является первым текстовым элементом, с которого реципиент начинает знакомство со статьей, он представляет собой некое

предзнание, адресованное автором читателю для правильной интерпретации текста, другими словами, для его познания или когниции. Основным критерием определения стратегии автора при конструировании заглавия или заголовочного комплекса в данной статье будет являться разделение заглавий на информирующие и интригующие. В первом случае реципиенту сообщается достаточный объем информации для правильной интерпретации текста и определения темы статьи, а в противоположном случае предзнания, заключенного во внетекстовых элементах, недостаточно для когниции заголовка.

Практическим материалом настоящего исследования стали статьи экономической тематики на английском языке из специализированного журнала по экономике “The Economist”, из специализированной ежедневной газеты “The Financial Times” и из экономической рубрики универсально-тематического издания “The Guardian”. Общее количество проанализированных заглавий и заголовочных комплексов составило 300 единиц.

При делении заглавий англоязычных экономических статей на информирующие и интригующие следует учитывать фактор адресата периодических изданий, поскольку ясность или неясность тематики статьи из ее заглавия должны рассматриваться с позиций реципиента, который будет отличаться в зависимости от потенциальной читательской аудитории трех рассматриваемых изданий. “The Economist” и “The Financial Times” ориентированы на специалистов в области экономики и финансов, то есть реципиентов, которым не достаточно общей информации об экономической ситуации в стране и мире и которых интересует углубленное изучение проблем, с которыми сталкиваются предприниматели и государство, а также анализ и критика деятельности ведущих экономистов мира. Газета “The Guardian”, напротив, пытается привлечь как можно больше читателей из разных слоев населения, поэтому ее рубрика “Financial” может заинтересовать как людей с достаточными фоновыми знаниями в области экономики, так и тех, для кого важны прежде всего лишь те темы, которые непосредственно могут коснуться их в повседневной жизни.

Конструирование предзнания в заглавии осуществляется в том числе и с помощью синтаксических структур. В когнитивной лингвистике достаточно прочно укрепился термин «синтаксический концепт», под которым понимается «концепт, объективируемый (вербализуемый, репрезентируемый) синтаксическими средствами» [1, с. 68]. Характеристики синтаксической организации рассматриваемых в настоящей статье заголовочных комплексов представляют собой содержание концепта «синтаксический заголовок» [6, с. 407], являющегося в свою очередь частью когнитивного концепта «экономический заголовок» в англоязычной лингвокультуре.

Что касается заголовков экономических статей из журнала “The Economist”, то в них заголовочные комплексы преобладают над простыми заголовками (их около 88%). Поэтому процент информирующих заголовков

будет практически тем же самым: интригующие заглавия могут не иметь никакого отношения к теме статьи, однако рубрика, а затем и достаточно объемный подзаголовок перед текстом практически полностью отражают содержание материала. Рассмотрим следующий пример: “Colombia’s presidential election // Too much continuity? // Juan Manuel Santos (pictured) was elected as the heir to a popular incumbent. His hardest task will be correcting Álvaro Uribe’s excesses” [10, p. 39]. О какой неразрывности (continuity) может идти речь, вряд ли можно догадаться даже по сопроводительному иллюстрационному материалу – фотографии из предвыборного штаба Хуана Мануэля Сантоса. С учетом того, что в момент публикации он не был известной или влиятельной персоной, для определения темы статьи читателю придется прочитать подзаголовки. Именно они уточняют, что Хуан Мануэль Сантос – новый президент Колумбии, а его первостепенной задачей будет являться «исправление ошибок» бывшего президента Альваро Урибе. Рассматривая исключительно заглавие “Too much continuity?” [10, p. 39], его можно было бы отнести к разряду интригующих, однако после учета дополнительной информации, помещенной в подзаголовках, на наш взгляд, правильнее отнести его к типу информирующих.

Еще один пример информирующего заголовочного комплекса с интригующим заглавием представлен далее: “Paradise foreclosed // The boom has left Florida with an excess of houses, shops and debt” [10, p. 5]. Непосредственно в заглавии отсутствует какая-либо прецизионная информация, и тематика статьи остается полностью неясной – что в понимании журналистов является раем и каковы возможные причины неудавшихся попыток попасть туда, объясняется в подзаголовке: рынок недвижимости во Флориде столкнулся с трудностями по причине невозможности выплаты американцами взятых долговых обязательств, что и нарушило спокойствие в этом ранее экономически благополучном регионе. Таким образом, в приведенных выше примерах предзнание распределяется автором между элементами заголовочного комплекса и ставит целью сначала заинтересовать читателя с помощью средств художественной выразительности в заглавии, а затем раскрыть информацию о содержании статьи в дополнительных элементах заголовочного комплекса.

Примеры интригующих заголовочных комплексов в журнале “The Economist” немногочисленны. К ним мы можем отнести такие заглавия, которые дают общее представление о предмете или главных действующих лицах материала, тем не менее ракурс рассмотрения проблемы остается непонятным: “Trade with Mexico // Signs of life // Something cheery from the border” [10, p. 36]. Из заглавия, которое можно перевести как «Признаки жизни», а также по прилагательному “cheery” (веселый, оживленный) можно предположить, что в торговле с Мексикой (о чем ясно говорит тематический подзаголовок) намечаются положительные тенденции, однако слово “something” не позволяет читателям уяснить, что конкретно было достигнуто в торговых отношениях с этой страной. Лишь после прочтения всего текста

статьи мы узнаем, что объемы наземных перевозок на границе Соединенных Штатов и Мексики увеличились по сравнению с предыдущим годом.

Заголовок другой статьи содержит оним – имя главного героя статьи: “Banyan // The mysterious Mr Gandhi // Though no spring chicken, Rahul Gandhi has a lot to prove before he takes over the family business” [10, p. 46]. Несмотря на то, что имена собственные относятся к прецизионной лексике и сообщают фактуальную информацию в тексте, даже обладая предзнанием о том, что речь пойдет о Рахуле Ганди и его семейном бизнесе, читатель не осознает проблематику газетно-журнального материала. Обо всех перипетиях его личной жизни и карьеры журналисты сообщают в полном тексте статьи, делая упор на политические взгляды молодого предпринимателя и его роль в партии и конгрессе Индии.

К интригующим заглавиям можно отнести и все простые заголовки из журнала “The Economist”. Построенные по модели словосочетаний, они не содержат никакой прецизионной информации и являются полностью интригующими: “A grim toll” [10, p. 9] (досл. «Мрачные потери») – статья о конфликтах между этническими киргизами и узбеками в Киргизстане; “A sense of well-being” [10, p. 10] (досл. «Чувство благополучия») – результаты исследований эффективности снабжения лекарствами развивающихся стран двадцатью семью фармацевтическими компаниями США; “Flustered travelers” [10, p. 18] (досл. «Взволнованные путешественники») – заметка о новой системе контроля в аэропортах Европы.

Из проанализированных примеров можно сделать вывод, что характерной особенностью заглавий экономических статей из журнала “The Economist” является их информативность благодаря использованию заголовочных комплексов. Вся прецизионная информация содержится, однако, в подзаголовках, что позволяет авторам задействовать разнообразные средства художественной выразительности, заинтриговать читателя и тем самым побудить его к прочтению полного текста газетно-журнальной статьи.

В газете “The Financial Times” информирующими являются 75% заглавий. Примечательно, что среди них есть как простые заглавия, так и заголовочные комплексы: “Hollande wins French presidency” [11, p. 1], “Public sector is Spain’s real problem” [11, p. 8], “To Russia with love: how Putin can secure his legacy” [11, p. 9], “Business schools come of age // Increasing numbers of older workers are recognising the benefits of returning to the classroom, writes Rebecca Knight” [11, p. 11], “Advertisers lose patience as Facebook goes own way // News analysis // Concerns grow over social network’s plans and if they will justify its valuation, write April Dembosky and Tim Bradshaw” [11, p. 19]. Как видно из приведенных примеров, такие информирующие заголовки представляют собой заголовки-предложения, поскольку именно в них возможно наиболее полно представить всю необходимую информацию о теме статьи. Информирующие заглавия, составленные по другим моделям, в выбранных примерах найдены не были.

Одной из характерных особенностей всех заглавий из газеты “The Financial Times” является частое использование в них онимов, то есть имен собственных. Теоретические исследования в лингвистике показали, что в информационных текстах онимы составляют около трети смыслосодержащих слов [8, с. 85]. Еще более важную роль имена собственные играют в информационно-публицистическом тексте: “Names make news” («Имена создают новости») [9, p. 521]. Наиболее часто используемые имена собственные в заголовках газеты “The Financial Times” относятся к разряду прагматонимов (названия организаций и торговых марок), антропонимов (имена экономистов и политиков) и топонимов (названия географических объектов). Именно наличие такой прецизионной лексики и делает заглавия информирующими: “Economic Outlook // Investors await *BoE’*s tricky decision on rates” [11, p. 26] (BoE – Bank of England – центральный банк Великобритании), “*Myanmar* reports fuel talk of cabinet reshuffle” [11, p. 6] (Myanmar – Мьянма – государство в Юго-Восточной Азии), “*Guantánamo* trial begins with show of defiance” [11, p. 5] (Guantánamo – город на Кубе и военная база США), “Protests precede *Putin’s* inauguration // Thousands attend demonstration 200 arrested after clashes in Moscow” [11, p. 6] и другие.

Следует учитывать, что часто используемые в газете “The Financial Times” аббревиатуры и даже прозвища известных политиков могут быть неизвестны широкому кругу читателей, однако у данного издания существует своя целевая аудитория, состоящая преимущественно из специалистов в области экономики и финансов и всех тех, кто глубоко интересуется этими областями знания, поэтому включение такой лексики не должно привести к неверной интерпретации содержания у реципиентов. Например, “*CEE* governments erode occupational pensions // Retirement plans // Savers left disillusioned as occupational schemes used for state spending, says Fiona Rintou” [11, p. 31] (CEE – Central and Eastern Europe), “*Bibi* gets a barrage // Israel’s securocrats break ranks with Netanyahu on Iran” [11, p. 8] (*Bibi* – прозвище премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, широко распространенное среди журналистов). Поскольку вербальное наполнение заголовка отражает концептуальную модель мышления автора при выборе способа сообщения информации целевой аудитории [5, с. 206], ономастическое пространство заголовка англоязычного экономического текста будет являться частью концепта «экономический заголовок» в англоязычной лингвокультуре наряду с рассмотренным выше синтаксическим концептом.

Еще одной составляющей когнитивного концепта «экономический заголовок» является специальная лексика. Тексты газетно-журнальных экономических статей относятся к разряду терминоиспользующих, то есть используемые в них терминологические единицы заранее закреплены и известны читателю [2, с. 146–147]. Поскольку неноминативная терминология (термины в форме глаголов, прилагательных и т.д.) не обладает достаточным потенциалом для выполнения главной функции термина – номинации [3, с.135], специальная лексика в заглавиях и заголовочных комплексах

экономических статей на английском языке представляет собой имена существительные: “Britain to bolster investors’ *say on pay*” [11, p. 15] (“say on pay” – термин корпоративного права), “Bibi gets a barrage // Israel’s *securocrats* break ranks with Netanyahu on Iran” [11, p. 8] (здесь используется профессионализм “securocrat – (Government, Politics & Diplomacy) a military or police officer who has the power to influence government policy” [7, p. 885]). Термины и профессионализмы, как и онимы, не должны быть препятствием к пониманию не только заглавия, но и текста статьи у постоянных читателей “The Financial Times”. Значит, специальная лексика также участвует в процессе сообщения предзнания о содержании статьи потенциальному реципиенту газетно-журнального текста.

Интригующих заголовков в одном номере газеты “The Financial Times” около 25%. Большинство из них представляют собой заголовки-предложения: “The great experiment behind the Great Depression” [11, p. 8] – в статье проведено сравнение методов улучшения экономической ситуации в США во времена Великой Депрессии и недавнего экономического кризиса; “Pension optimist misses a rich point” [11, p. 28] – статья представляет собой обзор недавнего исследования причин неэффективности пенсионных накоплений. Именно в интригующих заголовках находим разнообразные средства художественной выразительности: “Generic rivals also blown off course by *winds of change*” [11, p. 17] (аллюзия на песню немецкой хард-рок группы The Scorpions “Wind of change”), “When companies will not borrow even at zero rates” [11, p. 8] (придаточное предложение без главного), “Can’t see the wood for the concrete” [11, p. 8] (трансформация идиомы “can't see the wood for the trees” – за деревьями леса не видеть, упускать главное из-за внимания к мелочам), “The Lex Column // *Riga mortis* reverses” [11, p. 14] (использование латинского термина “rigor mortis” – «трупное окоченение» – и одновременно игра слов “rigor – Riga”, достигаемое аллитерацией). Безусловно, художественные тропы используются журналистами и в информирующих заглавиях, однако в подзаголовках таких заглавий обязательно «снимаются» все трудности понимания и дается уточняющая информация: “Gaining dividend from *China’s best* Fund focus // A Neptune fund manager finds slower economic growth is good news, says Simona Stankovska” [11, p. 34] (*China’s best* – крупнейший в Китае инвестиционный фонд “Neptune”). Использованный в заглавии прием антономасии привлекает внимание читателя, а затем в подзаголовке дается название компании, которое помогает определить тематику статьи.

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод о том, что большинство заголовков газеты “The Financial Times” являются информирующими, что обусловлено частым употреблением в них имен собственных и другой прецизионной лексики. Использование терминов и профессионализмов не затрудняет понимание заглавий, так как постоянными читателями этой газеты являются специалисты с достаточно обширными фоновыми знаниями в области экономики и финансов.

Перейдем к рассмотрению заголовков экономических статей из рубрики “Financial” газеты “The Guardian”. Здесь соотношение информирующих и интригующих заголовков практически такое же, как и в газете “The Financial Times” – 80% и 20%. Информирующие заглавия содержат прецизионную информацию: имена собственные, числа – и оформляются в виде предложений: “*Hewlett-Packard* may cut *30,000* jobs” [17, p. 37], “*Buffett* sinks *£90m* into US local papers” [16, p. 26], “Technology // *Facebook* reportedly sets flotation date of 18 May” [12, p. 30]. Предложения с косвенной речью также однозначно определяют тему статьи: “Walsh says IAG will snub coalition’s airport review” [13, p. 36], “Exit plans // Banks nearly collapsed, says ECB director” [15, p. 29].

Интригующие заголовки могут строиться как по модели предложений, так и словосочетаний: “Unhappy Birthdays” [15, p. 27], “Bitter end?” [15, p. 28], “Market forces // Grim day for all except property firm and cinema chain with magic touch” [17, p. 32], “Analysis // Trading fiasco plays into critics’ hands” [14, p. 24].

Средства художественной выразительности и разговорная лексика встречаются только в интригующих заглавиях: “Viewpoint // ECB is now fighting fires on all fronts” [17, p. 29] (здесь использовано олицетворение “fighting fires”), “Shareholder spring // This year’s *boss-kicking season* is offering even more sport than usual” [16, p. 28] – в статье идет речь о скандале, возникшем из обвинений членов совета директоров страховой компании “Aviva” в самообогащении в ущерб развитию общего бизнеса.

В заглавиях экономических статей газеты “The Guardian” встречаются термины и аббревиатуры экономических организаций, однако они широко распространены и встречаются во многих средствах массовой информации, поэтому такие лексические единицы не должны затруднять понимания информации широким кругом читателей: “Debt // *Payday loans* used to buy essentials, says survey” [17, p. 39] (лексема “payday” имеет в словаре помету *«эк.»*, однако его значение нетрудно вывести из значений составляющих его морфем – это кредит под залог будущей зарплаты), “*BSkyB* fights back in 'fitness' battle // Chief executive sends out message to Ofcom Profits rise by 27%, helped by £546 average revenue” [12, p. 29] (BSkyB – British Sky Broadcasting Group plc – крупнейшая в Великобритании и Ирландии компания спутникового телевидения).

Рассмотренные выше примеры подтверждают тот факт, что журналисты “The Guardian” адаптируют лексико-синтаксическое наполнение заглавий статей, ориентируясь на предполагаемого реципиента – читателя без обширных фоновых знаний в области экономики.

Рассмотрев заглавия экономических статей трех британских изданий, можно отметить преобладание информирующих заглавий в связи с частым употреблением в них прецизионной лексики. Имена собственные, термины и профессионализмы знакомы потенциальной читательской аудитории и являются носителями предзнания, которое авторы материалов сообщают реципиенту для правильной интерпретации сначала заголовочного комплекса,

а затем газетно-журнальной статьи в целом. Для привлечения внимания читателя во время просмотрового чтения в заглавия включаются разнообразные средства художественной выразительности.

Полученные результаты могут иметь практическую ценность для описания англоязычной языковой картины мира в русле лингвокультурологии, а выбор в качестве практического материала текстов из средств массовой информации делает данное исследование актуальным для специалистов в области медиакоммуникации и переводоведения.

Библиографический список

1. Булынина М. М. Проблема синтаксического концепта // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 67–73.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
4. Моисеев А. И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127–132.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. – 32 с.
6. Чертоусова С. В. Ономастическое пространство заглавий немецкоязычных экономических статей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №2 (44) : в 2-х ч. – Ч. I. – С. 205–209.
7. Чертоусова С. В. Синтаксический концепт «экономический заголовок» в немецкоязычной лингвокультуре // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Межвуз. сборник научных трудов. Вып. 34. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – С. 401–408.
8. Collins English Dictionary & Thesaurus. 21st century edition / General Consultant: J. M. Sinclair. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2002. – 1397 p.
9. Gey F. C. Research to Improve Cross-Language Retrieval // Cross-Language Information Retrieval and Evaluation, Workshop of Cross-Language Evaluation Forum. – Berlin: Springer-Verlag. – P. 83–88.
10. Gyger M. Namen in Printmedien // Namenforschung. – Berlin: de Gruyter, 1995. – S. 520–524.
11. The Economist (June 26th 2010). – 2010. – 119 p.
12. The Financial Times (May 7th 2012). – 2012. – 46 p.
13. The Guardian (3.05.12). – 2012. – 44 p.
14. The Guardian (12.05.12). – 2012. – 50 p.
15. The Guardian (16.05.12). – 2012. – 56 p.
16. The Guardian (17.05.12). – 2012. – 44 p.
17. The Guardian (18.05.12). – 2012. – 44 p.
18. The Guardian (19.05.12). – 2012. – 54 p.

IV. ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 378

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. Е. Боброва
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В статье отражен поиск инновационных методов обучения. Актуальность статьи обусловлена внедрением онлайн-курсов в учебный процесс. Целью исследования является выявление особенностей онлайн-обучения, его основных сильных и слабых сторон. В статье описывается опыт внедрения онлайн-обучения в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева.

Ключевые слова: образовательный процесс, инновации в образовании, онлайн-обучение, онлайн-курс, МООК, сильные и слабые стороны, возможности и угрозы.

ONLINE LEARNING IN THE EDUCATIONAL PROCESS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article focuses on the search for the innovative teaching methods. Online courses have become a part of the educational process nowadays. The study aims at identifying peculiarities of online learning, its main strengths and weaknesses. The author describes the experience of implementing online learning at N. P. Ogarev Mordovia State University.

Key words: educational process, innovations in education, online learning, online course, MOOCs, strengths and weaknesses, opportunities and threats.

Потребность в квалифицированных специалистах на рынке труда возрастает по мере активного внедрения России в мировое экономическое, образовательное и информационное пространство. Очевидно, что традиционное образование не всегда отвечает современным требованиям работодателей касаемо подготовки потенциальных сотрудников. Модернизация системы высшего образования, внедрение новых образовательных стандартов приводят к необходимости переосмысления организации образовательного процесса. Важно разработать новые модели обучения и использовать передовые информационные технологии [1, с. 154]; [3, с. 45]; [4]. Таким образом, представляется, что «смешанные модели обучения», сочетая в себе «лучшее из традиционного обучения и возможности современных информационных технологий», смогут решить проблемы, стоящие перед участниками образовательного процесса [1]; [2]; [3, с. 46].

Активно развивающиеся информационные технологии влияют на все большее вовлечение многих участников образовательного процесса в электронную среду, то есть очевиден растущий спрос на онлайн-образование.

Сегодня сложно представить учебный процесс без использования онлайн-курсов. Данная статья направлена на выявление возможностей и угроз, связанных с использованием онлайн-обучения, а также его сильных и слабых сторон.

Онлайн-курс рассматривается как структурированный набор видов, форм и средств образовательной деятельности, реализуемый с использованием технологий электронного обучения и дистанционного обучения, который обеспечивает «достижение и оценку определенных результатов обучения одновременно для любого количества студентов на основе комплекса взаимосвязанных электронных образовательных ресурсов в рамках единого педагогического процесса» [5].

Такие платформы онлайн-обучения, как Coursera, FutureLearn, edX.org, Stepik, openu.ru, MOOPED и другие предлагают бесплатные онлайн-курсы ведущих университетов и институтов.

В настоящее время все большее количество вузов стремится участвовать в «открытом» образовании. Так, например, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва предоставляет доступ к электронным учебным курсам институтов и факультетов, а также к массовым открытым лекциям в системе дистанционного обучения LMS Moodle.

Кроме этого, в настоящий момент на единой региональной образовательной онлайн-платформе вузов Республики Мордовия «Огарёв-University» доступно 8 массовых открытых онлайн-курсов МГУ им. Огарёва (https://mooc.mrsu.ru). Рассмотрим некоторые из них.

Так, например, курс «Лингвистические и культурно-исторические особенности мордовского края» будет полезен широкому кругу слушателей, интересующихся историей и культурой финно-угорских народов.

Курс «Безопасность жизнедеятельности» рекомендован для обучающихся всех специальностей среднего профессионального образования и направлений подготовки бакалавриата высшего образования, в учебный план которых включена дисциплина «Безопасность жизнедеятельности», а также широкому кругу слушателей, интересующихся проблемами безопасности жизнедеятельности.

Учебный курс "Anatomy of the skeletal system" предлагается для иностранных студентов медицинских вузов специальности «Общая медицина».

Для освоения материала, представленного в рамках курса «Основы психологии», слушателям не потребуются специальные профессиональные психологические или научные знания и умения, он предназначен для широкого круга слушателей.

Курс «Культура профессиональной речи» позволяет студентам повысить уровень владения русским языком, необходимый для успешной учёбы и будущей профессиональной деятельности.

Практически все обозначенные курсы и некоторые другие содержат 2 зачетных единицы и рассчитаны на 72 часа. Содержание тем раскрывается в видеолекциях; в текстовом формате можно ознакомиться с конспектами лекционного материала, материалами к практическим занятиям. Каждая тема завершается тестовым или практическим заданием. Итоговая проверка знаний (зачет) осуществляется в форме теста. У студентов-иностранцев, обучающихся в российских вузах, не возникнет сложностей в изучении теории, прохождении тестовых заданий и подтверждении результатов обучения, так как весь материал курсов переведен на английский язык.

Дисциплины «Иностранный язык», «Деловой иностранный язык» реализуются с использованием дистанционных образовательных технологий на платформе цифровой образовательной среды Skyes University (https://uni.skyeng.ru/).

Итак, определим возможности, граничащие с сильными сторонами онлайн-обучения: большое количество студентов может работать одновременно; отсутствие возрастных ограничений; изменчивость и разнообразие; мобильность и учеба 24/7; возможность обучаться в любое время в любом месте; обучение на протяжении всей жизни; возможность саморазвития, самообразования, обучения самодисциплине. Кроме того, можно выбрать лектора не только в России, но и за рубежом; возможность получить консультацию специалиста, с которым сложно контактировать в реальной жизни, пообщаться в рамках профессионального сообщества в предметной области; появляется возможность привлекать интересных преподавателей для работы на онлайн-площадках, а также формировать команду специалистов, занимающихся разработкой и продвижением онлайн-курсов. В целом, существует возможность применения единых стандартов обучения в учебной программе и возможность использования и распространения лучших практик обучения.

Возможность использования обучающих систем позволяет совмещать получение знаний с приобретением трудовых навыков путем комбинирования различных видов учебной информации [6].

Для иностранных студентов многих российских вузов онлайн-обучение часто является единственной возможностью лучше узнать русский язык, услышать живую речь носителя языка на вебинаре или онлайн-лекции, послушать лекцию специалиста и получить комментарии профессионального лектора. Иностранные студенты находятся в разных частях мира и в разных часовых поясах, а онлайн-обучение позволяет им учиться в удобное время и в удобном месте.

Тесты и задания, размещенные на сайтах университетов, также могут быть использованы как элемент или дополнение очного курса. Таким образом, прохождение вступительного и итогового тестирования онлайн оптимизирует процесс обучения и контроля. Вебинары обычно записываются, и студенты имеют доступ к пропущенной лекции, материалам.

Следует отметить, что онлайн-обучение открывает возможности для получения полного образования учащимся с ограниченными возможностями.

К преимуществам можно отнести популяризацию образования и повышение уровня российского образования как показателя уровня жизни населения (который также входит в индекс глобальной конкурентоспособности, по которому инвесторы оценивают привлекательность страны для инвестиций в экономику).

Однако, наряду с сильными сторонами, у онлайн-обучения есть и некоторые недостатки, которые приводят к угрозам, связанным с использованием онлайн-обучения.

Во-первых, отсутствует личное общение между студентами и преподавателями, необходимое для личного и духовного развития студентов университета. При проведении традиционных «живых» занятий учитываются психологические особенности учеников, к каждому ученику применяется индивидуальный подход. В целом оказывается психологическая поддержка учебного процесса, что невозможно при онлайн-обучении.

Во-вторых, следует учитывать высокую сложность разработки курсов дистанционного обучения. Не все преподаватели могут использовать платформу для онлайн-обучения. Отсутствие компетентных консультантов и наставников для работы с педагогами, создающими онлайн-курсы, может замедлить процесс разработки новых онлайн-курсов. Более того, разные преподаватели-разработчики имеют свои взгляды и подходы, что может привести к неоднородности качества онлайн-курсов. В системе образования нет единого стандарта онлайн-обучения, что затрудняет отслеживание и проверку качества курсов. Кроме того, содержание курса должно постоянно варьироваться в зависимости от количества участников. Уменьшение разнообразия форм учебного процесса может привести к невозможности проведения реальной практической и лабораторной работы (проведения экспериментов).

К недостаткам онлайн-обучения также можно отнести сложность выявления и контроля обучающегося, выполняющего контрольные задания и тесты, поэтому оно дает субъективную оценку знаний. Таким образом, преподаватель не может полностью контролировать знания учеников и процесс обучения. Отсутствие у студентов подготовки к напряженной, эффективной самостоятельной работе, неспособность самостоятельно планировать работу также может снизить эффективность онлайн-обучения. Излишний характер онлайн-обучения может плохо сказаться на здоровье, учитывая, что современное поколение не мыслит жизни без «гаджетов». Технические проблемы также актуальны для всех участников образовательного процесса онлайн [7].

Одним из недостатков онлайн-образования может быть и потеря интереса к курсу на каком-то этапе обучения. Если курс вначале достаточно легкий, то потом может наблюдаться определенная утомляемость. Таким образом, процент студентов, завершивших курсы, может быть минимальным.

Подводя итог, несмотря на вышеупомянутые плюсы и минусы онлайн-обучения, следует признать, что современное образование невозможно представить без онлайн-формата. Он способствует распространению знаний и образования среди большего числа людей, имеет большой дидактический потенциал, создает перспективы для выстраивания новых траекторий познавательной деятельности и содействует эффективному внедрению Интернет-ресурсов в учебный процесс.

Библиографический список

1. Боброва Н. Е. К вопросу индивидуального подхода в обучении студентов иностранному языку в Мордовском ВУЗе //Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. – Саранск, 2016. – С. 154-159.
2. Боброва Н. Е. Инновации в преподавании иностранных языков // Финноугорская традиционная культура в современном информационном обществе. – Саранск, 2013. – С. 114-115.
3. Борщева В. В. Использование массовых открытых онлайн-курсов в обучении английскому языку студентов нелингвистических направлений подготовки / В. В. Борщев, В. С. Кашпарова, В. Ю. Синицын // Педагогика и психология образования. – Москва. – 2017. – №1. – С. 45-54.
4. Гончарук Н. П. Интеграция педагогических и информационных технологий в образовательном процессе / Н. П. Гончарук, Е. И. Хромова // Казанский педагогический журнал. – Казань. – 2018. – № 4(129). – С. 32–37.
5. Манукянц С. В. Организация самостоятельной работы студентов на электронном курсе по базовым экономическим дисциплинам // Современные проблемы теоретического образования / Материалы Всерос. науч.-метод. конф. – Йошкар-Ола: Изд-во ПГТУ, 2015. – С. 60–63.
6. Мурнева М. И. Современная технология обучения английскому языку на неязыковых факультетах: наука или искусство? / М. И. Мурнева, Н. А. Шестакова, Е. В. Самойлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов. – 2018. – № 3-2(81). – С. 415–418.
7. Нехаев И. Н. Анализ качества процесса обучения с использованием онлайн-курсов // Лучшие практики электронного обучения / Материалы II метод. конф. Министерство науки и образования РФ; Томский государственный университет, 2016. – С.8–14.

УДК 373.5:81’243

РОЛЕВАЯ ИГРА НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

И. В. Вельмискина
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В статье рассматривается важность использования ролевых игр на уроке иностранного языка в средней школе. Автор описывает понятие и классификации ролевых игр. В статье исследуется положительные стороны использования ролевых игр с учетом психологических особенностей учащихся данных возрастов.

Ключевые слова: ролевая игра, средняя школа, обучение иностранным языкам, коммуникативная компетенция.

ROLE PLAY AT A FOREIGN LANGUAGE LESSON IN SECONDARY SCHOOL

Abstract. The article considers the importance of using role plays at a foreign language lesson in secondary school. The author describes the concept and classification of role plays. The article explores the benefits of using role plays, taking into account the psychological characteristics of students of given ages.

Key words: role play, secondary school, foreign languages training, communicative competence.

Независимо от способа и целей изучения языков и от возраста обучаемых, было и будет важно, чтобы процесс обучения вызывал интерес учащихся и был максимально полезен. Именно ролевые игры позволяют делать этот процесс интересным и творческим, а также способствуют формированию коммуникативной компетенции. На самом деле ролевые игры важны на любом этапе обучения иностранному языку, но в данной статье мы рассмотрим их важность на уроках иностранного языка в средней школе.

Ролевая игра – это форма организации коллективной учебной деятельности на уроке, имеющая своей целью формирование и развитие речевых навыков и умений в условиях, максимально близких к условиям реального общения [1, с. 264]. В ходе таких игр перед учащимися ставится какая-либо коммуникативная задача или описывается проблемная ситуация, которую необходимо решить. В процессе игры учащиеся совершенствуют или формируют свои речевые навыки, что является огромным преимуществом данного вида урочной деятельности.

Р. П. Мильруд [4] и Дж. Ладусс [8] в своих трудах затрагивают тему ролевых игр, утверждая, что они важны в обучении иностранному языку, так как помогают развивать продуктивные навыки учащихся. Благодаря ролевым играм учащиеся могут приобрести незабываемый опыт общения. Лексика, которую можно ввести при помощи игр, не будет ограничиваться рамками парной или групповой работы, обычно проводимой на уроках. Таким образом,

посредством ролевых игр можно поставить учащихся в любую возможную ситуацию общения.

Кроме того, ролевые игры повышают мотивацию к обучению и обмену информацией, у учащихся появляется желание использовать язык не только для общения с одноклассниками в пределах класса, но и с другими людьми за его пределами. Также они позволяют самим участникам игры определять, как использовать те или иные знания в конкретной игровой ситуации. Безусловно, это способствует лучшему пониманию и усвоению материала, а главное развитию коммуникативного навыка. Опыт, приобретенный в процессе ролевой игры, и пережитые эмоции позволяют учащимся не пугаться реальных ситуаций общения с носителями языка. В дополнение к этому учащиеся приобретают важные умения, которые могут понадобиться в повседневной жизни.

Р. П. Мильруд классифицировал ролевые игры по нескольким характеристикам. В зависимости от сложности речевого задания он выделял [4, с. 121]:

- контролируемые ролевые игры (заранее обговаривается лексика и различные конструкции, которые учащиеся обязательно должны использовать в процессе игры);
- частично-контролируемые ролевые игры (есть заранее обговоренная лексика, но учащиеся могут использовать то, что посчитают нужным);
- неконтролируемые или свободные ролевые игры (главное, чтобы учащиеся донесли до собеседника нужную мысль, при этом они могут использовать любую лексику).

Также Мильруд приводит классификацию ролевых игр по их продолжительности: эпизодические (small-scale role plays) – проводятся в пределах одного урока и масштабные (large-scale role plays) – могут проводиться дольше, чем один урок, вплоть до длительности всей четверти.

Дж. Стайнберг утверждает, что игры на уроках английского языка можно использовать в любое время и на любом уровне, и они всегда будут уместны [6, с. 11]. С течением времени у обучающихся может пропасть интерес к языку прежде всего из-за монотонной работы на занятиях. Ролевые игры в свою очередь вносят в урок творческую составляющую и привлекают интерес всех обучающихся.

Джиллиан Ладоусс приводит следующие причины использования ролевых игр на уроках [8, с. 6–7]:

1. Благодаря ролевым играм учащиеся могут приобрести незабываемый опыт общения. Лексика, которую можно ввести при помощи игр, не будет ограничиваться рамками парной или групповой работы, которая обычно проводится на уроках. Таким образом, посредством ролевых игр можно поставить учащихся в любую возможную ситуацию общения.
2. Используя ролевые игры можно создавать такие ситуации, в которых учащимся придется осуществлять фатическую коммуникацию (акт

речевой коммуникации с целью установить контакт с собеседником или поддержать разговор, при котором высказывания не несут в себе особого смысла). Несмотря на то, что такой вид коммуникации является очень важным в процессе социальных контактов, часто на уроках английского языка не делается никакого упора на обучение так называемому искусству «small talk», при этом такой пункт может и вовсе отсутствовать в учебном плане.

3. Ролевые игры очень важны для тех людей, которые учат английский язык с определенной целью. Например, чтобы устроится на работу в какую-либо зарубежную или интернациональную компанию. В этом случае для обучающегося будет невероятно полезно вжиться в подобную роль в процессе ролевой игры и «прожить» какую-то конкретную ситуацию, непосредственно связанную с его будущей деятельностью.

4. Ролевые игры делают процесс обучения более веселым.

5. Ролевые игры повышают мотивацию к обучению и обмену информацией как внутри класса, так и за его пределами.

К среднему этапу школьного образования относятся 5-9 классы. Возраст учащихся на данном этапе обучения варьируется от 11 до 15 лет. Эти годы можно охарактеризовать как сложный переходный период. В жизни подростков происходят различные изменения, как внутренние, так и внешние. Они выходят из своей зоны комфорта, в школе характер их учебной деятельности меняется, появляется больше учебных предметов, материал становится сложнее. Вместе с этим меняется поведение учащихся. Они начинают настаивать на утверждении собственной позиции, иногда очень твердо, также стараются выделиться среди сверстников, либо наоборот быть незаметными.

Стоит отметить, что учащиеся в этот период уже более осознанно относятся процессу образования в целом. Они совершенствуют свои разговорные навыки, как в монологе, так и в диалоге. А. П. Василевич отмечает, что если средний объем монологического высказывания у учащихся 5-7 классов составляет 8-10 фраз, то к 8-9 классам он возрастает до 10-12 фраз. То же самое касается и объема диалога: от 3 реплик в 5-7 классах, до 4-5 реплик в 8-9 классах. К концу этой ступени учащиеся должны более или менее уверенно понимать устное сообщение длительностью до трех минут звучания [2, с. 353]. Соответственно, проведение ролевых игр на данном этапе обучения может быть довольно успешным.

В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования в качестве одного из результатов обучения иностранному языку значится формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции, расширение лингвистического кругозора и лексического запаса и дальнейшее овладение общей речевой культурой [7]. Таким образом, в средней школе постепенно увеличивается время, выделяемое на формирование и развитие навыков говорения.

На уроках учащиеся могут развивать свои навыки говорения в рамках различных коммуникативных ситуаций, которые являются очень важным

элементом процесса обучения потому, что так учащиеся могут развивать свои умения пользоваться уже изученным материалом. Более того, от лучшего понимания важности, нужности и полезности полученной информации, у учащихся появляется мотивация для дальнейшего изучения языка. Именно ролевые игры становятся источниками таких коммуникативных ситуаций, а также основой для формирования коммуникативной компетенции, которая подразумевает под собой умение пользоваться средствами языка в различных ситуациях общения. В общем и целом, при таком использовании ролевых игр соблюдаются принципы коммуникативной направленности обучения иностранному языку, функциональности и ситуативности, сознательности и активности.

Кроме того, на уроках очень часто может присутствовать элемент стеснения. Этому, к сожалению, подвержены многие обучающиеся иностранным языкам вследствие перечисленных ранее сложностей переходного периода в жизни школьников данного этапа обучения. Именно ролевые игры очень часто помогают преодолеть это стеснение, равно как и помочь учащимся выделиться и высказать свое мнение. В процессе игры участники, так сказать, надевают на себя маски, они играют роли. Это помогает им быть более раскованными и использовать все свои знания для осуществления коммуникации, ведь именно правильное и уместное использование знаний является важным.

Немаловажным является тот факт, что в процессе ролевых игр учащиеся приобретают различные умения. Так, Н. И. Гез выделяет следующие умения [3, с. 218]:

- умение принять и исполнить роль;
- умение ориентироваться в ролях партнеров;
- умение выбирать языковые средства в соответствии с ситуацией;
- умение приводить и отстаивать свою точку зрения;
- умение находить компромисс;
- умение предусматривать конфликт и находить пути его устранения;
- умение формулировать проблему и находить пути ее решения;
- умение менять тактику своего поведения;
- умение владеть стратегией общения (знать формулы обращений, уметь уместно употреблять речевые и этикетные формулы и т.д.).

Как можно заметить, в данном списке перечислены умения, которые могут оказаться весьма полезными не только в учебе, но и в реальной жизни. Также, можно сделать вывод, что ролевые игры ведут к достижению одной из целей обучения иностранным языкам, а именно – развивающей цели. Кроме того, ролевые игры, используемые на уроках иностранного языка, могут помочь в достижении некоторых личностных результатов освоения основной образовательной программы, например, осознанное, уважительное и доброжелательное отношение к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, вере, гражданской позиции [5, с. 16].

Таким образом, ролевые игры могут стать незаменимым инструментом в руках учителя для формирования и развития у учащихся коммуникативной компетенции. Знания, получаемые в средней школе, позволяют учащимся, как выражать собственное мнение в виде монологического высказывания, так и обмениваться мнениями или различного рода информацией в диалоге. Эти умения можно успешно натренировать, поставив перед детьми конкретную ситуацию в рамках ролевой игры. Круг тем для игр будет определяться содержанием языкового материала основной школы, к которому можно отнести такие темы, как семья, друзья, спорт, путешествия, профессия и т.д.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАФ, 2009. – 448 с.
2. Гальскова Н. Д., Василевич А. П., Коряковцева Н. Ф., Акимова Н. В. Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2017. – 390 с.
3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 3-е изд. стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
4. Мильруд Р. П. Методика преподавания английского языка. English Teaching Methodology : учеб. пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2005 – 253, [3] с.
5. Примерная основная образовательная программа основного общего образования [Электронный ресурс]: одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 8 апреля 2015 г. № 1/15) (ред. от 04.02.2020). – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/primernaja-osnovnaja-obrazovatelnaja-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovanija-odobrena-resheniem/.
6. Стайнберг Дж. 110 игр на уроках английского языка / Дж. Стайнберг; пер. сангл. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 124 [4] с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]: утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897 в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644. – Режим доступа: https://fgos.ru.
8. Ladousse G. P. Role play. – Oxford University Press, 1987. – 181 p.

УДК 373:371.3:811.111

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

С. В. Скачкова
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В данной статье автор комплексно рассматривает особенности обучения иностранному языку детей младшего школьного возраста. На основе исследований, посвященных возрастной психологии, выделяются основные характеристики детей как участников образовательного процесса. Также затрагивается вопрос об особенностях восприятия различных видов речевой деятельности на начальном этапе.

Ключевые слова: начальный этап обучения, возрастные особенности детей, овладение вторым языком, виды речевой деятельности.

MAIN CHARACTERISTICS OF TEACHING ENGLISH TO YOUNG LEARNERS

Abstract. The article considers the main characteristics of teaching English to young learners. Based on developmental psychology, the author points out the main characteristics of young learners during mastering English as L2. The article also touches upon the issue of teaching the language skills at the early stage.

Key words: early education, developmental characteristics of children, second language acquisition, language skills.

Находясь в процессе познания мира, дети овладевают родным языком бессознательно, благодаря языковому окружению с которым они сталкиваются каждый день. Когда речь идет об иностранном языке, создание языковой среды не всегда также легко может дать быстрый результат. Данный феномен связан с тем, что овладение вторым языком имеет ряд особенностей, которые прежде всего связаны с учетом возрастных характеристик ребенка. Знание данных характеристик, а также стадий психологического развития младших учащихся позволяет эффективно построить образовательную траекторию, которая будет интересна и посильна для детей на начальном этапе обучения.

Прежде всего следует определить возрастной диапазон, в рамках которого происходит обучение детей английскому языку на начальном этапе. Опираясь на данные ФГОС, можно утверждать, что иностранный язык входит в программу начального общего образования, а его овладение начинается с 7 лет (средний возраст ребенка в 1 классе) [1, с. 8]. Западные методисты выделяют категорию «Young Learners» как термин для учащихся данной возрастной группы. Однако мнения насчет возрастных ограничений этой категории расходятся. Так, руководство по подготовке к сдаче международного экзамена TKT: Young Learners, созданное экзаменационной комиссией Cambridge Assessment English, определяет «Young Learners» как

детей в возрасте от 6 до 12 лет [2, с. 6]. Лингвист Д. Нунан, в свою очередь, выделяет больший промежуток времени для овладения языком данной группой учащихся – от 3 до 15 лет [3]. Некоторые методисты выделяют два этапа обучения «Young Learners». Дж. Хармер, в частности, считает, что младших учащихся можно разделить на «Very Young Learners» (от 2 до 5 лет) и собственно «Young Learners» (от 5 до 9 лет) [4, с. 14]. Таким образом, обобщив представленные мнения, можно определить возраст «Young Learners» как период от 6 до 10 лет.

Очевидно, что особое место в исследовании проблемы обучения младших учащихся иностранному языку на раннем этапе занимает возрастная психология. Для успешного обучения детей учитель должен знать базовые физические и психологические нужды ребенка на каждом этапе его развития. Для того чтобы определить, какими возрастными особенностями обладают младшие учащиеся, рассмотрим две психолингвистические теории, в центре внимания которых находится когнитивное развитие ребенка.

Психолог Ж. Пиаже выделяет четыре стадии когнитивного развития ребенка, которые он преодолевает от рождения до взросления [3]. На дооперациональной стадии (2-7 лет) ребенок воспринимает мир через призму своих эгоцентричных потребностей, т.е. он познает мир самостоятельно, через активное взаимодействие с окружающим миром. По словам лингвиста Л. Кэмерон, основываясь на ощущениях и приобретенном опыте, дети создают собственные языковые смыслы, пренебрегая точкой зрения других людей [5, с. 4]. Они начинают мыслить символически, используя слова для отображения предметов действительности, а к 7 годам осваивают базовые грамматические конструкции. На стадии конкретных операций (7-11 лет), дети становятся менее эгоцентричными и более рациональными. Развивается индуктивная логика, применяемая к конкретным (но не абстрактным) предметам, улучшается способность обобщения и классификации явлений. Таким образом, по мнению Ж. Пиаже, ребенок, будучи активным исследователем окружающего мира, строит смысловые связи, опираясь на свой опыт. Другими словами, младшие учащиеся воспринимают информацию эффективнее посредством физических действий, чем с помощью объяснения учителем.

В отличие от Ж. Пиаже, советский психолингвист Л. Выготский считает, что ребенок приобретает знания благодаря коммуникации с окружающими его людьми, то есть роль социального контекста в когнитивном развитии ребенка является первостепенной. Старшие и более опытные члены общества (родители и учителя) посредством языкового взаимодействия передают младшим знания и ценности, необходимые для жизни в социуме [6, с. 249]. Нельзя не согласиться с мнением данного исследователя, ведь со сторонней помощью дети способны овладеть большими навыками, чем действуя самостоятельно.

Также одной из важнейших особенностей ребенка, по мнению Л. Выготского, является способность идентифицировать учителя как авторитет, отличный от родителей. Об этом свидетельствует существование в

данном возрасте так называемой «зоны ближайшего развития». В своей работе «Разум в обществе» Л. Выготский определяет это понятие как «расстояние между фактическим уровнем развитием ребенка, которое определяется независимым решением проблем, и уровнем потенциального развития, определяемым, в свою очередь, решением проблем в результате совместной деятельности со взрослыми» [7, с. 86]. Данный феномен, таким образом, доказывает потребность детей в наставлении учителя, помогающего преодолеть трудности, с которыми ребенку придется столкнуться на пути освоения иностранного языка.

Нельзя не отметить тот факт, что при обучении английскому языку детей и взрослых используются разные методы и подходы, что связано с психологическими особенностями данных возрастных категорий. Беря во внимание описанные выше теории психолингвистов Ж. Пиаже и Л. Выготского, а также мнение зарубежного методиста Дж. Хармера [4, с. 14], различия в процессе обучения детей и взрослых можно представить в виде сравнения в Табл. 1:

Таблица 1 – Сравнение психологических особенностей обучения детей и взрослых

Дети	**Взрослые**
обучаются путем взаимодействия с окружающей средой	наличие социальной коммуникации не обязательно
нуждаются в поддержке и помощи учителя	с легкостью работают самостоятельно
эгоцентричны и проецируют новые знания только на себя	осознают себя в социуме и толерантно относятся к чужой точке зрения
с трудом воспринимают абстрактные понятия	не испытывают затруднений при объяснении абстрактных правил
не осознают себя как участников процесса обучения	ставят четкие цели и понимают, для чего учатся
активно проявляют воображение, повышенный интерес к играм	проявляют интерес к темам, связанным с повседневной жизнью, карьерой
любопытны и открыты к новым знаниям	имея негативный опыт изучения языка, могут заранее настраивать себя на неудачу
обладают низким уровнем концентрации внимания и легко отвлекаются	дисциплинированны и готовы выполнять даже однообразные задания

Таким образом, по сравнению со взрослыми, дети как правило более активны, требуют социального взаимодействия, а также склонны к проявлению творческих способностей и самовыражению в процессе обучения. Кроме того, по мнению Дж. Хармера немаловажной характеристикой ребенка

является его способность с легкостью «впитывать» знания, особенно в рамках обучения иностранному языку [4, с. 15]. Однако с той же легкостью дети склонны и забывать изучаемые иностранные языки, если не обеспечить соответствующей практики.

Следующей важной характеристикой младших учащихся является их способность усваивать язык бессознательно, что также связано с их возрастными особенностями. Данное утверждение подтверждается теорией западного психолингвиста С. Крашена, который предлагает разделять понятия «усвоение языка» и «изучение языка» [8, с. 10]. Он высказывает мнение о том, что «усвоение» чаще всего связывают с родным языком, поскольку его познание осуществляется естественным образом. Иначе говоря, дети используют языковые единицы для коммуникации, не задумываясь о том, какая грамматическая форма корректна в каждом отдельном случае. Благодаря языковой догадке, ребенок способен вычленить и исправить речевые ошибки даже без знания правил. «Изучение языка», как отмечает исследователь, в свою очередь, сводится к осознанному пониманию языковых форм, способности рассуждать об их функциях и значении. Как было сказано ранее, младшие учащиеся не способны воспринимать абстрактные явления и тем более давать им объяснение. Именно поэтому некоторые исследователи полагают, что в то время как дети усваивают язык, взрослые могут ему только учиться.

Поскольку С. Крашен утверждает, что обучение иностранному языку эффективно только в случае его «усвоения», оптимальным способом достижения данного процесса будет являться увеличение диапазона языкового материала, передаваемого учащимся. В связи с этим исследователь выдвигает гипотезу «входного материала», основанную на особенностях обучения детей английскому как второму языку. Она заключается в следующем: для того чтобы перейти из стадии (i), текущего уровня языковой компетенции на стадию (i + 1), следующая ступень усвоения языка, необходимо обеспечить детей информацией чуть большей, чем они обладают [8, с. 21]. При этом важно отметить, что понимание данного языкового контекста означает осознание его содержания, а не формы. Таким образом, при расширении границы знания детей в соответствии с их возрастными особенностями обучение их английскому языку по принципу «усвоения» действительно представляется возможным.

Формирование коммуникационных навыков при обучении иностранному языку зависит от формирования навыков всех видов речевой деятельности: аудирования, говорения, чтения и письма. Младшие учащиеся, только начинающие осваивать английский язык, нуждаются в особенном внимании со стороны учителя, поскольку, заложив прочную основу знаний на раннем этапе, можно с уверенностью обеспечить дальнейшее успешное развитие языковых навыков и умений.

Развитие навыков аудирования является первостепенной задачей при обучении английскому языку младших учащихся. Поскольку дети на раннем

этапе еще не обладают навыками чтения, аудиальный канал восприятия информации является для них наиболее доступным. Они тренируют речевой слух путем восприятия англоязычной речи учителя или диктора и соотносят сказанное с простейшими действиями, однако еще не способны самостоятельно построить четкое высказывание на иностранном языке. Именно поэтому дети нуждаются в понятном и значимом материале для аудирования, на базе которого они в дальнейшем будут строить свою речь. Также немаловажным аспектом при обучении аудированию является визуальная опора. Наличие картинок, карточек, постеров, таблиц существенно увеличивает процент понимания устной речи, так как дети могут достроить контекст за счет компенсаторных умений.

Говорение, как и аудирование, является рецептивным видом речевой деятельности, и, как правило, неотделимо от него, поскольку прежде чем произнести слово, сперва необходимо его услышать [9, с. 27]. На начальном этапе обучения дети, как правило, не обладают большим словарным запасом и не могут свободно выражать мысли на иностранном языке. По этой причине языковая практика учащихся ограничена и представляет собой контролируемые учителем задания типа повторений, вопросно-ответных упражнений, перефразирования [10, с. 128]. Подобные задания обеспечивают базу для свободного говорения, благодаря отработке типичных грамматических конструкций и активного вокабуляра. Упражнения в свободном говорении приближены к ситуациям реальной жизни и позволяют ребенку почувствовать, что он действительно способен общаться на иностранном языке. Задания здесь отличаются разнообразием: начиная от карточных игр и заканчивая мини-высказываниями на значимые темы и ролевыми играми. Важно отметить, что при свободном высказывании, учащиеся концентрируют внимание на содержании передаваемого сообщения, а не его форме. В связи с этим учитель не должен исправлять ошибки ребенка во время его ответа, поскольку, тем самым он может поставить учащегося в неловкое положение перед сверстниками, что негативно скажется на его дальнейшем желании практиковать устную речь [10, с. 130].

По мере повышения уровня грамотности главным ресурсом расширения языкового потенциала младших учащихся становится чтение. Количество этапов обучения чтению будет зависеть, во-первых, от текущего умения учащегося читать на родном языке и, во-вторых, от способности декодировать графическую модель слова в его устноязыковую форму [9, с. 69]. Учащиеся, которые уже умеют читать или находятся в процессе овладения этим умением на родном языке, знакомы с большинством техник чтения: соотнесение букв с их звуками, деление слов на слоги, понимание связи предложений и абзацев. Они могут переносить знания из системы родного языка, на иностранный. Однако проблемы могут возникнуть на этапе декодирования, поскольку в русском языке на одну букву приходится один звук (с – [с]), тогда как в английском тот же самый символ обозначает два звука (c – [c], [k]) [9, 70].

Поскольку обучение звуко-буквенным соответствиям английского языка может привести к влиянию отрицательной интерференции, начать обучение чтению младших учащихся стоит с так называемых «слов для зрительного запоминания» (sight words). Данные слова относятся к повседневной жизни и часто встречаются в письменных текстах, поэтому дети с легкостью запоминают их зрительный образ, а затем воспроизводят при чтении. Чаще всего учитель показывает детям подобные слова на карточках, несколько раз проговаривая их звуковую форму, а затем происходит усвоение слов в различных заданиях типа соотнесения с картинками и указывания на называемый предмет [11, с. 50].

Последний, но не по значимости, вид речевой деятельности, письмо, является наиболее трудным для овладения младшими учащимися. При обучении письму главным препятствием на начальном этапе становится овладение базовыми навыками графики и орфографии, что осложняется несовпадением алфавита, наличием в русском и английском языках одинаковых по написанию, но разных по звучанию букв (В – [в]/[b]), полисемией графем ([f] – f, ff, ph, gh). Исходя из этого, письменные задания в начале обучения будут дифференцированы и носить репродуктивный характер. Это означает, что учитель должен строго контролировать действия учащихся, чтобы те сформировали основные графико-орфографические навыки для дальнейшего использования письма как средства обучения лексике и грамматике. Однако даже младшие учащиеся способны воспроизводить свои собственные письменные тексты на основе модельного образца. Чаще всего это письма другу, открытки, мини-сочинения описания по картинкам. Важно отметить, что письменное произведение должно быть значимым для ребенка по содержанию и цели, для того чтобы привить интерес к дальнейшему развитию данного речевого умения.

Таким образом, обучение английскому языку детей в возрасте от 6 до 10 лет имеет свою специфику. Прежде всего она основана на возрастных особенностях учащихся и связанных с этим когнитивными способностями. В отличие от взрослых, которые изучают язык сознательно, основываясь на предыдущем опыте и логическом мышлении, дети усваивают язык бессознательно, путем коммуникации с окружающим миром и учителем, поддержка и мотивация которого играет для них первостепенную роль. На начальном этапе младшие учащиеся испытывают трудности в овладении иноязычными видами речевой деятельности, что также связано с их возрастными особенностями и фактом параллельного изучения родного языка. Задача учителя при работе с данной возрастной категорией сводится к тому, чтобы помочь детям сформировать необходимые базовые навыки и умения в аудировании, говорении, чтении и письме для комплексного овладения иностранным языком.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – М.: Просвещение. 2010. – 29 с.
2. TKT: Young Learners // Handbook for teachers. – Cambridge, United Kingdom: Cambridge Assessment English, 2019. – 26 p.
3. Nunan D. Teaching English to Young Learners [Электронный ресурс] // Anaheim, USA: Anaheim University Press, 2011. – Режим доступа: https://books.google.com.co/books?id=DNcn_QmwEvwC&printsec=copyright#v=onepage&q&f=false (дата обращения 9.10.2020)
4. Harmer J. How to teach English. Essex, England: Pearson Education Limited, 2007. – 288 p.
5. Cameron L. Teaching Languages to Young Learners. – Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. – 258 p.
6. Daniels H. An Introduction to Vygotsky. – London; New York: Routledge, 2005. – 340 p.
7. Vygotsky L. S. Mind in Society: The development of higher psychological processes. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1978.
8. Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Oxford, United Kingdom: Pergamon Press Inc., 1982. – 202 p.
9. Linse C. Practical English Language Teaching: Young Learners. – New York, USA: McGraw-Hill, 2005. – 216 p.
10. Shin J., Crandall J. Teaching Young Learners English. – Australia; Boston: National Geographic Learning / Heinle, Cengage Learning, 2013. – 390 p.
11. Scott W., Ytreberg E. Teaching English to Children. – London; New York: Longman, 1990. – 115 p.

УДК 81’42:811.1

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОЛИМПИАД ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А. С. Явор
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация. В настоящее время возрастает роль олимпиад в российском образовании. Цель данной статьи – рассмотреть историю развития и становления олимпиадного лингвистического движения в России, а также особенности построения олимпиад.

Ключевые слова: олимпиады школьников, языковое образование, лингвистические олимпиады, иностранные языки.

FEATURES OF CONSTRUCTION OF OLYMPIADS IN ENGLISH LANGUAGE

Abstract. The article deals with the increasing role of the Olympiads in Russian education. The purpose of this article is to examine the history of the development and establishment of the Olympic linguistic movement in Russia and the features of the construction of the Olympiads.

Keywords: school Olympiads, language education, linguistic Olympiads, foreign languages.

В настоящее время в российских образовательных учреждениях все чаще и чаще проводятся олимпиады по иностранным языкам. Такая тенденция в первую очередь обусловлена целью привлечь внимание школьников к иностранным языкам, то есть заинтересовать и мотивировать к их дальнейшему обучению. Также олимпиады способствуют развитию творческих способностей участников и увеличению интереса к изучению не только английского языка, но и его истории, истории страны изучаемого языка и культуры англоговорящих стран. Помимо этого, олимпиады по иностранным языкам являются инструментом, который помогает выявить одаренных детей с целью их дальнейшего отбора при поступлении в высшие учебные заведения РФ.

Самая первая олимпиада по иностранным языкам состоялась в Москве в 1965 году. Главным организатором данного мероприятия и разработчиком заданий стал А. Н. Журинский, выдающийся отечественный лингвист. Решение провести олимпиаду было принято не случайно: в 1960 году в МГУ было образовано новое отделение структурной и прикладной лингвистики, однако абитуриенты не имели ни малейшего понятия, что такое лингвистика, для чего она нужна и где ее впоследствии можно применять. В связи с этим и была разработана и проведена «Традиционная олимпиада по языковедению и математике» для школьников. Решение назвать олимпиаду «традиционной» было принято в связи с тем, что организаторы планировали проводить олимпиаду ежегодно. Также подразумевалось, что математика в данной

олимпиаде будет была использоваться для решения лингвистических задач с точки зрения логики.

Старшеклассникам были представлены задания для подготовки к олимпиаде, их рассылали по школам, вывешивали в городе на афишах, но впоследствии оказалось, что они не были связаны с заданиями, которые были на самой олимпиаде, поэтому школьники не знали, чего ждать. Олимпиада содержала в себе вопросы на венгерском и арабском языках, которые почти не изучались в СССР. Поэтому, чтобы ответить на предложенные вопросы, школьникам необходимо было полагаться не на свои знания, а на логику [2].

Структура лингвистических олимпиад и задания к ним значительно изменились за прошедшие годы. Современные олимпиадные задания сфокусированы на проверке лингвистической и социокультурной компетенции участников [4]. Также создаются межпредметные задания, то есть задания, основанные на базе не только одного английского языка, но и других школьных предметов [1].

В настоящее время олимпиады подразделяются на 3 уровня в зависимости от количества участников. 1-ый уровень присваивается олимпиаде, если на протяжении двух лет в ней принимают участие не менее 3000 школьников из 20 и более регионов РФ. 2-ой уровень, если участвует не менее 1500 школьников из 10 и более регионов РФ. В олимпиаде 3-го уровня должно участвовать не менее 300 школьников из 3 и более регионов РФ [5]. От уровня олимпиад зависят особые права при поступлении в вуз, которыми наделяются победители или призеры олимпиады. Однако каждый вуз самостоятельно решает, какими именно особыми правами наделяются победители и призеры.

Нужно отметить, что существуют два типа олимпиад: всероссийская олимпиада по иностранным языкам и перечневая олимпиада, то есть олимпиада, которая находится в утвержденном перечне Минобразования. К перечневым олимпиадам относятся олимпиады “Ломоносов”, “Покори Воробьевы горы!”, “Герценовская”, “Высшая проба”, а также олимпиады, организуемые такими вузами, как КФУ, СПбГУ, РАНХиГС и т.д. В рамках данного исследования нам хотелось бы сосредоточиться на самых популярных олимпиадах: ВсОШ, “Ломоносов” и “Высшая проба”. Таблица 1 содержит данные о количестве участников данных олимпиад за 2019/20 учебный год.

Таблица 1 – Количество участников наиболее популярных олимпиад

Количество участников		
“Высшая проба”	“Ломоносов”	ВсОШ
2975 чел.	5201 чел.	4 631 чел.

Мы рассмотрим данные олимпиады с целью выделения особенностей построения олимпиад по иностранным языкам.

В отличие от олимпиад, состоящих из одного этапа в прошлом, современные олимпиады проводятся в несколько этапов. Чаще всего это отборочный или школьный (для ВсОШ), муниципальный, региональный и заключительный этап [1]. Однако нужно сказать, что рассматриваемые нами олимпиады состоят из разных этапов, что продемонстрировано в Таблице 2. Данный аспект зависит непосредственно от организатора:

Таблица 2 – Этапы олимпиад

	Олимпиада		
Этапы	“Высшая проба”	“Ломоносов”	ВсОШ
Отборочный/ Школьный	+	+	+
Муниципальный	-	-	+
Региональный	-	+	+
Заключительный	+	+	+

Отдельное внимание стоит уделить структуре олимпиад. Анализ контрольно-измерительных материалов олимпиад позволяет выделить следующие разделы:

Таблица 3 – Разделы олимпиад

	Олимпиада		
Разделы	“Высшая проба”	“Ломоносов”	“ВсОШ”
Аудирование	+	+	+
Чтение	-	+	+
Письмо	+	+	+
Лексика и грамматика	+	+	+
Говорение	-	-	+

Анализ документов также позволяет выделить основные задания, которые включают в себя ранее перечисленные разделы:

Таблица 4 – Основные задания олимпиад

Олимпиада			
Разделы	“Высшая проба”	“Ломоносов”	ВсОШ
Аудирование	+	+	+
установить истинность высказываний, сформулированных по содержанию аудиозаписи	+	+	+
написать краткое содержание прослушанного текста	+	-	-
прослушать аудиозапись и вставить пропущенные слова в предложения	+	+	+
прослушать аудиозапись и ответить на вопросы о содержании прослушанного текста	-	-	+
прослушать аудиозапись и придумать продолжение прослушанной истории	-	+	-
прослушать аудиозапись и определить говорящего	-	-	+
Чтение	-	+	+
альтернативный выбор (правда/неправда) или усложненный альтернативный выбор (правда/неправда/в тексте не сказано)		+	+
упорядочение (составить связный текст из разрозненных предложений или абзацев; восстановить последовательность событий, представленных в произвольном порядке; вставить в текст пропущенные предложения или части предложений)		+	+
соотнести части текста и предлагаемые подзаголовки/основную информацию		-	+
найти в тексте запрашиваемую в вопроснике информацию		+	+
прочитать текст и ответить на вопросы		+	+
соотнести словарные определения со словами		+	-

написать краткое содержание прочитанного текста		+	-
Письмо	+	+	+
написать эссе на предложенную тему	+	+	+
написать рассказ по картинке	+	-	-
Лексика и грамматика	+	+	+
перевод с русского на английский	+	-	-
трансформация, замена, подстановка	+	-	+
завершение высказывания	+	-	+
клоуз-процедура или клоуз-тест (заполнение допущенных в тексте пробелов словами, артиклями)	+	+	+
восстановить текст, соединив части предложений	-	+	-
восстановить текст, определив порядок предложений, которые даны в перемешанном виде	-	+	-
восстановить текст, заполнив пропуски предложениями, которые выбираются из предложенного списка	-	+	-
найти ошибки в предложениях и отметить их/исправить их/соотнести их с типом ошибки	+	+	+
Говорение	-	-	+
прослушать текст и задать вопросы			+
монолог на заданную тему			+

Анализ Таблицы 4 показывает, что задания из исследуемых нами олимпиад направлены на проверку и оценку различных навыков у участников. Так, аудирование проверяет способность участников воспринимать на слух, понимать и определять цель и направленность прослушанной аудиозаписи, сокращения, разговорную речь, понимать роли участников беседы и их позиции по обсуждаемым вопросам, понимать отношение говорящего к теме, акцент [6]. Задания в разделе Чтение проверяют умение читать и понимать прочитанное, искать в тексте конкретную информацию, либо основную идею текста, а также понимать, какую цель преследует прочитанный текст и связь

между параграфами. Задания по грамматике и лексике направлены на понимание применения лексических и грамматических конструкций, умение применить их на практике, трансформировать [7]. Задания в разделе письмо проверяют умение школьников высказать свое мнение на предложенную тему, продемонстрировать использование грамматики и лексики непосредственно на практике и в зависимости от стиля работы [3]. Раздел говорение направлен на проверку использования грамматических форм, правильности применения лексики, способности к выражению своих мыслей и идей. В этом разделе уделяется особое внимание фонетике, проверяется правильность произношения слов, постановки ударения и интонации) [6].

Также анализ олимпиадных заданий перечисленных в Таблице 4 и учебно-методических документов позволяет определить уровни сложности заданий у олимпиад “Ломоносов” и “ВсОШ” для каждого класса согласно системе CEFR (Общеевропейской системе уровней владения иностранным языком) состоящей из 6 уровней от уровня A1 до уровня C2. Однако, данных о сложности олимпиады “Высшая проба” в открытом доступе нет.

Таблица 5 – Уровни сложности олимпиад

<table>
<tr><th></th><th colspan="3">Олимпиада</th></tr>
<tr><th>Класс</th><th>Высшая проба</th><th>Ломоносов</th><th>ВсОШ</th></tr>
<tr><td>5</td><td rowspan="8">-</td><td rowspan="6">A2 – B1</td><td rowspan="2">A1 – A2</td></tr>
<tr><td>6</td></tr>
<tr><td>7</td><td rowspan="2">A2 – B1</td></tr>
<tr><td>8</td></tr>
<tr><td>9</td><td rowspan="4">B1 – B2</td></tr>
<tr><td>10</td><td rowspan="2">B1 – B2</td></tr>
<tr><td>11</td></tr>
</table>

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Олимпиадное движение в нашей стране продолжает набирать популярность. Увеличивается количество олимпиад и участвующих в них школьников. На сегодняшний день численность участников близится к отметке в несколько десятков тысяч человек. Стоит также отметить высокую важность олимпиад при поступлении в вузы. Ежегодно победители и призеры олимпиад получают особые права при поступлении в престижные вузы нашей страны. Нужно также сказать, что олимпиады схожи между собой по структуре в целом. Но проанализировав и

сравнив олимпиады, мы можем сделать вывод, что они незначительно, но различаются по количеству этапов, разделов и заданий. На наш взгляд, олимпиады важно исследовать как современный феномен в области как обучения английскому языку, так и как феномен развития российского образования на современном этапе.

Библиографический список

1. Курасовская Ю. Б., Махмурян К. С. Всероссийская олимпиада школьников как показатель качества обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2018. – № 11. – С. 32–47.
2. Муравенко Е. В. Задачи А. Н. Журинского // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2009. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-a-n-zhurinskogo-1 (дата обращения: 26.09.2020).
3. Позднякова Е. В. Оценка умений и навыков письменной речи в курсе английского языка // Педагогические измерения. – 2017. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-umeniy-i-navykov-pismennoy-rechi-v-kurse-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 05.10.2020).
4. Сафонкина О. С., Фоминова Т. А. Формирование лингвистических компетенций посредством освоения навыков мышления высокого уровня // Огарёв-Online. – 2020. – № 6 (143).
5. Уровни олимпиад. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://olympiada.spbu.ru/urovni-olimpiad/
6. Christina Coombe, Keith Folse, and Nancy Hubley. A Practical Guide to Assessing English Language Learners. – Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 2007.
7. Testing for Language Teachers (Cambridge Language Teaching Library) 2nd Edition by. Arthur Hughes.